

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕРБОЛУЖИЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

Mockba

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканстики
Научный Центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)
Международный Фонд
югославянских исследований и сотрудничества
"Славянская летопись"

**ПРОБЛЕМЫ
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЕРБОЛУЖИЦКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И
ДИАЛЕКТОВ**

Сборник статей

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
М.И. Ермакова

Москва 1995

Редколлегия: *доктор филологических наук*
Л.Н. Смирнов
кандидат филологических наук
Ю.Е. Стемковская

Рецензенты: *доктор филологических наук*
Р.М. Цейтлин
доктор филологических наук
Т.В. Попова

ISBN 5-900-698-25-4

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1995

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Данный сборник, посвященный различным вопросам изучения серболужицких литературных языков и диалектов, является четвертым сборником по серболужицкому языкоznанию, создаваемым в Институте славяноведения и балканстики РАН. Как и в предыдущем (см. "Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов", М., 1989, отв. ред. М.И. Ермаков и Ф. Михалк), в нем представлены чаряду со статьями российских и украинских ученых также и работы серболужицких и немецких ученых, занимающихся изучением серболужицкого языка.

В статьях сборника, разнообразных по своей тематике, основное внимание уделено проблеме формирования серболужицких литературных языков, а также развитию лексического состава, некоторым вопросам морфологии, фонетики, синтаксиса и этимологии.

Сборник дает в руки исследователей серболужицкого языка новый фактический материал, а также новую теоретическую интерпретацию уже известных фактов и явлений в развитии серболужицкого языка. Продолжая существующие традиции в изучении серболужицких литературных языков и диалектов, авторы статей данного сборника способствуют более глубокому познанию истории и современного состояния серболужицкого языка, выявлению специфики его развития и места среди других славянских языков.

Сборник вводит читателя в круг актуальных проблем, обсуждаемых лингвистами – сорабистами, дает возможность познакомиться с вопросами сорабистики, вызывающими споры, в частности с проблемой единства серболужицкого языка; с основными работами в области серболужицкого языкоznания. Это делает сборник особенно полезным для тех, кто только приступает к изучению серболужицкого языка.

Г. Шустер-Шевц (Лейпциг)

СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Серболужицкий язык, употребляющийся сейчас лишь на сравнительно небольшой территории Верхней и Нижней Лужиц, является ветвью западно-славянской языковой группы, к которой, помимо польского, чешского и словацкого языков, причисляют и некогда существовавшие полабский и поморский диалекты между нижней Эльбой (Люнебургский Вендланд в окрестностях Люхова – Даннеберга) и нижней Вислой, а также кашубский язык к северо-западу от Данцига-Гданьска. Серболужицкий язык не представляет собой единого целого, а распадается на верхне- и нижнелужицкий, каждый из которых, начиная с XVI–XVII вв., представлен обособленными письменными или стандартными формами¹. В средние века, то есть до XIII в., а частично и в XV–XVI вв. древнесерболужицкий этникум распространялся на территории, которая занимала почти всю южную часть бывшей ГДР, а на востоке захватывала частично и область современных Польши, Чехии и Словакии². Онемечивание серболужицян происходило в связи с начавшейся в X–XI вв. восточной экспансией немецкого феодального государства и шедшей с ней рукой об руку немецкой крестьянской колонизацией. Серболужицкий язык вплоть до настоящего времени смог удержаться лишь в восточной части исторической Лужицы, преимущественно в сельской местности. Население, говорящее на этом языке, на исходе XIX в. еще составляло свыше 150 тыс. человек, а в настоящее время едва ли достигло бы более 50 тыс.³. Более точных данных привести здесь невозможно, так как в послевоенные годы никто официально не занимался сбором подобных сведений.

Этническое самоназвание лужицких сербов – *Serb*, мн.ч. *Serbja* (в.-луж.), *Serby* (н.-луж.) – этимологически идентично названию балканских сербов и первоначально означало ‘молочный брат’, а позднее – ‘ тот, кто принадлежит к одному и тому же роду, племени’⁴. Употребление принятой ныне в немецком языке формы *Sorbe* с вокализмом *-o-* прежде было ограничено западной частью древнесерболужицкой языковой области между Эльбой (Мольде) и Заале⁵. Первое документальное свидетельство о лужицких сербах – это, кстати, вообще первое историческое упоминание какого-либо западнославянского этникума⁶ – относится к 631 г.: “*Dervanus dux ex gente Surbiorum, que ex genere Sclavicorum erant et ad regnum Frankorum iam olem aspercerant se ad regnum Samonem cum suis tradidi*” (Fredegar, IV, 68) (‘Дерван; князь сербских племен, которые издавна находились под властью франков, доверился, вместе со своими людьми, государю Само’). Такое наименование (сербы) используется в немецкой и романоязычной научной литературе и позднее, но по отношению к племенам мильчан и лужичан, населявших район к востоку от Эльбы. После 1945 г. оно получило статус официального этнонима взамен обычно употреблявшегося до тех пор в немецком языке названия *Wenden*. Первоначально всех славян на востоке и юго-востоке германские (немецкие) племена называли *Wenden* или *Winden*. Это слово восходит к этнониму, принятому у античных писателей (Геродота, Плиния, Тацита, Птолемея): *Venedi*, *Veneti*, *Venethae*, *Venethi*⁷.

Как уже подчеркивалось, современный серболужицкий язык представлен двумя отличными друг от друга стандартными литературными формами: одна – это более развитый верхнелужицкий литературный язык в Верхней Лужице в окрестностях Бауцена (луж. Будышина), с достаточно устойчивой грамматической и лексической структурой, вторая – это нижнелужицкий литературный язык в Нижней Лужице в окрестностях Коттбуса (луж. Кошебуз), с более ограниченной областью применения и менее четко выраженной стандартной формой.

Такая необычная языковая ситуация в серболужицком языке обусловлена в историческом и социолингвистическом отношении тем обстоятельством, что между обеими исконными лужицкими языковыми областями с самого начала существовали значительные диалектные

различия, да и позднее серболужицкий этникум никогда не обладал таким социально-экономическим и политическим единством, которое могло бы послужить основой выработки общей для всего народа языковой стандартной формы. Генетически нижнелужицкий язык примыкает к лехитскому (польско-полабскому) крылу западнославянских языков, в то время как верхнелужицкий обнаруживает такие черты, которые указывают на существовавшую некогда связь между древнесерболужицким языком, то есть предшествовавшим ему позднеправославянским диалектом, и древней юго-восточной праславянской диалектной областью, приблизительно представляющей позднейшими чешским, словацким и украинским языками. Результаты, полученные серболужицкой исторической диалектологией, позволяют предположить, что в VI–VII вв., в процессе захвата земель между Одером (Нейссе) и Черным Эльстером, столкнулись два изначально различных миграционных потока, а именно: собственно древнесерболужицкие племена (*Sorben/Serben*), продвигавшиеся через чешскую котловину вдоль Эльбы на север и северо-запад, и распространявшиеся примерно в то же самое время из района Силезии и южной Польши вдоль Одера лехитские племена. Такой ход расселения привел к тому, что произошло частичное взаимопроникновение и смешение собственно древнесерболужицкого диалектного типа, принадлежащего к юго-восточной праславянской провинции, с позднеправославянским лехитским диалектным типом. Результатом этого процесса и стало впоследствии образование современного нижнелужицкого языка⁸. В связи с этой гипотезой можно указать на работу русского ученого Е.П. Новикова (1826–1903), который в своей диссертации "О важнейших особенностях лужицких наречий", защищенной в 1889 г. в Московском университете, писал: "Лужицкий язык, в своих наречиях, его слагающих, составляет переход от западной отрасли славянских наречий, языков чешского и польского, к отрасли собственно восточной, языку русскому и его наречиям". Это утверждение в то время было новым и неожиданным, так как противоречило известным теориям о родстве славянских языков. В дальнейшем о нем почти забыли и не упоминали. Причиной этого была слабая аргументированность положений, высказанных Е.П. Новиковым. Однако при тогдашнем уровне знаний славянских языков, их истории и диалектного членения, при отсутствии методических пособий и разработанных основ относительной хроно-

логии обосновать положения, выдвинутые Е.П. Новиковым, было очень трудно.

Политическую самостоятельность древнелужицкие племена потеряли уже в средние века. Единого этноса в классическом смысле или даже феодальной народности как самостоятельной социально-экономической формации у древних лужичан, по нашему мнению, никогда не было, хотя на этот счет существуют и противоположные утверждения⁹. Во всяком случае, существование общего этнонима *Sorbe/Serbe*, происходящего из позднепреставянского, не является достаточным аргументом для предположений такого рода. Нельзя говорить в данном случае и о временных племенных связях, таких, какие, например, известны в истории полабско-поморских отношений (ободриты, союз лютичей). Район расселения обоих удержавшихся в Лужице древнесербских племен – лужичан и мильчан – позднее был поделен между двумя различными немецкими феодальными территориями: Нижняя Лужица вошла в Бранденбургскую марку (Пруссия), Верхняя Лужица – в Мейссенскую марку (Саксония). Социально-экономическая интеграция областей, где оставалось население, говорящее по-лужицки, была поэтому невозможна. Впоследствии интеграционные процессы проходили здесь в рамках общего развития немецкого раннекапиталистического рынка. Это явилось причиной того, что своей собственной городской буржуазии, которая бы могла быть носителем этнического самосознания, у серболужичан появиться не могло. В этом, к примеру, состоит решительное отличие серболужичан от словенцев или словаков – последние не были с такой силой вовлечены в интеграционные процессы немецкого государства и потому впоследствии смогли консолидироваться в самостоятельную буржуазную нацию¹⁰. В языковой сфере важным последствием такой специфики развития серболужицкой народности стало недостаточно проявившееся сглаживание языковых различий между потомками древних мильчан и лужичан, что еще и сегодня хорошо заметно в относительной обособленности обоих сохранившихся диалектных ареалов – верхне- и нижнелужицкого¹¹. В позднем средневековье феодальная раздробленность привела к еще большей диалектной дифференции. В XVI–XVII вв. серболужицкий язык представляет собой целый комплекс родственных диалектов, в котором отчетливо различаются две коренные области – собственно верхнелужицкая и собственно нижнелужицкая.

Показательно в этой связи первое лингвогеографическое описание серболужицкого языка, выполненное в 1610 г. А. Тарой, в то время священником в Фридерсдорфе, деревне к северо-западу от Шторкова. В опубликованной им книге “*Enchiridion Vandalicum*” он пишет: “Я знаю доподлинно, что нет языка, где было бы такое множество наречий, как в вендском. Ибо совсем разное наречие то, что употребляется во владении Шторков и то, что в Бескове, ведь по-бесковски разговаривают совсем по-другому, чем у нас по-шторковски, да и по-любенски тоже. Одрые венды говорят на свой особый лад, те, что живут во владении Москов и вокруг Трибеля и Зоммерфельда, – иначе. Особенно же в бауценском наречии слова произносятся со всем по-другому”.¹²

В соответствии с описанной выше исторической ситуацией даже в XIX в., в период национально-освободительного движения и культурного возрождения славянских народов, этническое сознание жителей Верхней и Нижней Лужиц, унаследованное от предыдущих эпох, могло лишь в ограниченном объеме оформиться в действительно национальное сознание. Этот процесс охватил лишь часть сельской буржуазии и немногочисленную серболужицкую интеллигенцию. Едва ли он оказал какое-то влияние на интеграцию и укрепление связей между обеими частями серболужицкого этноса, так как в дальнейшем их языковое и культурное развитие проходило в отрыве друг от друга. Выработка единого литературного языка, который мог бы послужить коммуникативным средством для всех серболужичан, в то время был уже делом невозможным. В прежней Германии, прежде всего в реакционно-юнкерской Пруссии и в период фашизма, естественное развитие серболужицкого языка было сознательно затруднено, а серболужицкое население подвергалось систематической германизации. Лишь в Верхней Лужице более благоприятные политические и социолингвистические условия, существовавшие в Саксонском королевстве в середине XIX в., способствовали тому, что там началось формирование литературного языка, более подходящего для коммуникационных нужд развивающегося капиталистического общества, взамен двух старых вариантов верхнелужицкого церковного языка.

Не стоит преуменьшать и роль, которую сыграло в этом процессе влияние чешского языка, равно как и всего движения чешского возрождения. К тому времени в саксонской Верхней Лужице сравнительно сильная лужицкая сельская буржуазия послужила питательной средой для собственно серболужицкого национального движения, которое в свою очередь получило сильные импульсы от национально-освободительного движения соседних славянских народов и прежде всего чешского (пропаганда идеи славянской культурной и литературной взаимности). Важнейшими каналами, по которым идеи этого движения приходили к верхнелужицкой интеллигенции, были университеты в Бреслау – Броцлаве (здесь завязалось знакомство Я.А. Смолера с ведущими представителями чешского национального возрождения – Ф.Л. Челяковским и Я.Е. Пуркине, а также с польскими студенческими организациями) и Праге (там действовал вендский католический семинар для проповедников и студенческое объединение "Сербовка", тесно связанное с научными и политическими кругами Чехии). За те три столетия, что Верхняя Лужица принадлежала чешской короне, примерно треть серболужичан не обратилась к протестантизму, оставвшись в католической вере. Так вырос еще один барьер между католическим верхнелужицким населением, с одной стороны, и протестантским немецким, да и верхнелужицким – с другой. В то время как евангелическая церковь повсеместно приобрела национальнонемецкий характер и активно поддерживалась, прежде всего в Нижней Лужице, германизаторской политикой прусско-немецкого государства – католическая церковь Верхней Лужицы уже по одной этой причине была заинтересована в сохранении серболужицкой национальной самобытности, ибо только таким путем она могла обеспечить и сохранить свои позиции в серболужицкой среде. Многие из молодых серболужицких теологов, обучавшихся в XIX в. в Праге, вернулись потом в свои родные деревни и, став поэтами, писателями, учеными, активно защищали попранные права серболужицкой народности. Тем же путем пошла и серболужицкая протестанская интеллигенция, однако она не проявила такой настойчивости и быстрее подверглась германизации.

Неизменное национальное и социальное неравенство серболужичан привело к тому, что новый верхнелужицкий литературный язык.

обладая известным единством, был ограничен в сфере применения практически только областью беллетристики и публицистики. В административном управлении и школьном деле серболужицкий язык не использовался. Возможность сознательного развития и научной разработки серболужицкого языка была поэтому крайне мала и зависела почти исключительно от личной инициативы и решимости патриотически настроенных серболужичан.

Собственно серболужицкая письменность (преимущественно церковные тексты) к тому времени уже существовала. Начало ее приходится на XVI–XVII вв. и совпадает с Реформацией в Германии¹³. Первым крупным серболужицким литературным памятником явился перевод лютеровской Библии, выполненный И. Якубицей в 1548 г. на восточном нижнелужицком диалекте окрестностей деревни Сорав (нем. Sorau, н.-луж. Žagow,польск. Żagry). Вскоре после этого появляется Вольфенбюттельская псалтырь, в основе которой лежит некогда существовавший западный нижнелужицкий диалект окрестностей деревни Лукау. Первым законченным верхнелужицким памятником письменности стал напечатанный в 1597 г. лютеровский катехизис в переводе В. Варихия. В этих и других старых источниках применение графических и орфографических норм все еще далеко от единобразия, причем в Верхней Лужице их использование усложнялось еще и конфессиональными различиями носителей языка, часть которых осталась верной католичеству. Как бы то ни было, формирование собственного литературного языка в его позднейших современных формах оказало положительное влияние на укрепление и консолидацию национального сознания серболужичан. Этот факт приобрел особое значение в эпоху империализма и при фашизме, когда язык и культура серболужичан испытывали большое давление.

Сегодня серболужицкий язык, распространенный в Верхней и Нижней Лужице, подобно фризскому в Нидерландах и Германии, кимрскому в Великобритании и ретороманскому в Швейцарии и Италии – это язык малого европейского народа, не достигший в силу неблагоприятных исторических условий такого уровня свободного развития, как непрерывно прогрессировавшие языки больших наций, создавшие собственные государственные структуры.

Это утверждение в полной мере относится и к изучению серболужицкого языка, которое также было затруднено. Не останавливаясь

на тех работах, чье появление было обвязано интересам различных духовных лиц с их немецкой или лужицкой ориентацией на просветительство, назову здесь лишь жившего в Нижней Лужице Я. Хайнана, выпустившего в 1650 г. рукописную на латинском языке нижнелужицкую грамматику¹⁴, верхнелужицкого полигистора и лексикографа А. Френцеля (1656–1740)¹⁵, а также немецкого священника Г. Кёрнера (1717–1777)¹⁶, составившего "Вендский или славяно-немецкий подробный и полный словарь" – о собственно научных разработках в области серболужицкого языка можно говорить только с середины XIX в. Важной предпосылкой этого стало основание в 1847 г. в Бауцене (Будышине) научно-просветительского общества "Матица серболужицкой",¹⁷ у которого в 1880 г. появилось особое нижнелужицкое отделение. Подобно просветительским организациям, существовавшим у других славянских народов ("Матица словенская", "Матица сербская"), оно действовало на добровольной основе и без какой-либо поддержки государства, немедленно приступив к изданию научного журнала "Журнал Матицы серболужицкой", который редактировал известный лужицкий патриот Я.А. Смолер (1816–1884). Первый номер журнала вышел в свет уже в 1848 г. В нем была опубликована статья о новой верхнелужицкой орфографии. Этот единственный на серболужицком языке научный журнал выходил непрерывно вплоть до 1937 г., когда он был запрещен. По нему можно судить об общем состоянии изучения серболужицкого языка в то время¹⁸. Еще в 1841–1843 гг. Я.А. Смолер издал свой знаменитый труд "Песни верхних и нижних серболужичан", где наряду с обширным собранием народных песен, сказок, легенд и пословиц, было дано первое описание серболужицких диалектов Верхней и Нижней Лужиц¹⁹. Но главное внимание Я.А. Смолера и его друзей было уделено созданию единого серболужицкого литературного языка и преодолению языкового дуализма, обусловленного конфессиональными различиями. Создание этого языка привело к отказу от старых орфографических норм, которые в значительной степени следовали немецким образцам и противоречили славянскому характеру серболужицкого языка, а также от применения немецкого шрифта – швабаха. Было введено так называемое "аналогическое правописание", которое предусматривало употребление диакритических знаков, аналогичных тем, которые использовались в чешском

языке, и латинский способ написания букв. Кроме того, из двух ранее существовавших фонетических и грамматических подсистем – вариантов литературного языка, базирующихся на двух различных верхнелужицких диалектах (бауценском и виттихинауском/кроствицком), образовалась единая система²⁰. Однако для нормального функционирования нового литературного языка необходимо было расширение и уточнение существующего словарного состава, основную часть которого составляла лексика, связанная с сельской и семейной жизнью. Его пополнение возможно было за счет современной лексики, характерной для публицистики, политики, науки и культуры. На развитие лексического состава современного верхнелужицкого литературного языка большое влияние оказал чешский язык и наблюдаемые в нем туристические тенденции. Об этом свидетельствует созданный Х.Т. Пфулем при участии Х. Зейлера и изданный М. Горником "Лужицко-вендский словарь". Грамматическая система нового верхнелужицкого литературного языка была зафиксирована в труде Х.Т.Пфуля "Фонетика и морфология верхнелужицко-вендского языка" (Бауцен, 1867), в "Синтаксисе вендского языка в Верхней Лужице" (Бауцен, 1884) Г. Либша и в практической по своему характеру "Грамматике вендского языка в Верхней Лужице" Г. Краля (Бауцен, 1895).

Создание в 1870 г. в Лейпциге первой в Германии кафедры славистики, которую возглавил А. Лескин – выдающийся знаток славянских и балтийских языков, способствовало появлению новых возможностей для исследования и научного описания серболужицкого языка²¹. Здесь прежде всего следует назвать многочисленные работы лужичанина А. Муки (нем. Э. Муке) (1854–1932), которому содействовал и помогал обстоятельными советами А. Лескин²². В 1891 г. в Лейпциге вышла в свет "Историческая и сравнительная фонетика и морфология нижнелужицкого (нижнелужицко-вендского) языка с особым учетом пограничного диалекта и верхнелужицкого языка" ("Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache unter besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen", отмеченная премией княжеского яблоновского научного общества. Этот обширный труд (616 страниц) представляет собой детальное описание фонетики и морфологии нижне- и верхнелужицкого языков на широком

сравнительном фоне славянских языков с привлечением обширного материала из серболужицких памятников письменности и диалектов. В этой книге А. Мука дал ясную оценку статуса серболужицкого языка. Он писал: "Как известно, вендско-серболужицкий язык распадается на два основных диалекта: верхнелужицкий и нижнелужицкий, каждый с особым литературным языком" (с. 3). В методологическом отношении данный труд является типичной младограмматической работой, в которой на передний план выдвигается историко-эволюционный аспект.

В этой грамматике, основанной на материале сформировавшихся к тому времени литературных форм серболужицкого языка (прежде всего верхнелужицкого), содержатся ценные указания, которые касаются кодификации литературной нормы. В опубликованной в 1910 г. "Истории славянской филологии" И.В. Ягич так писал о работе А. Муки: "Превосходное грамматическое сочинение проф. Э. Муке относительно нижнелужицкого языка принадлежит к лучшим грамматическим анализам в области славянской филологии" (с. 896).

Еще до окончания работы над грамматикой А. Мука начал собирать материал для большого словаря нижнелужицкого языка. В последующие годы он активно продолжал эту работу, систематически привлекая данные живого народного языка. Систематическое исследование нижнелужицкого языка, начатое А. Мукой, позднее продолжил его друг и младший коллега, лужицанин из Нижней Лужицы, Б. Швела (1873–1946). В 1904/1906 гг. он опубликовал первую практическую грамматику современного нижнелужицкого языка²³.

Постепенно был создан второй большой труд А. Муки, трехтомный "Словарь нижнелужицкого языка и его диалектов". Материал словаря, как и грамматики, был очень широк. Наряду с собственно нижнелужицкой лексикой здесь в большинстве случаев приведены примеры из верхнелужицкого и других западнославянских языков с указанием на этимологию данных слов. Толкование слов дано на немецком и русском языках. По своему характеру это сравнительный словарь славянских языков. Печатание словаря осуществлялось с большим трудом. В 1905 г., после окончания работы над рукописью, и впоследствии в течение долгого времени не было учреждения, готового финансировать публикацию словаря. Только в 1910 г с помощью А. Лескина и И.В. Ягича А. Мука заручился поддержкой рос-

сийской академии в Санкт-Петербурге, и в 1915 г. вышел из печати первый том словаря (11 печатных листов до слова *narski*). Затем последовали годы войны и революционных событий. И только после окончания войны рукопись, считавшаяся потерянной, была найдена, и текст словаря был опубликован до конца в 1926–1928 гг. с помощью чешской академии наук в Праге. Кроме названных двух фундаментальных трудов по нижнелужицкому языку, А. Муке, учителю гимназии, принадлежат также и многочисленные работы, посвященные серболужицкому языку и серболужицкой народности. С его именем связано начало исследований по серболужицкой ономастике. Исключительно большое значение для изучения истории серболужицкого языка и славянских языков вообще имели такие монографические исследования А. Муки как "Нижнелужицкая народность в 1880 г." (CMS, 1884) и прежде всего обстоятельная "Статистика лужицких сербов" (CMS, 1884: Статистика серболужичан, с. 129–150, и "Статистика верхнелужицких сербов", CMS, 1886, с. 3–120), в которой очень точно и подробно сообщаются все данные (большей частью собранные самим автором) о численности, языке, обычаях и быте лужицких сербов. Наряду с многочисленными отдельными публикациями следует упомянуть также статью "Границы серболужицкой языковой области в древности". Она была опубликована в "Archiv für slavische Philologie" в 1904 г. и до сих пор не утратила своего значения.

Начало нового столетия ознаменовалось в языкоznании значительными изменениями в теории и методологии: совершается переход от младограмматической школы, для которой была характерна широкая историческая ориентация и признание абсолютности фонетических законов, к структуралистским школам, выдвигающим на передний план системный характер языка. Все большую роль начинает играть лингвогеография. Назову лишь три имени, представляющих новое направление: И. Бодуэн де Куртенэ, Фердинанд де Соссюр и Х. Шухардт. Немаловажное место в этих исследованиях занимают работы по сорабистике. В 1915 г. в Петрограде появилась монография "Восточнолужицкое наречие"²⁴. В ней речь шла о практически вымершем восточнонижнелужицком диалекте из окрестностей Мужакова (в.-луж.; нем. Bad Muskau) на Нейссе. Ее автором был известный русский лингвист Л.В. Шерба (1880–1944). На выбор темы монографии повлияли общелингвистические интересы Л.В. Шербы: в ра-

боте исследовались серболужицко-немецкие языковые контакты и механизм двуязычия. Л.В. Шерба, ученик И. Бодуэна де Куртенэ, принадлежал к тем русским лингвистам, работы которых в начале века существенно повлияли на формирование современных лингвистических теорий и способствовали их развитию. Так, значение работы Л.В. Шербы на серболужицком материале вышло далеко за рамки отдельного языка. Эта была первая в славистике монография по диалектологии, созданная на принципах строго синхронного описания, в которой последовательно обращается внимание на мысль о системе. Понятие фонемы, восходящее к И. Бодуэну де Куртенэ, впервые было здесь применено и уточнено.

Высказываясь о членении серболужицкого языка, Л.В. Шерба выдвинул гипотезу, что мужаковский диалект представляет собой особое "восточнолужицкое наречие", сосуществующее наряду с верхне- и нижнелужицким. Эта трихотомия позднее была уточнена Зд. Штибериом: и мужаковский и пограничный с ним слепянский диалекты по существу являются только нижнелужицкими диалектами; оба они, как и примыкающий к ним диалект, расположенный к востоку от р. Нейссе, являются по своим особенностям явно переходными к польскому языку. Поэтому точнее, правильнее их можно было бы назвать "нижнелужицкие диалекты". Л.В. Шерба показал, что верхне- и нижнелужицкий языки, дошедшие до нас в результате исторического развития, нельзя возводить ни к какому единому серболужицкому "праязыку", а представление о так называемом "общелужицком языковом единстве" является в значительной степени предметом веры, а не знания (с. 191).

Национальная ситуация для серболужичан и дальше оставалась критической, и их существование, прежде всего в Нижней Лужице, было поставлено под угрозу. В вильгельмской немецкой империи политика германизации еще больше усилилась, а после первой мировой войны, в Веймарской республике, едва ли имелся шанс на сохранение национальной самобытности серболужичан, тем более в условиях, способствующих естественной ассимиляции. В 20-х гг. вышли в свет два больших лексических компендиума серболужицкого языка: "Немецко-венденский энциклопедический словарь" (1920) Ф. Резака ("Deutsch-wendische (obersorbische) encyklopädische Wörterbuch – Němskoserbski wšowědny słownik hornjoserbskeje rěče") и "Венденско-

немецкий словарь верхнелужицкого языка" (1927) Ю. Краля ("Wendisch-deutsche Wörterbuch der oberlausitzer Sprache – Serbsko-němski sło wnik hornjoserbskeje rěče"). Авторы этих словарей, теологи по профессии, как и большинство интересовавшихся наукой серболужичан, занимались изучением серболужицкого языка самостоятельно, не имея систематического образования в области языкознания. Словари, составленные ими, явились давно ожидаемым своего рода дополнением к вышедшему в свет в 1866 г. "Лужицко-венденскому словарю" Х.Т. Пфуля. Они включали целый ряд специальных научных терминов, появившихся в результате развития науки и техники, приобщая тем самым серболужичан к научно-техническому прогрессу. Однако одновременно в них обнаруживалось и сильное влияние пуритических тенденций. В результате некоторые из общеизвестных интернационализмов были даны в переводе на верхнелужицкий язык²⁵.

В 20-е гг. работам по научному описанию серболужицкого языка в значительной мере способствовала деятельность кафедр славистики в Лейпциге и особенно в Берлине. Так, лейпцигскому последователю А. Лескина, словенцу М. Мурко (1861–1951), который с самого начала проявил большой интерес к серболужицкому языку, мы обязаны двумя диссертациями, посвященными языку первых двух верхнелужицких переводов Библии, – перевода М. Френцеля 1670/1706 гг.²⁶ и перевода Х. Светлика 1688/1707²⁷. В 1923 г. лейпцигский славист К.Х. Майер (1890–1945) опубликовал результаты текстологического и грамматического анализа упомянутого выше древнейшего верхнелужицкого печатного текста лютеровского катехизиса В. Варихия²⁸. В 1928 г. лейпцигский ординарный профессор Р. Траутман (1883–1951) издал нижнелужицкую псалтырь²⁹, хранящуюся в брауншвейгской земельной библиотеке в Вольфенбютtele. И берлинский славист М. Фасмер (1886–1962) признал значение и необходимость изучения приходящего в упадок серболужицкого языка и его значение для славистики. Некоторые из его учеников начали разработку серболужицкой тематики. Особого внимания заслуживают лингвогеографические работы серболужичанина П. Вирта (1906–1946), который впервые провел обследование определенной части славянской территории. В результате этой работы в Лейпциге вышли в свет два тома исследования, посвященного серболужицкому лингвистическому атласу "Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas"³⁰ (1 т. – 1933 г., 2 т. –

1936 г.). Оно явилось качественно новой ступенью в исследовании серболужицкого языка. Отметим, что первый славянский диалектологический атлас ("Лингвистический атлас польского Прикарпатья") М. Малецкого и К. Пича был опубликован только в 1934 г.³¹. Изофоны и изолексы, представленные на отдельных картах работы П. Вирта, впервые дали информацию о диалектном членении серболужицкого языка и о взаимоотношении верхне- и нижнелужицкого языков.

Автор пришел к следующим выводам: "Оба серболужицких племени, мильчане в окрестностях Бауцена и лужичане в Нижней Лужице, после расселения "на древних территориях поселений" первонациально в течение безусловно длительного времени были отделены друг от друга широким поясом пограничных лесов, протянувшимся далеко на восток и запад. Только после позднейшего заселения плодородных частей этого пояса (заливных лугов), оба племени стали граничить друг с другом на широком фронте. Здесь произошло непосредственное (без участия переходных диалектов) столкновение верхне и восточнолужицкого диалекта с нижнелужицким языком. Факты, которые якобы свидетельствуют об их слиянии или взаимопроникновении, наблюдаются чаще всего в сфере лексики и их, вероятно, следует исполковывать как результаты взаимовлияния" (с. 45).

Показательным также является большое число немецких заимствований, свидетельствующих о том, что соседние немецкие диалекты в течение ряда веков оказывали влияние на серболужицкий язык. Этой теме была посвящена диссертация другого ученика М. Фасмера – Г.Х. Бильфельдта (1907–1987). Его работа "О немецких заимствованиях в верхнелужицком языке" была опубликована в Лейпциге в 1933 г. По поручению М. Фасмера, П. Вирт впервые записал на фонограф образцы верхне- и нижнелужицкого языков, а также одного верхне- и нижнелужицкого говора³². Наконец, по инициативе и поддержке М. Фасмера шла работа над монографией А. Шрёдера, посвященной фонетической системе восточнонижнелужицкого диалекта дер. Слепо; она была опубликована только в 1958 г. в 14 томе "*Mitteldeutschen Forschungen*"³³. В ней было продолжено исследование восточно-нижнелужицкого диалектного типа, характеризующегося особенно древними чертами, начатое на рубеже веков серболужицанином М. Хандриком³⁴.

Эти многообещающие работы по сорабистике были прерваны в период фашизма и второй мировой войны, а П. Вирт сам стал жертвой войны. Его исследование могло быть продолжено только спустя четверть века в ГДР.

Примерно в то же время, когда П. Вирт начал свои исследования по лингвогеографии, сорабистическую тематику начали усиленно развивать в Польше. Здесь занимались прежде всего вопросами взаимоотношений самих серболужицких языков и их родственных связей с соседними славянскими языками. В первую очередь следует назвать статью краковского слависта В. Ташницкого "Положение серболужицкого языка"³⁵ и особенно книгу З. Штибера "Родственные связи лужицких языков", опубликованную в 1934 г.³⁶ Опираясь на работу Я. Розвадовского (*Stosunki języka polskiego do innych słowiańskich // Encyklopedia polska III, dział 3, część 2, Kraków 1915*), В. Ташницкий подчеркивает более тесную родственную связь серболужицкого языка с польским: "В эпоху постепенного распада праславянского языка на отдельные (славянские) языки или группы языков серболужицкий язык был очень тесно связан с лехитскими языками, несмотря на все существующие различия" (с. 138).

Однако З. Штибер, который в значительной мере разделял точку зрения В. Ташницкого на положение серболужицкого языка, подчеркивает одновременно и языковую самостоятельность каждого из серболужицких идиомов. "Пучок изофон, расположенный между верхне- и нижнелужицкими диалектами, несомненно является границей двух различных, хотя и очень близких языков. В действительности эта граница не столь отчетлива, как польско-словацкая языковая граница в оравской области, но значительно более определенная, чем польско-чешская граница в Силезии, не говоря уже о границе между чешской и словацкой территориями" (с. 82).

В 30-е гг. объективную оценку состояния обоих серболужицких литературных языков дает чешский славист Й. Пата в статье "Серболужицкий литературный язык" (*Spisovný jazyk lužickosrbský*)³⁷. Он указывает на возрастание трудностей, которые должно преодолевать письменное слово и, в этой связи, на возрастающее влияние немецкого языка на серболужицкий язык. "Ale přes všechno úsilí dobrých lužických spisovatelů pozorujeme veliký úpadek v Lužici Horní

a Dolní, jak hovorého jazyka (v Dolní Lužici přímo hrozivý), tak jazyka spisovného" ("Но несмотря на все усилия хороших серболужицких писателей, в Верхней и Нижней Лужице мы наблюдаем значительный упадок языка, как устного (в Нижней Лужице существование его было даже поставлено под угрозу), так и письменного) (с. 119).

Й. Пата, как и П. Вирт, записывал серболужицкие литературные тексты на фонограф и публиковал в "Журнале современной фонологии"³⁸.

Как уже отмечалось выше, при фашизме дело дошло до полного искоренения сорабистики. После 1945 г. возникшие в результате этого пробелы заполнялись очень медленно и с большим трудом. Прежде всего, отсутствовали кадры образованных славистов. Большая часть серболужицкого населения стало неграмотным из-за отсутствия преподавания на родном языке и не знало литературного языка. К тому же в большей части населенных пунктов евангелических Верней и Нижней Лужиц в 30-е годы, а иногда и раньше, часть более молодого поколения, говорящего по-серболужицки, перешла к немецкому одноглавому языку. После поражения немецкого фашизма во второй мировой войне, в послевоенные годы, часто наблюдалось, как многие жители Лужиц спонтанно обращались к серболужицкому языку, однако это явление имело как правило преходящий характер. Не было в достаточном количестве серболужицкой литературы и, прежде всего, квалифицированных учебников и словарей. Верхнелужицкая ежедневная газета "Serbske Nowiny", запрещенная в 1937 г., вновь начала выходить только в 1947 г. под новым названием "Nowa doba", а нижнелужицкий еженедельник "Nowy Casnik" стал официальной газетой Нижней Лужицы только в 1956 г.

Первым учебником, преследовавшим прежде всего практические цели, была "Краткая верхнелужицкая грамматика"³⁹, написанная в 1951 г. учителем народной школы П. Вовчерком. Несмотря на явно пурристический характер, эта грамматика явилась существенным вкладом в распространение знаний литературного языка среди послевоенного серболужицкого поколения, и на ее основе осуществлялось преподавание серболужицкого языка в школах Верхней Лужицы вплоть до 60-х гг. В 1948 г. уже в Чехословакии появилась верхнелужицкая грамматика В. Могельского⁴⁰, с верхнелужицко-чешским указателем

слов, однако ее влияние в Верхней Лужице было, конечно, очень ограниченным.

Первым большим словарем, вышедшим в послевоенный период, в 1954 г., был "Верхнелужицко-немецкий словарь" ("Obersorbisch-deutsche Wörterbuch – Hornjoserbsko-němski słownik") Ф. Якубаша. Он включал около 30 000 словарных статей и был составлен на основе уже упоминавшихся выше лексических компендиумов Х. Т. Пфуля и Ю. Краля. В нем преследовались примерно те же цели, что и в грамматике П. Вовчера и в ней так же просматривались пурристические тенденции. Как и на более раннем этапе, серболужицкий языковой пуранизм этого периода являлся своего рода реакцией на усиливающееся подчинение серболужицкого языка немецкому влиянию.

Под "подчинением влиянию" мы понимаем здесь интенсивное влияние немецкого языка на структуру серболужицкого языка, обусловленное немецко-серболужицкой интерференцией. Комплексного описания ее пока не существует, но появление его является для серболужицкого языкознания настоятельной необходимостью.

Серболужицкий языковой пуранизм выражался прежде всего в том, что предпочтение отдавалось элементам, характерным для более древнего состояния языка (архаизация), а также в усвоении заимствований и языковых моделей, свойственных соседним славянским языкам.

В нижнелужицком литературном языке ситуация была еще более критической, чем в верхнелужицком. Начиная с XIX в. он все более уходил в тень верхнелужицкого литературного языка. Правда после 1945 г. была предпринята попытка сближения верхне- и нижнелужицкой графической и грамматической систем и создания своего рода серболужицкого литературного коннэ⁴¹. Но к сколько-нибудь значительным результатам эти усилия не привели: между двумя языками объективно существовали как структурные различия, так и различия в культурно-исторических традициях. О попытках осуществить сближение двух языков свидетельствует и грамматика нижнелужицкого языка Б. Швельы⁴², переизданная историком, доктором Ф. Метшком. Во вступлении к новому изданию Ф. Метшк пишет: "Поэтому труд Швельы издается во второй раз лишь с небольшими дополнениями и изменениями. К таким изменениям относятся некоторые новшества в орфографии. Они соответствуют орфографии, принятой в выходя-

щем в настоящее время еженедельнике “Nowy casník” и в сущности обусловлены требованиями сближения нижне- и верхнелужицкого языков...”. В частности: буква *b*, которая в диалектах имеет самое различное произношение, заменяется буквой *o*; йотация, существующая в орфографии, была устранена: более редко встречающийся *j* почти везде был заменен диакритическим знаком (‘) (однако единобразный способ обозначения палатальных согласных не имел успеха и уже в 50-е гг. вновь был заменен йотацией, свойственной верхнелужицкому языку. – Г. Шустер-Шевц); непроизносимый в начале слова *h* в соответствии с верхнелужицким языком был заменен *w*; в таких словах, как *spěw*, *pětu*, *němski*, *žěnsa*, *zěši*, *gněw*, и их производных *i* в соответствии с верхнелужицким языком был заменен *ě* (с. X–XI).

Правила верхнелужицкой орфографии⁴³, опубликованные в 1948 г., также учитывают изменения, связанные со сближением верхне- и нижнелужицкого языков (здесь прежде всего надо отметить обозначение верхнелужицкого *kh* в начальной морфеме как *ch*, что соответствовало как нижнелужицкому, так и другим славянским языкам). Однако теперь все большее влияние на нижнелужицкий литературный язык приобретает верхнелужицкая лексика и прежде всего неологизмы и славизмы, возникшие в период национального возрождения в результате действия пуритических тенденций, ср. *máš* ‘мать’ (н.-луж. *mama*), *tysac/tysec* ‘тысяча’ (н.-луж. *iozwent*), *gožina* ‘час’ (н.-луж. *štunda*), *jawišćo* ‘сцена’, *žiwapdło* ‘театр’, *dwečlowaś* ‘сомневаться’, *godownicka* ‘рождественский праздник’, *swojžba* ‘в значении ‘семья’, *rědoupja* в значении ‘школьный класс’, *uttočenica* ‘годовщина’ как ложная народная этимология в.-луж. *róčnica* в том же значении.

Благодаря основанию в 1951 г. Института серболужицкого народоведения при немецкой Академии наук в Бауцене⁴⁴ и тогдашнего Серболужицкого Института Лейпцигского университета (теперь со-рабиистическое отделение секции теоретической и прикладной лингвистики) были созданы⁴⁵ важные предпосылки для систематического научного изучения серболужицкого языка. Оба института – научный и учебный, – с одной стороны, сознательно продолжали исследование важнейших проблем более раннего периода, но, с другой стороны, стремились соответствовать задачам национальной политики бывшей ГДР⁴⁶ и уровню развития международной славистики. Уже в 50-е гг.

снова была начата работа по фиксации еще существующих серболужицких диалектов. Демографическая ситуация на территории распространения серболужицкого языка стремительно ухудшалась, и нельзя было медлить с решением этой задачи. Продолжая работу, инициаторами которой были М. Фасмер и П. Вирт, в начале 50-х гг. начали⁴⁷ осуществлять систематические записи ряда диалектных текстов и создавать серболужицкую фонотеку при Институте серболужицкого народоведения; а параллельно – публиковать серию "Серболужицкие диалектные тексты" (обработанные Г. Фасске, Г. Енчем и З. Михалком), всего вышло в свет 10 тетрадей⁴⁸. В конце 50-х гг. началась систематическая работа по сбору материала для серболужицкого лингвистического атласа. Она закончилась в 60-х гг., а в 1965 г. вышел в свет первый том "Серболужицкого лингвистического атласа" ("Sorbischer Sprachatlas – Serbski gëčny atlas"), а к настоящему времени – еще 12 томов⁴⁹; два из них посвящены морфологии. По своим задачам и методологии новый атлас в значительной мере опирается на работы П. Вирта, но он дает возможность сделать новые выводы относительно структуры верхне- и нижнелужицких диалектов. Новым является выделение границ изофон (ср. карты: № 48 в 1 т. СЛА; №№ 1 и 10 в 10 т. СЛА): хойерсвердский пучок изоглосс, шпрембергский пояс, переходный пояс, хайде-пояс, слепянский и мужаковский пучки изоглосс, бауценский пояс, каменецкий пояс, зенфтенбергский пояс, нисский пояс, коттбусский пояс, ветшауский пояс, губенский пояс. В отличие от П. Вирта и З. Штибера ничто не говорит об "относительно резкой языковой границе; выделяется более широкая 'переходная зона', сама по себе дифференцированная. Она состоит из переходного пояса, шпрембергского пояса и хойерсвердского пучка изоглосс. Она отделяет собственно верхнелужицкую языковую территорию, расположенную южнее Бауцена, от собственно нижнелужицкой области в окрестностях Коттбуса. В связи с этим авторы серболужицкого лингвистического атласа говорят о двух особых диалектных "основных ландшафтах" на территории распространения серболужицкого языка. В то же время они уверены в том, что результатами "диалектологического" исследования может быть подтверждена уже известная в прошлом⁵⁰ гипотеза, вновь выдвинутая в 60-х гг. берлинским славистом Р. Лечем, о так называемом 'языковом единстве' серболужицкого языка".

жицкого языка (о едином серболужицком языке)⁵¹. Во вступлении к 6 тому СЛА 'Лингвистическая классификация карт' (с. 9) утверждается следующее: "К тем узлам и поясам, которые представлены в 1–5 томах, добавляется еще два новых пояса. Они включают в себя большую часть разграничительных линий (изоглосс), расположение которых до сих пор оценивалось как нетипичное. Речь идет о верхнелужицком поясе 'север–юг' и нижнелужицком – 'восток–запад'. Оба этих пояса со всей очевидностью подтверждают единство всей серболужицкой языковой области; многие изоглоссы (разграничительные линии) верхнелужицкого пояса 'север–юг' находят свое продолжение в соответствующем нижнелужицком поясе, и волновое движение изоглосс пояса 'восток–запад', подобно движению изоглосс бауценского пояса на юге, является в известной мере ослабленным продолжением движения тех изоглосс, которые концентрируются на территории распространения переходных диалектов, выравниваясь на крайнем севере". Это же утверждение было повторено в отчете о "Лингвистических исследованиях" Института серболужицкого народа ведения за 1981 г. При этом отмечалось, что речь идет о "важном вкладе диалектологии в дискуссию о том, существует ли один или два серболужицких языка"⁵². Но уже при беглом взгляде на соответствующие карты становится очевидным, что речь идет об очень шатких и мало убедительных примерах. Бросается в глаза, что сопоставляемые факты очень нетипичны и хронологически представляют собой очень поздние явления (это главным образом результаты немецкой интерференции), которые едва ли могут стать решающими доводами при решении вопроса о единстве серболужицкого языка⁵³. В этом случае пытаются доказать то, что не существует и никогда не существовало. Автор данной статьи придерживается традиционной точки зрения о существовании двух самостоятельных, хотя и близкородственных серболужицких языков⁵⁴. Противоположную точку зрения, как уже отмечалось выше, отстаивает Р. Леч. Он считает, что "следовательно, нельзя не вернуться к тому разделению серболужицких диалектов, которое в принципе уже было предпринято Смолером и Мукой: серболужицкий язык разделяется на два основных диалекта, собственно верхнелужицкий и собственно нижнелужицкий"⁵⁵. При этом, очевидно, не без умысла опускается вполне определенное дополнение к этому высказыванию, сделанное А. Мукой: "... оба они воз-

ведены в ранг особых литературных языков, верхнелужицкого и нижнелужицкого". Кроме того, по словам А. Муки, "как верхнелужицкий, так и нижнелужицкий язык распадается на несколько локальных диалектов и языковых вариантов..." Таким образом, он совершенно правильно считал, что о серболужицком языке, как о двух различных диалектах, можно говорить только тогда, когда имеется в виду период, предшествующий формированию самостоятельных литературных языков, то есть период до XVI–XVII вв. Поэтому, по понятным причинам, Р. Леч отрицает существование "самостоятельных" серболужицких литературных языков и говорит лишь о "литературных вариантах" серболужицкого языка. ("Так как существование двух вариантов литературного языка нельзя считать решающим критерием, то нет собственно никакой убедительной причины не считать совокупность серболужицких диалектов за один язык")⁵⁶. Как будто можно снять проблему, сменив название. В данном случае, конечно, трудно строго разделить чисто лингвистическую и собственно экстралингвистическую постановки вопроса, тесно связанные друг с другом. Но общий ход исторического развития и языковая практика свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с двумя различными коммуникативными единицами и двумя самостоятельными языковыми системами.

Лужицкие сербы относятся к таким этническим общностям, которые, сформировавшись еще в древний период, из-за неблагоприятных исторических условий не превратились в экономически замкнутое и политически самостоятельное целое и, следовательно, не смогли сложиться в самостоятельную нацию. Подобная ситуация наблюдается и у других национальных меньшинств в Европе. Конечно, признание отсутствия языкового единства у серболужичан, количество которых и так невелико, не способствует повышению престижа этого национального меньшинства. Но следует признать истинное положение вещей, которое нельзя устраниТЬ с помощью искусственных дискуссий и манипуляций⁵⁷.

Одновременно с собственно лингвогеографическими работами возникли такие важные по значению монографические описания серболужицких диалектов как "Диалект Нойштадта" Ф. Михалка⁵⁸, "Ветшауский диалект" Г. Фасске⁵⁹ и "Серболужицкий диалект Родевица на Шпрее" Г. Енчы⁶⁰.

Введение преподавания на серболужицком языке в школах, расположенных на территориях со смешанным национальном составом, организация культурных учреждений способствовали дальнейшему совершенствованию и научному изучению литературного языка и определению его норм. В 1968 г. вышел в свет первый том грамматики серболужицкого языка (на серболужицком языке) для средней школы и общеобразовательных учебных заведений повышенного типа (фонология, морфология), а в 1974 г. – второй том (синтаксис)⁶¹. Этой же цели служил и "Орфографический словарь верхнелужицкого языка"⁶², изданный в 1970 г.

В 60-х гг. в Институте серболужицкого народоведения началось осуществление долгосрочного исследовательского проекта по изучению грамматики верхнелужицкого языка, целью которого было создание дескриптивной грамматики. В 70-х гг. приступили к детальному расписыванию верхнелужицкой литературы, вышедшей за последние сто лет. Полученный корпус материала лег в основу грамматики. Она была опубликована в 1980 г. под названием "Грамматика современного верхнелужицкого литературного языка (морфология)"⁶³. В 1989 г. вышел в свет "Немецко-верхнелужицкий словарь" (1 том: А–К), также основанный на широком круге источников. Здесь впервые в значительной степени были учтены синонимические возможности выражения, существующие в верхнелужицком современном языке⁶⁴.

Для нижнелужицкого языка была создана только школьная грамматика и нижнелужицко-немецкий словарь для целей преподавания⁶⁵.

В послевоенные годы продолжалось также научное издание и изучение языка серболужицких памятников письменности. В 1958–59 гг. была опубликована "Сравнительная историческая фонетика языка Альбина Моллера"⁶⁶, дополненное фотомеханическим изданием "Книги песнопений и Малого катехизиса" 1574 г.⁶⁷ А. Моллера. В 1959 г. была издана "Верхнелужицкая агenda" 1696 г.⁶⁸. В 1967 г. – текстологическое издание (транслитерация) древнейшего серболужицкого памятника письменности "Нового завета" Н. Якубицы (1548 г.),⁶⁹ а затем вышла в свет хрестоматия "Серболужицкие памятники письменности 16.–18.вв."⁷⁰. В 1977 г. была опубликована "Кельнская рукопись нижнелужицких песен"⁷¹, в 1990 г. – вторая по старшинству серболужицкая печатная книга "Энхиридион вандаликум" А. Тары (1610 г.)⁷².

Большое место в сорабистике заняло диахроническое описание языка, при этом на передний план выдвинулась проблема выделения серболужицкого языка из праславянского и вопрос о его положении среди славянских языков⁷³. Продолжалось обсуждение проблем исторической фонологии⁷⁴, формирования отдельных грамматических и синтаксических категорий и средств их выражения⁷⁵, генезис и стратификация верхне- и нижнелужицкой лексики⁷⁶, фразеологии⁷⁷, вопросы словообразования⁷⁸, а также истории литературных языков⁷⁹.

Большое значение для реконструкции древнесерболужицкого языка имеют многочисленные работы по древнелужицкой топонимике, созданные в послевоенные годы прежде всего лейпцигской группой немецко-славянской ономастики⁸⁰. Наконец, следует упомянуть теперь уже закончившуюся работу над "Историко-этимологическим словарем верхне- и нижнелужицкого языка (24 выпуска)⁸¹. Он имеет большое значение для общей славянской историко-сравнительной лексикологии и является одним из немногих уже завершенных славянских этимологический словарей. Одновременно этот словарь представляет собой большой компендиум материальной и духовной культуры серболужичан⁸².

В послевоенные годы большое место заняли и занимают лингвистические работы по сорабистике в теперь уже бывших республиках Советского Союза, в Чехии и Словакии и Польше. Только Институтом славяноведения и балканистики РАН в Москве были подготовлены и опубликованы три специальных сборника⁸³. Из польских сорабистических работ укажем на обстоятельную статью Е. Жетельско-Фешкó⁸⁴.

Примечания

¹ Schuster-Šewc H. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen (Ein Grundriss)// Славянска филология. София, 1963. III. S. 134–151; *Idem*. Zur Bedingtheit standardsprachlicher Prozesse im Bereich des Westslawischen //ZfSLPh. 1973. Bd. XVIII. S. 213–226; *Idem*. Rozwój języka literackiego Serbów Łużyckich //Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1980. Bd. XIX. S. 217–238.

² Schuster-Šewc H. Das altsorbische Dialektgebiet und seine sprachliche Stellung im Rahmen des Westslawischen //Lětopis ISL . B.,

1972. 19. S. 203–222; *Eichler E.* Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neisse. Akademie–Verlag. Berlin, 1965.

³ *Schuster-Šewc H.* Die Förderung des Sorbischen in der DDR // ZfSl. 1989. 34.4. S. 551 (здесь же см. литературу).

⁴ *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1986. XVII. S. 1283–1284.

⁵ *Schuster-Šewc H.* Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // Létopis ISL.A. 1982. 30.2. S. 138–147 или в сокращенном варианте – ZfSl. 1985. 30.6. S. 821–856.

⁶ Форма Овелья, приведенная Птолемеем (90–160 г. н.э.), якобы являющаяся названием западнославянских Wilzen этимологически не однозначна; см. Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław-Warszawa, 1980. T. 6. Część druga (T–W). S. 430–431.

⁷ Słownik starożytności słowiańskich. T. 6 (T–W). S. 373–378.

⁸ *Schuster-Šewc H.* Die Ausgliederung der westlawischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen // Létopis ISL. A. 1982. 29. 2. S. 113–140 или ВЯ. М., 1983, 2. C. 22–50; *Idem.* Stanowisko języków Łużyckich w świetle nowych osiągnięć dialektologii historycznej // Acta Universitatis Lodzienensis. 1982. Folia Linguistica 12. Łódź, 1986. S. 175–286; *Idem.* Die späturslawischen Grundlagen des Lechischen mit besonderer Berücksichtigung des Polabischen und Pomoranischen // Létopis ISL. A. 1988. 35. S. 4–19. Ср. также Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 187; *Idem.* О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 391.

⁹ *Schiller K.* Die Herausbildung der bürgerlichen sorbischen Nationalität // Letopis ISL. B. 1985. 32. S. 16–24 и Lötzsch R. Zum Begriff des Terminus ‘sorbische Nationalität’ // Letopis ISL. B. 1985. 32. I. S. 25.

¹⁰ *Schuster-Šewc H.* Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen // ZfSl. 1959. 4. S. 577–590.

¹¹ *Schuster-Šewc H.* Der Sorbische Sprachatlas – Serbski rěčny atlas // ZfSl. 1980. XXV. 5. S. 741–748.

¹² Enchiridion Vandalicum: Ein niedersorbisches Sprachdenkmal aus dem Jahre 1610/Andreas Thareus. Herausgegeben und mit einer Einleitung und wiss. Kommentaren versehen von H. Schuster-Šewc. Domowina–Verlag. Bautzen. 1990.

- 13 Schuster-Šewc H. Die Lutherische Reformation und die Anfänge der schriftsprachlichen Entwicklung bei den Lausitzer Sorben // ZfSl. 1983. XXVIII. S. 803–815 u Linguistische Studien. Reihe A (Arbeitsberichte). Berlin, 1984. S. 242–258.
- 14 Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Ludowe nakładnistwo Domowina. Budyšin, 1984. S. 209.
- 15 Petr J. Abraham Frenzel 1650–1740. Ludowe nakładnistwo Domowina. Budyšin, 1989.
- 16 Körner Georg. Wendisches oder Slavonisch-deutsches ausführliches und vollständiges Wörterbuch. Eine Handschrift des 18. Jahrhunderts, 5 Bände. Herausgegeben von R. Olesch. Böhlau Verlag Köln. Wien, 1979–1980.
- 17 CM. Geschichte der Sorben. Band 2, von 1789 bis 1917. Autoren: Jan Solta / Hartmut Zwahr, mit Beiträgen von Frank Förster / Helmut Fasske, Frido Mětšk/Siegmund Musiat. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1974. S. 110.
- 18 CM. Petr J. Die Zeitschrift der Macica Serbska // Časopis Maćicy Serbskeje – Zeitschrift der Gesellschaft Maćica Serbska. I Band. Beiträge zur Sprachwissenschaft. Eine Auswahl, Zusammenstellung und Vorwort J. Petr. Fotomechanischer Neudruck. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1986. S. 7–30.
- 19 Volkslieder in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Schmaler. Anastatischer Neudruck. Akademie-Verlag. Berlin, 1953. Zweiter Teil VI. (von Schmaler): Die dialektischen Unterschiede in der Wendischen Sprache. S. 277–282.
- 20 CM Schuster-Šewc H. Jan Arnošt Smoler a nastáće nowočasneje hornjoserbskeje spisowneje rěče w 19. lětstotku // Lětopis ISL. A. 1985. 32/1. S. 8–20.
- 21 CM Schuster-Šewc H. August Leskien und die Sorabistik // ZfSl. 1981. XXVI. 2. S. 205–215; Idem. Materialije wo pomérje němskeho slawista Augusta Leskiena k Serbam // Lětopis ISL. A. 1981. 28, S. 66–78.
- 22 CM. Schuster-Šewc H. Arnošt Muka als Sorabist und Slawist // Lětopis ISL. A. 1975. 22. S. 130–142.
- 23 Schueler B. Lehrbuch der niedersorbischen Sprache. Teil I: Grammatik, Teil 2: Übungsbuch. Heidelberg, Otto Fischer. 1906 und Cottbus, Selbstverlag, 1904 und 1911.
- 24 Щерба Л.В. Восточнослужицкое наречие. Том I (с приложением текстов). Петроград, 1915. Фотомеханическое издание с предисло-

вием Г. Шустера-Шевца: *Vostočnolužickoe narečie* (Der ostniedersorbische Dialekt). VEB Domowina-Verlag, Bautzen, 1973. О вкладе русских славистов (И.И. Срезневского и Е.П. Новикова) в изучение серболужицкого языка см. *Schuster-Šewc H. Der Beitrag russischer und sowjetischer Slawisten zur Entwicklung der sorbischen Linguistik* – Вклад русских ученых-славистов в развитие серболужицкого языкоznания. Киев, 1977. С. 107–118; *Der Grosse Oktober und die russische Sprache*. Leipzig, 1977. S. 111–123.

25 См. *Schuster-Šewc H. Zur lexikalischen Nomination im Sorbischen* // ZfSl. 1991. XXXVII.

26 См. *Röseberg C. Leben und Wirken Michael Frentzels, Übersetzer des Neuen Testaments in das Wendische (Obersorbische)* // Beiträge zur sächsischen Kirchengeschichte. 1930. XXXIX. S. 30–112.

27 *Šořta B. Prěni hornjoserbski přełožk biblije wot J.H. Swětlika* // ČMS. 1921. LXXIV. S. 3–34.

28 См. *Meyer H.H. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius* (1597). Leipzig, 1923.

29 *Trautmann R. Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter*. Leipzig, 1928.

30 *Wirth P. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas*. Textband, Lief. 1, Kartenband, Lief 1. Leipzig, 1933. Kartenband, Lief. 2, Leipzig, 1936. Фотомеханическое издание. VEB Domowina-Verlag, Bautzen, 1975 (со вступительным словом Г. Фасске). Из других работ П. Вирта см.: *Studien zur sorbischen Sprachgeographie*: 1. Zur osttschobischen Mundart // ZfSl. 1931. VIII; 2. Wendisch. // Grundriss der Sächsischen Volkskunde. Leipzig, 1932. Bd. 1. S. 225–230.

31 Однако, еще раньше появилась работа белорусского диалектолога Р.А. Бузука "Спраба лінгвістычна географія Беларусі". Минск, 1921.

32 *Vasmer M., Wirth P. Slavische Texte. I. Sorbische (Wendische) Texte*. Nr. 1, Niedersorbische Schriftsprache; Nr. 2, Die niedersorbische Mundart von Haasow, Kr. Cottbus; Nr. 3, Obersorbische Schriftsprache; Nr. 4, Die obersorbische Mundart von Gross-Koschen bei Senftenberg. Lautbibliothek Nr. 200–202. Berlin, 1932, 1934.

33 *Schroeder A. Die Laute des wendischen (sorbischen) Dialekts von Schleife in der Oberlausitz (Lautbeschreibung)*, mit einem Vorwort von R. Olesch. Tübingen, 1958. См. рецензию Г. Шустера-Шевца в: ZfSl. IV. 5. S. 771–780.

34 См. ČMS за 1905–1906 г. (LVIII, S. 81–100; LIX, S. 41–58), где опубликован “*Słownik Slepjanskeje naręče*”.

35 *Taszycki W.* Stanowisko języka Łużyckiego //Symbolae grammaticae in hon. Johannis Rozwadowski II. Kraków, 1928.

36 *Stieber Zd.* Stosunki pokrewieństwa języków Łużyckich. Kraków, 1934.

37 Cp. Slovanské spisovné v době přitomné. Napsali členové Společnosti pro slovanský jazykospyt v Praze: Jan Frček, Juri Haller, Julius Heidenreich, Karel Krejčí, Josef Páta, Ján Stanislav, František Tichý. Uspořádal Miloš Weingart. Praha, 1937. S. 109–120.

38 См. *Páta J.* Fonografické zapisy lužicko-srbské//Časopis pro moderní fonologii. 1931. XVII. S. 112–124.

39 *Wowčerk P.* Kurzgefasste obersorbische Grammatik, Phonetik und Morphologie. Technische Herstellung und Vertrieb Volk und Wissen Verlag GmbH. Berlin–Leipzig, 1951. 171 S.; 2. Auflage, Volk und Wissen Ludowy nakład. Berlin, 1954.

40 *Mohelský V.* Mluvnice hornolužické serbštiny a slovník hornosrbsko-český. Réčnica hornjołužiskeje serbštiny a slowník hornjoserbsko-česki. Vydal Kroužek přatel Lužických Srbů v Olomouci. 1948. 236 S.

41 Cp. *Jenč R.* Chcemy-li jednotnu serbštinu? (Wollen wir eine einheitliche sorbische Sprache?) //Nowa Łužica. Kulturpolitische Beilage der Nowa doba. 1948. II. Nr. 4, 5.

42 *Šwela B.* Grammatik der niedersorbischen Sprache. 2. Auflage. Bearbeitet und herausgegeben von Dr. Frído Mětšk. Domowina–Verlag. Bautzen, 1952.

43 Rjadownja serbskeho prawopisa. Serbski zarjad ludoweho kubłanja. Nedo, načolnik, w Budyšinje, dnja 1. hodownika 1948.

44 См. 30 Jahre Institut für sorbische Volksforschung 1959–1981. Autorenkollektiv (Leitung M. Kasper). Bautzen, 1981.

45 См. *Schuster-Sewc H.* 30 Jahre Institut für Sorabistik an der Karl-Marx-Universität //Wiss. Zs. der Karl-Marx-Universität. Leipzig ((GSR)), 1982. XXXI. 6. S. 559–565.

46 Cp. примечание 3, а также *Schuster-Sewc H.* Die Sprachsituation der Lausitzer Sorben. – Ein Beispiel über die Planung und Förderung von Minderheitensprachen //Plurilingua, Language Conflict and Minorities – Sprachkonflikte und Minderheiten (P.H. Nelde ed.), Dümmler, Bonn, 1990. S. 163–173. Всесторонняя оценка национальной

политики бывшей ГДР не является задачей данной статьи, но уже и сейчас можно утверждать, что забота о культурно-языковых интересах лужицких сербов в ГДР была образцовой и во многих отношениях соответствовала европейским меркам. Тот факт, что национальная политика старого СЕД-режима выполняла роль прежде всего показательного объекта, а политическое руководство лужицких сербов (Домовина) было полностью интегрировано в государственную структуру, мало что изменяет. Впервые в истории серболужичан поддержка государства сделала возможным организацию и систематическую работу культурных и научных учреждений серболужичан. Правда, параллельно продолжается и процесс ассимиляции, который вряд ли можно остановить.

47 Cp. *Michałk Frido* (Siegfried) Das sorbische dialektologische Volksforschung //Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Filologiczno-Filozoficzny. Komisja Filologiczna, Biuletyn Fonologiczny – Bulletin Phonographique IV. Poznań, 1961. S. 39–44.

48 Sorbische Dialekttexte: I. Spohla, Kr. Hoyerswerda (1963); II. Nochten, Kr. Weisswasser (1964); III. Schmogrow, Kr. Cottbus (1965); IV. Sollschwitz, Kr. Hoyerswerda (1966); V. Klix, Kr. Bautzen, mit Spreewiese, Salga und Göbeln (1967); VI. Weissig und Lieske, Kr. Kamenz, mit Liebegast, Kr. Hoyerswerda (1968); VII. Mattendorf, Kr. Forst (1969); VIII. Reichwalde und Wunscha, Kr. Weisswasser (1970); IX. Säuritz, Ostro und Jauer, Kr. Kamenz (1971); X. Tornow, Kr. Cottbus (1972). VEB Domowina–Verlag, Bautzen. В 1969 г. в ZfSl были опубликованы нижнелужицкие тексты, записанные Институтом славистики Немецкой Академии наук в начале 50-х гг. (ср. *Lötzsch R. Sorbische Dialekttexte aus der Niederlausitz I. Terpe, Kreis Spremberg*. S. 173–198. Параллельно с записями на серболужицком языке Институтом серболужицкого народоведения были сделаны и опубликованы диалектные тексты на двух языках. Cp. *Michałk Siegfried und Protze Helmut. I. Deutschsorbische Dialekttexte aus Nochten, Kr. Weisswasser; II. Deutschsorbische Dialekttexte aus Radibor, Kr. Bautzen*. VEB Domowina–Verlag, Bautzen, 1967, 1974.

49 Sorbischer Sprachatlas – Serbski réčny atlas, bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk. VEB Domowina–Verlag, Bautzen, 1965–1988. Bd. 1–12. См. также рецензии Г. Шустера-Шевца на отдельные тома Серболужицкого лингвистического атласа: ZfSl. 1968. XIII. S. 732–736 (Bd. 1); 1970. XV. S. 751–761 (Bd. 2); 1971. XVI. S. 782–786 (Bd. 3); 1974. XIX. S. 582–587 (Bd. 4); 1980. XXV. S. 741–748 (Bd. 5, 6); 1984. XXVII. S. 794–798 (Bd. 7–8); 1988. XXXIII. S. 609–617 (Bd. 9, 10); 1977. XXII. S. 157–165 (Bd. 11).

50 Уже А.А. Шахматовым в рецензии на работу Л.В. Щербы (Заметки по истории звуков лужицких языков // Изв. отделения русского языка и словесности Импер. Акад. Наук. 1916. XXI. Книга 2. С. 237–276) была предпринята попытка установить ряд якобы обще-лужицких признаков.

51 См. прежде всего две статьи Р. Лечи: Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze. ZfSl. 1963. VIII; Einheit und Gliederung des Sorbischen. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Akademie-Verlag. Berlin, 1965. Jg. 1965. Nr. 7. S. 3–29 + I Karte.

52 30 Jahre Institut für sorbische Volksforschung 1951–1981. Sprachwissenschaftliche Forschung (Frido Michałk). VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1981. S. 28–29.

53 Cp., в частности, Schuster-Šewc H. Die sorbische Sprachatlas – Serbski rěčny atlas //ZfSl. 1980. XXV. 5. S. 743–744.

54 Cp. Schuster-Šewc H. Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen //ZfSl. 1959. IV. S. 577–595; Idem. Zur gesellschaftlichen Bedingtheitstandardsprachlicher Prozesse im Bereich des Westslawischen //ZfSl. 1973. XVIII. S. 213–266.

55 Cp. Lötzsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. S. 29.

56 Lötzsch R. Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze. S. 183.

57 К проблематике о статусе серболужицкого языка не раз обращался югославский специалист по литературным языкам Д. Брозович. Рассматривая серболужицкий язык, он различает две диасистемы (верхне- и нижнелужицкие диалекты) и соответствующие им два серболужицких литературных языка. Его взгляды в значительной мере соответствуют нашей позиции. Cp. в особенности его последнюю статью по этой проблематике: Die sorbischen Sprachen – Varianten einer Standardsprache oder spezifische selbstständige Standardsprachen //Létopis ISL A. 1987. 34.

58 Michałk S. Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962. S. 58.

59 Fasske H. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

60 Jentsch H. Die sorbische Mundart von Rodewitz/Spree. Bautzen, 1980.

61 Schuster-Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. 1. zwjazk (fonematika a morsologija). Ludowe nakładnistwo Domowina. Budyšin, 1968. 320 S.; 2. Auflage. Budyšin, 1984; 2. zwjazk (syntaksa). Budyšin, 1976. 240 S.

- 62 *Völkel P.* Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče. Hornjo-serbsko-němski słownik – Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin, 1970.
- 63 Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart – Morphologie. Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Akademie der Wissenschaften der DDR. Institut für sorbische Volksforschung beim Zentralinstitut für Geschichte. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1980.
- 64 Deutsch-obersorbisches Wörterbuch. Němsko-hornjoserbski słownik. I (A–K). Begründet von Rudolf Jentsch. Verfasst von Helmut Jentsch, Siegfried Michalk und Irene Šerak. Domowina-Verlag. Bautzen, 1989.
- 65 *Janas P.* Niedersorbische Grammatik für den Gebrauch der Sorbischen Erweiterten Oberschule. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1975; *Starosta M.* Dolnjoserbsko-němski słownik. Šulski słownik dolnjoserbskeje rěcy – Niedersorbisch-deutsches Wörterbuch. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1985.
- 66 *Schuster-Šewc H.* Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Akademie-Verlag, Berlin, 1958.
- 67 *Moller Albin.* Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus. Budissin, 1574. Mit einem Vorwort von H.H. Bielfeldt und H. Schuster-Šewc. Akademie-Verlag. Berlin, 1959 (Fotomechanischer Nachdruck).
- 68 *Riotte Jules C.E.* Die obersorbische Agenda 1696. Text und Untersuchungen. Akademie-Verlag. Berlin, 1959.
- 69 Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548, herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von H. Schuster-Šewc. Mit einer Karte und zwei Kunstdrucktafeln. Akademie-Verlag. Berlin, 1967.
- 70 *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkäler – 16.–18. Jahrhundert. 511 S. + Bildteil. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1967.
- 71 Die Kölner niedersorbische Liederhandschrift. Ein Kirchengesangbuch des 18. Jahrhunderts. Herausgegeben von Reinhold Olesch. Mitteldeutsche Forschungen 81. Böhlau Verlag Köln, Wien, 1972.
- 72 Ср. примечание 12 и *Radłowski M.* Enchiridion Vandalicum Andreeae Tharaei – Zabytek dolnołużycki z 1610 r. (Rozbiór językowy). Wrocław–Warszawa–Kraków, 1977.
- 73 Ср. примечание 8.

74 Schuster-Šewc H. Reflexe alter Längen im Niedersorbischen // ZfSl. 1957. III. 2–4. S. 264–271; Michałk S. Zur Frage des sorbischen Sandhi (Satzphonetik) // ZfSl. 1964. 9. S. 221–240; Michałk F. Labialo-welarizacija wokalow y a e wšelakeho pochada po labialnych konsonantach w serbskich dialektach // Lětopis ISL. A. 1964. 11.2. S. 129–163; Schuster-Šewc H. Die Genese des aspirierten Konsonanten *kh* im Obersorbischen – Ein Beitrag zur historischen Phonologie des Westslawischen) // ZPSK. 1972. 25. 4–5. S. 361–365; Fasske H. K prašenju akcenta w serbščinje // Slavica Pragensis XXI. Acta Universitatis – Philologica 3–5. S. 15–23 и др.

75 Michałk F. Slowosłěd w serbščinje // Lětopis ISL. A. 1956/57. 4. S. 3–41; Idem. Der Verlust der synthetischen Vergangenheitsformen im Norden des obersorbischen Sprachgebietes // Slavica Pragensis I, Acta Universitatis – Philologica. 1959. 1. S. 103–112; Michałk S. Der Einfluss des Deutschen auf die Stellung des Verbum finitum im sorbischen Satz // ZdSl. 1962. 7. S. 252–262; Polański K. Składnia zdańia złożonego w języku górnoużyckim. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1967; Maurick I. Der Inhaltssatz im Niedersorbischen // Zur grammatischen und lexikalischen Struktur der slawischen Gegenwartssprachen. Max Niemeyer Verlag. Halle (Saale). 1968. S. 113–130; Šerak I. Der Relativsatz im Sorbischen // ZPSK. 1973. 26.I–2. S. 98–119; Schuster-Šewc H. Powstanie i rozwój kategorii meskoosobowości w językachłużyckich z uwzględnieniem stosunków w sąsiednich językach słowiańskich // SlOcc. 1978. 35. S. 69–83; Idem. Zur Genese der Dualflexion im Sorbischen // Die Welt der Slaven. N.F. 1988. 1. S. 156–160; Lötzsch R. Die spezifischen Neuerungen der sorbischen Dualflexion. VEB Domowina–Verlag. Bautzen, 1965; Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения (парадигматика имени существительного по данным перевода М. Якубицы) // Lětopis ISL. A. 31. 1984. S. 139–166 (I); 1989. 36. S. 53–62 (II); 1990. 37. S. 35–45 (III).

76 Schuster-Šewc H. Die deutschen Lehnübersetzungen im Obersorbischen und ihre Stellung im System der obersorbischen Lexik und Wortbildung // ZfSl. 1977. 22.4. S. 455–468; Idem. Lehnwort und Lehnübersetzung im Sorbischen // Slawistik in der DDR. 1977: dem Wirken Nans Holm Bielfeldts gewidmet. Sitzungsberichte der AdW der DDR, Gesellschaftswissenschaften. 1977. 8. G. S. 76–86; Idem. Die älteste Schicht der slawischen sozialökonomischen und politisch-institutionellen Termini und ihr Schicksal im Sorbischen // Lětopis ISL. A. 1986. 33. S. 1–19; Idem. Der kirchliche Wortschatz des Sorbischen und sein Ursprung: Ein Beitrag zur europäischen Sprach- und Kulturgeschichte // Die Welt der Slaven N.F. XIII. 2. S. 297–322; Idem. Zur lexikalischen Nomination des Sorbischen (см. примечание 25); Stone G. Lexical

Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening // *Lětopis ISL*. A. 1971. 18. S. 1–127 и др.

77 Cp. Wölkowa S. Wo prašenjach předstajenja frazeologizmow w najnowšich hornjoserbskich słownikach // *Lětopis ISL*. A. 1986. 33. S. 25–38; *Idem*. Wo strukturje hornjoserbskich krutych přírunanjow // *Lětopis ISL*. A. 1987. 34. S. 4–10; *Idem*. Wo strukturje a walency hornjoserbskich frazemow // *Lětopis ISL*. 1989. 36. S. 5–11; Неченко А.А. Ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка (к проблеме создания "Общеславянского фразеологического атласа") // *Lětopis ISL*. A. 1989. 36. S. 12–24.

78 Šewc H. Słownotworny formans – (*i*)ča w hornjoserbské rěči // *Lětopis ISL*. A. 1990. 37. S. 8–12 (здесь приводится обширная литература, посвященная словообразованию в серболужицком языке).

79 Mětšk Fr. Der Anteil der Stände des Markgrafentums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache (1668–1728) // *ZfslPh*. 1960. 25.. I. S. 122–138; Schuster Šewc H. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen (Ein Grundriss), см. примечание 1. S. 135–151; *Idem*. Rozwój języka literackiego Serbów Łużyckich. См. примечание 1; Michałk F. Jurij Hawštyn Swětlík a serbska spisowna rěč za katolikow // *Lětopis ISL*. A. 1980. 27. S. 10–25; *Idem*. Latinizmy a germanizmy w rěči J.H. Swětlika – Přinošk k stawiznam hornjoserbskeje spisowneje rěče // *Lětopis ISL*. A. 1972. S. 52–106.

80 Cp. научный отчет, представленный на XV Международном конгрессе по ономастике в кн.: *Namenkundlichen Informationen*. Leipzig, 1984; N. 45; серию “Deutsch-Slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte” (опубликовано 36 томов); *Namenkundlichen Informationen* (опубликовано 57 тетрадей; 12 приложений, один специальный выпуск); серию “*Onomastica Slavogermanica*”, которая издается совместно с университетом Вроцлава (опубликовано 18 томов); Eichler E; *Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neisse* (до настоящего времени вышло два тома).

81 Schuster Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 24 Lieferungen. 186 S. VEB Domowina-Verlag. Bautzen, 1978–1990.

82 Cp. Schuster Šewc H. Das historisch-etymologische Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache und seine Bedeutung für die slawische Sprachwissenschaft // *Lexicographica. Series Maior* 23. Theorie und Praxis des lexikographischen Prozesses bei historischen Wörterbüchern, hrsg. v. H.E. Wiegand. Max Niemeyer Verlag. Tübingen. 1978. S. 205–226; *Idem*. Das historisch-etymologische Wörterbuch der ober-

und niedersorbischen Sprache: Einige methodische und theoretische Schlussfolgerungen //Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität. Jena. 1990.

83 Ср. Серболужицкий сборник. М., 1963 (отв. ред. Л.Э. Калнынь); Исследования по серболужицким языкам. М., 1970 (отв. ред. Л.Э. Калнынь); Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989 (отв. ред. М.И. Ермакова и Ф. Михалк).

84 Ср. *Rzetelska-Feleszko E. Bibliografia autorów prac polskich piszących o językach kuzickich //SFPS. 1984. 22. S. 239–250.*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПЕРЕПИСКИ ТИЦИНА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ ВЕРХНЕЛУЖИЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В статье Богуслава Гавранека “*Vyznam staršího českého mluvnictví pro jiné slovanské jazyky*”¹, которая в значительной части посвящена лужицкой грамматике Тицина, читаем следующее: “*Jak ukázala prukopnická práce Múrkova, nejen reformace, ale i katolická protireformace měla svůj význam při vytváření spisovných jazyků slovanských a jejich mluvnickém zpracování.*” Это утверждение Гавранека смыкается с выводом Мурко, данным в заключении его работы “Значение Реформации и контрреформации в духовной жизни южных славян”²: “Разумеется, сами южные славяне должны уделять еще больше внимания обоим периодам, в особенности контрреформации, изучением которой до сих пор пренебрегали, ибо совершенно ясно, что и эта эпоха, имевшая важное значение в истории европейской культуры, оставила глубокие следы в жизни славянского Юга”³.

По моему мнению, и серболужицкая историография до сих пор не уделяла достойного внимания роли контрреформации. Так, в первом томе “Истории лужицких сербов”⁴, в главе “Влияние раннего Просвещения, пietизма и ортодоксии на духовную жизнь и развитие литературного языка” Тицину, Шимону и Светлику посвящена всего 21 строка. Это составляет примерно 6% всей главы, в которой свыше трехсот строк. Из одиннадцати прилагаемых к ней иллюстраций лишь две⁵ относятся к католическому аспекту исследуемой темы. Упомянутый текст из 21 строки содержит и такое как бы второстепенное утверждение: “Помимо того (то есть помимо пietизма и рационализма), наличие католической конкуренции не только содействовало готовности евангелических кругов к терпимости по отношению к сербо-

лужицкому языку, но также подстегнуло национально-культурную активность в *Circulus (sorabicus Верхней Лужицы)*⁶ (дворянском собрании Верхней Лужицы).

На основании чтения “*Correspondentia Patris Ticini Societatis Jesu cum Sacerdotibus in Lusatia ratione libelli Principia Wendica et Historia Rosenthalensis*”, которая хранится в соборном архиве Бауцена⁷, я считаю, что это как бы второстепенное утверждение на самом деле имеет первостепенное значение для проблематики данной главы. Папка, содержащая переписку, весьма объемиста. Она заключает в себе около сотни рукописных документов, свыше семидесяти – в росчерках Яака Ксаверия Тицина. Очень удобно, пользуясь собранными здесь материалами, хотя бы немного восполнить отмеченные выше пробелы в научных исследованиях. Достойно удивления, что эта папка так долго покоилась нетронутой в архиве, хотя она могла бы содействовать разъяснению многих доселе спорных проблем и сделать возможным⁸ глубокое проникновение в стратегию и тактику языкового планирования католического духовенства в конце XVII в. и обнаружить его давнюю тесную связь со славянофильскими контрреформационными устремлениями в Чехии⁹.

После соглашения 1635 г., которое, сохранив в конфессиональном отношении *status quo*, привело к выходу обеих Лужиц из земель, объединенных под властью Чешской короны, в сербской Лужице сложилось следующее соотношение сил: католическое белое и черное духовенство, защищенное властью габсбургского императора, против протестанcko-антикатолического дворянского собрания. Конфронтация Реформации и контрреформации носила здесь очень острый характер. В этой ситуации между двумя вероисповеданиями развернулось постоянное соперничество, когда местные власти стремились способствовать созданию единого серболужицкого литературного языка и с его помощью дать народу или то, или другое "единственно правильное" вероучение, причем в обеих Лужицах. Неудивительно, что при этом возникли два различных варианта верхнелужицкого литературного языка, ведь католичество и протестанство были представлены двумя компактными находившимися в непосредственном соседстве друг с другом группами населения, которые занимали различные области серболужицкого диалектного ландшафта с различны-

ми городскими центрами Будышин (Бауцен), Кулов (Виттихенау) и различными, реформационными или контрреформационными, традициями. Эти традиции при создании основополагающих текстов (евангелий, библей, катехизисов и т.д.) и определяли выбор того или иного иноязычного оригинала, обладавшего высоким авторитетом — латинской Вульгаты или немецкой библии Лютера.

Несколько предлагаемых тезисов касаются католической части данной проблемы и основываются главным образом на информации, полученной из переписки Тицина:

1. Выбор куловского (виттихенауского) наречия в качестве основы католического варианта верхнелужицкого литературного языка был осознанным; он безусловно основывался на влиятельности в бауценском кафедральном капитуле священников — выходцев из Виттихенау. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что это наречие являлось связующим звеном между верхне- и нижнелужицкими диалектами, этим можно было бы воспользоваться с целью осуществить планы рекатолизации обеих Лужиц.

2. За грамматической нормой, кодифицированной Тицином, стоял престиж не только бауценского кафедрального капитула, но и всего ордена иезуитов — она была официально утверждена генералом этого ордена в Риме. Тицин, Светлик (первый переводчик всего текста Библии на серболужицкий язык) и Брюкнер, декан бауценского кафедрального собора, настоятельно выступали за введение этой нормы.

3. Первоначально планировалось — видимо за неимением других возможностей — что необходимая католическая серболужицкая литература должна была печататься в Чехии.

4. Одну из причин (быть может даже самую главную) отставания Тицином серболужицкого языка следует искать безусловно в его тесных дружеских отношениях с Богуславом Бальбином, известным чешским историком, автором *Dissertatio apologetica pro lingua slavonica praecepsie bohemica*¹⁰.

В связи с первым тезисом (выбор виттихенауского наречия) я цитирую два письма Тицина Брюкнеру от 19 марта и 18 июля 1685 г. В них идет речь об особенностях языка в серболужицком переводе катехизиса Петруса Канизиуса. Перевод был выполнен Донатусом Фабрициусом и отослан Тицину для печатания в Праге.

19 марта: "Я хотел бы указать, что в иных местах необходимо заменить диалект... на почитаемый лужицкий язык..., книгу следует пересмотреть в соответствии с правилами, рекомендованными в *Principia linguae wendicae* ... Лужицкий язык господина автора таким образом будет сохранен, лишь в некоторых немногих местах его кроствитский (хродзанский) или будышинский диалект будет самым подходящим образом изменен на виттихинауский (куловский)".¹¹

На основании этого Брюкнер дает просмотреть перевод катехизиса двум священникам из Виттихенау. Об этом с благодарностью уведомляет Тицин в своем письме от 18 июля: "Я прочел чрезвычайно тщательный и добросовестный отчет господ священников из Кулова и Радворя и узнал при этом как о глубоком уважении, которое они питают к Вам..., так и об их исключительном рвении... видимо, спустя только две недели все мои заботы сведутся к тому, чтобы свести воедино суждения обоих экспертов, еще раз переписать книгу и способствовать ее выходу в свет"¹².

Первый серболужицкий перевод катехизиса Канизиуса вышел в Праге с указанием 1685 года издания¹³. Переводчиком назван Тицин.

Итак, Тицин именует куловский (виттихенауский) диалект "почитаемым лужицким языком" и ставит его выше будышинского (бауценского) диалекта. Если сравнить это с позицией, которую занимал Абрахам Френцель, евангелический пастор в Шёнау, серболужицкий эрудит, современник Тицина, то можно отчетливо увидеть картину соперничества между Реформацией и контрреформацией. В письме к Генриетте фон Герсдорф, жене верхнелужицкого земельного фогта, Френцель называет говор, описанный Тицином в "*Principia linguae wendicae*", буквально "вульгарным и домашним диалектом, который звучит грубо", в то время как евангелический вариант верхнелужицкого литературного языка, по его мнению, пригоден в качестве языка церкви для всех лужичан. Верхней и Нижней Лужиц.

В связи со вторым тезисом (о престиже Общества Иисуса) я процитирую письмо Тицина Брюкнеру от 13 августа 1679 г.: "Приблизительно 26 июля я уже писал Вам, но боюсь, что из-за поставленной на письме печати Общества еретики на почте потеряли его. Поэтому желательно переписать заново ряд недавно отосленных писем. 22 июля я узнал, что глава нашей провинции получил письмо от нашего генерала в Риме с одобрением моей книги (*Principia linguae wen-*

dicae). 2 августа я получил подтверждение этого известия в письме заместителя главы провинции с безусловным разрешением на печатание моей книги"¹⁴.

В связи с третьим тезисом (о намерении печатать книгу в Праге) я буду цитировать из писем Тицина с декабря 1684 по апрель 1690 г. В них речь идет прежде всего о печатании первых серболужицких евангелий и посланий апостолов.

19 декабря 1684 г.: "Итак, Ваши усердные хлопоты способствовали тому, чтобы осуществилось чтение евангелий в приходских церквях. Я тщательно и подробно расспрашивал двух владельцев типографий обо всем деле. Один запросил больше другого. Самая дешевая цена составляет три гульда и 40 крейцеров за один лист..., напечатано будет на обыкновенной клеевой бумаге почти новыми литерами, которые называются *mittelschwabach*. Итак, весь труд должен быть объемом в 15 листов, значит придется уплатить за 500 экземпляров сумму в 56 флоринов. За 1000 экземпляров требуется 90 флоринов. Я намерен заказать ... 5000 экземпляров; тогда за 500 будет та же цена, что и за 300. Ведь тут едва ли хоть одна типография согласится печатать 300 экземпляров. Если Вы действительно хотите осуществить это... после Нового года, то я с благосклонного разрешения моего начальства, охотно приму в этом деле участие. Я хочу высказать пожелание, чтобы рукопись, которая ляжет в основу издания, была бы подготовлена как можно аккуратнее и разборчивее..., и ... оформлена в соответствии с правилами, предписанными в *Principia wendica*. Если уже один такой экземпляр готов, то всего через несколько недель мы начнем печатать. Если же рукопись не оформлена описанным выше образом, прошу Вас еще раз, используйте Ваше большое влияние, чтобы найти подходящих составителей, умеющих читать по-чешски и говорить по-лужицки. То же соображение относится и к катехизису... и церковным песнопениям"¹⁵.

Выбор декана пал очевидно на Георгиуса Августинуса Свотлика (Светлика)¹⁶; ибо от него осталась находящаяся в серболужицком культурном архиве рукопись "*Śwate Zczeňa ha Episđe ...*", помеченная 1687 г. И в примечании Светлика к этой рукописи читаем: "Правописание и произношение отдельных букв серболужицкого или вендского языка интересующийся читатель находит в *Principia*, из-

данных... Тицином в 1679 г.¹⁷. Выбор был остановлен на Светлике, хотя из письма Фабрициуса от 14 сентября 1678 г. Тицин знал – и можно допустить, что и для Брюкнера это обстоятельство не осталось неизвестным – что в распоряжении Фабрициуса был собственный серболужицкий перевод евангелия¹⁸. Однако он был выполнен на кривитском (хроцанском) диалекте, которым в ту пору пренебрегли. Дело с печатанием книги замедлилось. Вот как трижды возникает этот вопрос в письмах Тицина к Фабрициусу и Зенде, относящихся к 1688 и 1690 гг.:

3 ноября 1688 (письмо Фабрициусу): "Прошу передать сердечный привет пастору в Виттихенау и сообщить ему, что пастор из Либетице (господин Георгиус Езорка) обещает взять на себя расходы по изданию венденского евангелия"¹⁹.

2 марта 1690 г. (письмо к Зенде): "Я хотел бы как можно скорее увидеть евангелие напечатанным. Что касается расходов, то, по моему мнению, затруднений здесь не будет, если выздоровеет господин пастор из Либетице. Хотел бы я по крайней мере надеяться, что в случае его смерти он отпишет что-нибудь в своем завещании на эти цели... Я не хочу издавать свою книгу "*Wo steht's geschrieben*", прежде чем можно будет прочесть евангелия по-лужицки, и хотел бы, чтобы ... это свершилось"²⁰.

25 мая 1690 г. (к Зенде): "То, что печатание евангелия затягивается, огорчает меня глубочайшим образом. Но при всем том я не теряю надежды: *Deus providebit, (sumptus) laborandum tamen.* Эту надпись прочел я на башне церкви в Hradec Králové, которая соседствует с той, где Кирилл и Мефодий, должно быть, в первый раз служили в Чехии мессу. Тут я припомнил, как мой дядя Маттиас (Тицин) писал мне из Австрии, когда я готовил к печати *Principia lingua wendicae*: "Нужно соблюдать правило, чтобы не смели опубликовывать ничего из написанного на венденском языке. Без сомнения причиной тому ненависть к вендам известного саксонского императора. Стоит опасаться того, что, воспользовавшись этим королевским указом, еретики (*Praedicantes et Misericordi*) смогут создавать сложности и неудобства, если наше евангелие ... выйдет только по-лужицки. Если мы поместим и немецкий текст, они, по моему мнению, не смогут ни в чем нас упрекнуть, тем более, что Михаель Френцель

(неоднократно) и известный брандебуржец (Tharäus – Ф.И.) примерно в 1609 г. выпускали подобные книги на нашем языке. Это надо бы знать. С надлежащей энергией, быть может, через посредство преподобного отца Вицка надо просить папского посланника, чтобы он добился мандата саксонского курфюрста, в которомому накому-нибудь бауценскому типографу будет приказано напечатать вендское евангелие, ибо мы лужицкие католики и сегодня являемся полноправными гражданами. Я прошу, чтобы господа священники (Ecclesiastici) устроили все таким образом, чтобы еретики (sacochristiani et Eluvvierum Simiae Praedicantes) в деле печатания евангелия не опередили нас. Они и в самом деле намереваются сделать это, как я понял из предисловия к (Поствицеровскому) Камню веры"²¹.

В свете этих цитат нам становится ясно, почему издание “*Swate Zc̄z̄ena*” Светлица помечено 1690 г., хотя доказано, что они напечатаны осенью 1692 г.²²: книгу собирались выпустить в Праге в 1690 г., и в подготовленную тогда рукопись не внесли никаких изменений, не исправив даже указанную там дату. Нам также понятно теперь, почему Абрахам Френцель в предисловии к своей работе “*De originibus linguae sorabicae...*” (1693) указывает на это расхождение между действительным и минимым годом издания: перевод протестанских евангелий и посланий апостолов был готов лишь 22 августа 1692 г. и еще рецензировался, прежде чем его смогли передать господам из Дворянского собрания²³. Обстановка соперничества станет еще понятнее, если мы вспомним часто цитируемый пассаж из письма главного придворного проповедника саксонского курфюршества Филиппа Якоба Шпенера Михаилу Френцелю (оно относится к 1689 г.). Точная цитата гласит: “Необычайно печалит меня, что у доброго люда нет святого писания, и даже полного Нового завета, на родном языке. Отчего и справедливо было бы позаботиться и в надлежащем месте сказать о том, какие усилия нужно предпринять, чтобы весь Новый завет или по крайней мере послания апостолов, словом, суть всего христианского учения могла бы предстать перед глазами народа; не те книги нужны, которые мы обличаем у папистов, говоря, что они препятствуют мирянам чтению святого писания, нас могли бы упрекнуть в этом, нельзя, чтобы эти книги стали такими же ненужными или бесполезными в том случае, если мы приложим мало усилий,

чтобы наш народ смог их получить для чтения"²⁴. Это высказывание было вызвано и предисловием Френцеля к поствицкой проповеди "Ка-мень веры".

По поводу четвертого тезиса (о дружеских взаимоотношениях Тицина с Бальбаном как причине отставания Тицином серболужицкого языка) на основании данной переписки можно сказать следующее.

С 1677 года Бальбан и Тицин находятся одновременно в одинаковых иезуитских учебных заведениях – коллегии и конвикте (*ad Sanctum Clementem*) в Праге, Бальбин в качестве признанного чешского историка, Тицин как *Studio artium liberalium et philosophiae*. К этому времени Бальбин, после почти десятилетней борьбы осуществил издание своей *Epitome historica rerum Bohemicarum...* и в своем ольмюцком изгнании в 1672 г. написал *Dissertatio apologetica ...* Тицин в то же время готовился к защите магистерской диссертации "*Principia linguae wendicae*", которая состоялась в конце июля или в начале августа 1679 г. Работа над диссертацией, должно быть, началась самое позднее в конце 1677 г. – начале 1678 г., так как уже 29 марта 1678 г. Тицин пишет Сербину: "Посылаю Вам для просмотра и корректуры формы двойственного числа существительных и глаголов, не отмеченные мнок в свое время"²⁵. В том же письме Тицин просит своего виттихенауского мецената Сербина извинить его, "если я своими неоднократными письмами причиняю Вам неприятности, ибо я делаю это лишь для прибавления славы божьей и сохранения нашего языка, а также для того, чтобы и в этом наши народ и родина сравнялись с другими народами"²⁶. Выраженная в этих словах позиция сходна с позицией Бальбина. После защиты своей магистерской диссертации Тицин пишет Брюкнеру, попросив его предварительно о финансировании издания своей книги: "Я недавно решил подарить Вам также одну книгу, которую мне незадолго до того (быть может, по поводу успешной защиты – Ф.И.) преподнес из дружеских чувств (*pro vincipo*) отец Бальбин. Эта книга называется "*Epitome historica rerum Bohemicarum*". В ней местами много говорится о Лужице. Я уже упаковал ее, чтобы прислать ее Вам при следующем удобном случае".²⁷ Эту книгу Тицин часто цитирует в своей главной работе "*Epitome historiae Rosenthalensis*".²⁸ Тицин, должно быть, принял решение написать эту работу вскоре после того, как получил "*Epitome historica rerum Bohemicarum*" Бальбина, потому что уже 26 декабря 1679 г. он пишет Фабрициусу, уже в качестве учителя грамматики в Нейссе (Силезия): "Как продвигается наше дело? Собрано ли уже много исторического материала? Недавно я нашел к своему удоволь-

ствию в *Atlas Marianus* Вильгельма Гумпенберга весьма обстоятельное описание нашей (Марии) Розентальской, в котором... рассказано о чуде нахождения этого образа и изложена история его постоянного почитания²⁹. По мнению Антонина Фринты, название труда Бальбина “*Epitome historica regum Bohemicarum*” натолкнуло Тицина на мысль дать своей исторической работе сходное заглавие³⁰. Не исключено, что полное наименование тициновой грамматики – *Principia linguae wendicae, quam aliqui wandalicam vocant* – сложилось также под влиянием Бальбина. Этим придаточным предложением “..., quam aliqui...” новоиспеченный магистр вполне в духе своего наставника в исторической науке Бальбина отстает от того названия серболужицкого языка, которое он мог найти у Тареуса (*Enchiridion Wandalicum*, 1610). Выдвигается даже гипотеза, что Тицин знал неопубликованную *Dissertatio apologetica...* Бальбина. В ней имеется такая фраза (в чешском переводе Тоннера): “*Krutěji však a nelidštěji ... od Sasíkův nakládáno a Vendy čili Venedi (jež některí, podobností jmen zavedení Vandaly nazývají nesprávně, jak nade všecko jasně vykládá Kromer*”³¹. О том, что Тицин, избегая названия *lingua vandalica*, фактически следовал за Бальбином, сказал он сам в *Epitome historiae Rosenthalensis*³².

Итак, едва ли мы ошибемся, предположив, что в двух своих главных работах по серболужицкому языку Тицин показал себя учеником Бальбина. К тому же доказано, что существовал обмен письмами между Тицином и Бальбином, а также между Бальбином и Шимоном (при посредничестве Тицина), причем поводом послужило не что иное, как начинание братьев Шимон, из которого в конце концов вырос Венденский семинар в Праге. Речь шла о том, что не позднее 1681 г. братья Мартин Норберт и Георг Шимон начали предпринимать усилия, чтобы основать приход в посещаемом паломниками местечке Розенталь, чьему упорно противодействовал цистерцианский монастырь Мариенштерн, опасаясь, что инициатива братьев послужит повышению престижа бауценского кафедрального собора. Этот спор о правах перекинулся на самые высокие государственные сферы. Чешские графы Лужански, Лажански и Славата, саксонский курфюрст и другие, да и сам император приняли в нем участие. В этом деле Бальбин по приглашению Тицина деятельно выступал в роли посред-

ника. Это подтверждается, между прочим, следующими цитатами из писем:

Бальбин – Тицину: В письме от 10 сентября 1681 г. Тицин благодарит Шимона за сотрудничество в работе над *Epitome historiae Rosenthalensis* и, со своей стороны, предлагает ему поддержку Бальбина при рассмотрении его дела у императора: "Что касается капитала, то мне надо бы узнать, какую сумму он составит, ибо, если знать все это точно, то, по моему мнению, может легко статься, что император возьмет расходы на себя, и вот каким образом: наш отец Бальбин пользуется величайшим доверием некоторых высокопоставленных придворных, которые в настоящее время находятся при императорском дворе. При их содействии его императорское величество без колебаний... возьмет расходы на себя и распорядится, чтобы чешское казначейство произвело выплату необходимой суммы в установленные сроки"³³.

После того, как Шимон предоставил необходимую информацию (9.10.1681), Тицин обратился с письмом к Бальбину, о чем он рассказывает Шимону (23.11.1681): "Наш отец Бальбин 8.11. написал мне следующее: по Вашему вопросу можно сказать вот что. Я благодарю Вас за то, что Вы хотите сделать меня участником такого святого дела. Сегодня обо всем этом я отправляю письмо ко двору. Любой ответ, который придет оттуда, будет Вам, дорогой магистр, своевременно сообщен³⁴.

Бальбин – Шимону 18 февраля 1682 г. (в письме Тицина Шимону): "Недостаток свободного времени и торопливость наших отцов, которые готовятся к отъезду, заставляют меня быть кратким... и в спешке я должен удовольствоваться тем, чтобы переслать два чужих письма, которые могут ускорить дело"³⁵. Из проекта ответного письма Мартина Норберта Шимона к Тицину от 6 апреля 1682 г. мы узнаем, о чьих именно письмах шла речь: "2 апреля я получил Ваши письма из Нейссе от 18 февраля вместе с посланиями высокочтимых отцов Бальбинаса и Шмиделя"³⁶. Из письма Тицина к Шимону,енному из Праги 16.7.1684 г., можно понять, что Бальбин в это время, когда он уже был тяжело болен, выступал в роли советчика Тицина и братьев Шимон³⁷. Замыслы братьев Шимон в конце концов – очевидно не без содействия Тицина – направились на то, чтобы основать в Праге сер-

булужицкий конвикт³⁸. Многочисленные питомцы Венденского семинара должны были в последующих столетиях сыграть большую роль в развитии духовной жизни и литературного языка лужицких сербов.

Примечания

1 *Havránek B.* Význam staršího českého mluvnictví pro jiné slovenské jazyky // Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. S. 318–321; впервые опубликовано в кн.: *Co daly naše země Evropě a lidstvy*, I. díl. Praha, 1939. S. 195–197.

2 *Murko M.* Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven // *Slavia*, 1925/26. S. 499–522, 184–719; 1926/27. S. 65–99, 277–302, 500–534, 718–744.

3 *Slavia* 1926 / 27. S. 743.

4 *Brankač Jan, Mětšk Frdo.* Geschichte der Sorben. Bd. I – Von den Anfängen bis 1789. Bautzen, S. 270–278.

5 После с. 288: портрет Тицина и титульный лист *Principia linguae wendicae*. Prag, 1679.

6 Cp. *Mětšk F.* Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus – Ein Beitrag zur Rechts- und Verfassungsgeschichte des deutschen Feudalismus im Sorbenland. Bautzen, 1968. S. 81–84. Здесь больше, чем в работе, упомянутой в примечании 4, подчеркнута роль евангелическо-католического соперничества в процессе формирования серболужицкого литературного языка (католического варианта).

7 Cp. *Michałk F.* Aus der Korrespondenz J.X. Ticins I (Létopis A 33, 1986. S. 52–69), II (Létopis A 34, 1987. S. 57–78), III (Létopis A 35, 1988. S. 41–69), IV (Létopis A 36, 1989). Дальнейшие номера находятся в процессе подготовки. Небольшие цитаты из переписки I, II, III, IV, V.

8 Например, вопрос о признаваемом возможным некоторыми авторами втором издании Грамматики Тицина, см. *Ticinus X. Principia linguae wendicae, quam aliqui wandalicum vocant.* – Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Frdo Michałk. Bautzen, 1985. Vorwort. S. 19 ff.

9 Cp. Korr. III. S. 42–45, а также Вступление к книге: *Svědik J.H. Vocabularium latino-serbicum.* – Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Frdo Michałk. Bautzen, 1988.

- 10 Cp. Bohuslava Balbína *Rozprawa na obranu jazyka slovanského*, zvláště pak českého [...]. Z původního spisu latinského [...] přeložil s [...] životopisy Balbína a Tomáše Pešiny opatřil E. Tonner // Matica ľudu, Jg. III, № 3 (Beznečné číslo 15), v Praze [...], 1869.
- 11 Korr. III, S. 50.
- 12 Korr. III, S. 56.
- 13 Toho čestného Dostojnho Patera Petra Canisia [...] Kssestian-sky Katholsky Catechismus Němsky ha Sersky, Prag in der Academ. Druckerei 1685.
- 14 Korr. I, S. 63.
- 15 Korr. II, S. 75.
- 16 Г.А. Светлик родился в 1650 г. в Виттихенау, умер в 1729 г. в Бауцене, первый переводчик всей Библии на верхнелужицкий язык; cp. *Sofita B. Prěni hornjoserbski převožk biblije wot J.H. Swětlika* // CMS 1921, S. 3–34.
- 17 Cp. *Michał F. Jurij Hawštyn Swětlik a serbska spisowna rěč za katolikow* // Lětopis A 27, 1980, 1, 10–25. S. 11.
- 18 Korr. I, S. 60.
- 19 Korr. IV (Brief 22).
- 20 Korr. V (в процессе подготовки).
- 21 Korr. V (в процессе подготовки).
- 22 Cp. с работой, цитируемой в примечании 17, с. 12.
- 23 Cp. *Knauth C. Derer Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte*. Görlitz, 1767. S. 277.
- 24 Cp. op. cit. S. 279 f.
- 25 Korr. I, S. 55.
- 26 Korr. I, S. 56.
- 27 Korr. I, S. 66.
- 28 *Epitome historiae Rosenthalensis* [...]. Pragae [...], 1692. (E.H.R.).
- 29 Korr. I, S. 68 f.
- 30 *Frinta A. Lužičtí Srbové a jejich písemnictví*. Praha, 1955, S. 40.
- 31 Cp. работу, упомянутую в примечании 10, с. 25.
- 32 E.H.R., S. 19 ff.

33 Кorr. II, S. 65 f., примечание 18.

34 Котт. II, S. 66, примечание 18.

35 Котт. II, S. 65.

36 Кorr. II, S. 67.

37 Кorr. II. S. 59.

38 Речь идет о Вендском семинаре св. Петра в Праге. Ср. Zeil W. Bolzano und die Sorben. Bautzen, 1967.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГЕРМАНИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО НИЖНЕЛУЖИЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

Современные западнославянские литературные языки (а среди южнославянских – словенский) выделяются среди других славянских языков большим количеством лексических германизмов. В процессе развития этих языков и в результате сознательных пуритических установок значительная часть германизмов была заменена славянскими соответствиями. Многие из более древних, укоренившихся в языке, немецких заимствований употребляются в современных языках в качестве народно-разговорных, экспрессивных синонимов нейтрально-литературных слов славянского происхождения.

В лексике серболужицких литературных языков и особенно нижнелужицкого влияние немецкого языка проявляется в значительно большей степени, чем в других западнославянских языках. Это объясняется целым рядом лингвистических и экстралингвистических причин (длительный, на протяжении веков, контакт серболужицкого населения с немецким, формирование массового билингвизма и др.) На определенном этапе их развития начали действовать пуритические тенденции. При этом в верхнелужицком литературном языке эти тенденции проявлялись сильнее, чем в нижнелужицком, что в определенной мере было обусловлено влиянием чешского языка, который в процессе формирования верхнелужицкого литературного языка служил образцом. В нижнелужицком литературном языке устранение лексических германизмов и замена их славянскими соответствиями проводилась менее последовательно, чем в верхнелужицком литературном языке. В ряде случаев немецкие заимствования сохранились здесь как дублеты слов славянского происхождения. Различия в судьбе немецких заимствований в верхне- и нижнелужицком литературных языках объ-

ясняются особенностями развития и функционирования нижнелужицкого литературного языка. По сравнению с верхнелужицким он имел более узкую сферу применения и функционально был более ограничен. Удельный вес нижнелужицкой интеллигенции – носителя литературной нормы – был значительно ниже, чем в Верхней Лужице. Сознательные нормализаторские усилия проявлялись в нижнелужицком литературном языке гораздо слабее, чем в верхнелужицком. Он сохранил более тесную связь со сложившейся традицией народно-разговорного языка, насыщенного германизмами, и его лексика носит более архаичный характер.

Лексические германизмы нижнелужицкого литературного языка как его типологическая черта представляют интерес в ряде отношений. Прежде всего обращает на себя внимание неоднородность этих заимствований. Среди них выделяются две основные группы: 1) заимствования, свойственные только нижнелужицкому литературному языку и 2) заимствования из немецкого языка в нижнелужицком, общие с другими западнославянскими языками. При этом одну из самых больших групп представляют германизмы, имеющие соответствия во всех остальных западнославянских языках – верхнелужицком, польском, чешском, словацком. Сюда относятся такие лексемы как: 1) bäf^tma ‘хлопчатник, хлопок, хлопчатобумажная ткань’ Šw 12 (нем. *Baumwolle*, диал. (алем.) *bawele*, *bawele* при сближении с посл.**vðlna* ‘шерсть’ (рус. диал. *в^лна*)) (производное *bäf^tjan^y*) (вл. *ba^tta*, п. *ba^wlna*, ч., слц. *bavlna*); 2) bam^ž ‘папа (римский*)’ Sw 12 (свн. *bâbes*/ *bâbest*, *bâbst*, нем. *Pabst*. < сфр. *pape(s)*< лат. *papa*) (*bam^žojski*, *bam^žojs two*) – вл. *bam^ž*, п. *pariež*, ч. *parež*, слц. *râpež*; 3) bjachar ‘кубок, бокал’ Šw 16 (нем. *Becher*, свн. *bëcher*, дvn. *bëhhär* < лат. *bicarium* < гр. βίκος ‘глиняный сосуд’) – вл. (уст.) *bjechar* (Pf. 19), п. *puchar*, ч., слц. *rohár*; 4) blach ‘жесть’ Šw 17 (свн. *blech*, диал. (вост.) *blach*) (*blachnica*) – вл. *blach*, п. *blacha*, ч., слц. *plech*; 5) bort^a ‘кайма, бордюр’ Šw 21 (нем. *Borte* ‘то же; вид головного убора невесты’, свн. *borte*) – вл. *borta* ‘чепец невесты’, п. *borta* ‘кайма’, ч. *porta*, слц. (разг.) *porta* ‘то же’; 6) brach ‘недостаток, недуг,увечье’ Šw 21 (нем. *brâch* ‘неиспользуемый (главным образом о земле)’, *Brache* ‘пар’) (*brachowaś*, *brašny*, *brašnosć*) – вл. *brach*, п. *brak*, ч., слц. *brak*; 7) cedlik ‘записка’ Šw 30 (свн. *zëdel(e)*, диал. (в.-сакс.) *zedl* ‘то же’ < слат. *cedula* лат. *schedula* ‘листочек бумаги’ < гр.

σχίδη ‘обломок’) – вл. *cedla*, п. *cedula*, ч. *cedule*, слц. *cedul'a*; 8) cen ‘олово’ Šw 31 (нем. *Zinn*, двн. *zin*) (*cenany*, *cenatja*, *cenis* ‘паять’) – вл. *cун*, п. *супа*, ч., слц. *cin*; 9) cerkwiјa ‘церковь’ Šw 31 (днн. *kiri-ka* < сгр. (нар.) *κυρική ‘церковь’ < гр. κυριακή (οἰκία) ‘господень (дом)’) (*cerkwicka*, *cerkwiјonpiк*, *cerkwiny* (прилаг.)) – вл. *cyrkej*, п. *cerkiew*, ч. *cirkel*, слц. *cirkew*; 10) cil ‘цель’ Šw 32 (свн. *zil*, нем. *Ziel*) (*cilowas'*) – вл. *cyl*, п. *cel*, ч. *cil*, слц. *ciel'*; 11) cто ‘пошлина’ Šw 33 (двн. *zol* < нар.-лат. *toloneum* ‘пошлина, таможня’ < лат. *telōnēum* < гр. τελωνεῖον ‘таможня’) (*ctonik*, *cлиš*) – вл., п. *cто*, ч., слц. *clo*; 12) cole ‘дюйм’ Šw 34 (свн. *zol* ‘фаланга (пальца); дюйм’ – вл. *côl*, п. *cal*, ч. *coul*, слц. *côl*; 13) copaš ‘отступать, отходить’ Šw 34 (нем. диал. (в.-сакс.) *zoofen* ‘ехать назад’) (*copaјje*, *copajuscu*, *copar'*, *coparski*) – вл. *cofač*, п. *cofač się*, ч. *couvat*, слц. *cývat'*, обл. *cofat'*; 14) cukor ‘сахар’ Šw 35 (свн., нвн. *zucker*, двн. *zuccer*, слат. *zuccara*, ит. *zucchero* < лат. *saccharum* < перс. گار, инд. (пракр.). *sakkara*) (*cukopina*, *cukramja*, *cukrowańc*, *cukrownja*, *cukorowu*, *cukowaty*, *cukoris'*, *cukrowaś*) – вл. *cokor*, п. *cukier* ч. *cukr*, слц. *cukor*; 15) cynk ‘цинк’ Šw 37 (нем. *Zink*) – вл., п. *cynk*, ч. *zinek*, слц. *zinok*; 16) drot ‘провод, проволока’ (нем. *Drat*, диал. (силез.) *dröt*, (луж.) *drot*) – вл. (уст.) *drat* (Pf 159), п. *drut*, ч. *drát*, слц. *drôt*; 17) fajſka ‘(курительная) трубка’ Šw 64, *fejſa* ‘то же’ Šw D 201 (нем. *Pfeife* ‘то же; свисток, дудка, свирель’, двн. ꝑfffa ‘свисток, дудка, свирель’ < нар.-лат. *pīra* ‘свирель’) – вл. *fajſa*, *fajka*, п. *fajka* ч. *fajſka*, слц. *fajka*; 18) fara ‘дом приходского священника; приход’ Šw 65 (нем. *Pfarrer*, двн. *pfarra* < лат. *parrochia* < гр. Παροικία ‘жилье, находящееся рядом (подразумевается – с церковью)’) (*farar* ‘священник’) – вл., п., ч., слц. *fara*; 19) flak ‘место, участок’ Šw 65 (нем. *Fleck*, диал. *flak*) (*flack* (уменьш.), *flakaty* – вл. *blak* ‘то же’, п. *flák* (чаще мн. *flaki*) ‘кишки, внутренности, требуха’, ч. *flek* ‘место; пятно; заплата’, слц. (разг.) *flak* ‘ пятно; заплата’; 20) flastar (мед.) ‘пластырь’ Šw 65 (нем. *Pflaster* ‘мостовая; пластырь’, двн. *pflastar* < лат. *emplastrum* ‘пластырь’ < гр. ἐμπλαστρον ‘то же’) (*flastrowas'*) – вл. *plester*, п. *plaster*, ч. *flastr*, слц. (разг.) *flajster*; 21) flaša ‘бутылка’, *flaška* ‘то же’ Šw 65 (нем. *Flasche*, свн. *glasche*) – вл. *bleša*, п. *flasza* ‘бутыль, фляга’, ч. (прост.) *flaška* ‘бутылка’, слц. *fl'aša*

22) fora ‘воз, телега’ Šw D 114 (нем. *Fuhre*, свн. *vuore*, дvn. *fuora*) – вл. *fóra*, п. *fura*, ч. *fúra*, слц. *fúra*; 23) forman ‘возница, кучер; возчик’ Šw 65 (нем. *Fuhrmann*) – вл. *fórmán*, п. *furman*, ч. *forman*, слц. *furman*; 24) gropny ‘грубый; громкий’ Šw 83 (нем. *grub*, свн. *grup*) (*grópnosc*, *gropnica*, *gropnicka*) – вл. *hrubý*, п. *gruby*, ч., слц. *hrubý*; 25) grunt (уст.) ‘земля, земельный надел’, grunty ‘участки земли, земельное владение’ Šw 84 (нем. *Grund*) – вл. (уст.) *grunt* ‘причина; земельное владение’ (Рf 193), п., ч., слц. *grunt*; 26) heblík ‘рубанок’ Šw 86 (нем. *Hobel*, свн. *hübel*, нн. *hebel*) (*heblowaś*) – вл. *hébl*, п. *hebel*, ч., слц. *heblík*; 27) kachle ‘кафельная печь’ Šw 103 (нем. *Kachel* < нар.-лат *cac(c)ulus* ‘кухонная посуда’) (*kachlicka*) – вл. *kachle*, п. *kafel*, ч. *kachel*, слц. *kachl'a*; 28) kana ‘кувшин’ (в. *kawejowa* kana ‘кофейник’) Šw D 155 (нем. *Kanne*, дvn. *čanpa* < лат. *canna* ‘камыш, тростник, трубка; (позже) сосуд (с носиком)’) – вл. *kana*, п. *koneš*, ч. *konev*, слц. *kaňva*; 29) kara ‘тачка, тележка’ Šw 105 (нем. *Karre* < лат. *carrus* < галл. *carros* ‘повоzка’) (*karica*, *karka*, *karowaś*) – вл. *kara*, п. (уст.) *kara*, ч. *kára*, слц. *kara*; 30) keluch ‘чаша, кубок’ Šw 107 (свн. *kelich* (нем. *Kelch*), дvn..*chelih* < лат. *calix*, вин. п. *calicem*) – вл. *ke-luch*, п. *kielich*, ч., слц. *kalich*; 31) kita ‘замазка (для окон)’ Šw 108 (нем. *Kitt*) – вл. *kita* (Mitaš 76), п. *kit*, ч. *kyt*, слц. *giť*; 32) kjatmuša ‘храмовой праздник; кармес, ярмарка, народное гулянье’ Šw 109 (нем. *Kirmes*, свн. *kirmesse* < **kirchmesse* < **kirchwähmesse* ‘месса (богослужение) по поводу освящения церкви’) *kjatmušár*, *kjatmušowas*, *kjatmušowanje*) – вл. *kermuša*, п. *kiemasz*, ч. (уст.) *karmaś*, слц. *kemeš*; 33) kněz ‘господин; крупный землевладелец’ Šw 113 (псл. **knēdžb* < пгерм. **kuninga-z* ‘король’ (*kněni*, *kněža*, *kněstwo*, *knezarstwo*, *kněžář*, *kněžk*, *kněžkař*, *kněžkojstwo*, *kněžna*, *kněžnicka*, *kněški*, *kněžys* (*se*), *kněžowaś* (*se*)) – вл. *knjaz* ‘то же’ п. *ksiądz* ‘священник (<князь)’, ч. *kněz*, слц. *kňaz* ‘то же’; 34) koklař ‘фокусник, жонглер; шут, комик’ Šw 114 (нем. *Gaukler* ‘то же’ и формы, связанные со свн. *gōkeln*, син. *gōkelen* ‘фокусничать, паясничать’) – вл. *kekler*, п. *kuglarz*, ч. *kejkliř*, слц. *kaukliař*; 35) kšamy ‘мелочный товар; лавка’ Šw 125 (нем. *Kram*, дvn. *cram* (< **krāmə*) ‘ярмарочная палатка, навес’) (*kšamář*, *kšamarka*, *kšamatja*, *kšamarski*) – вл. *kramosćíć* ‘копатьсяся, рыться, перебирать’ (ср. нем. *kramen* ‘рытьсяся, копатьсяся, шарить’ от

Kram ‘лавка (с мелким товаром)’⁹, п. kram ‘лавочка; хлам’, ч., слц. krám ‘то же’; 36) kuchnja ‘кухня’ Šw 129 (дvn. chuhhina < нар.-лат. *cocīna, coquīna* < лат. *culina* (< **cocslina*) (*kuchár, kucharka, kuch-niski*) – вл. *kuchina* (Троф. 100), *kuchnja* (Троф. 100), *kucheń* (Zem. 182), п. *kuchnia*, ч. *kuchyń, kuchyneč*, слц. *kuchyńa*; 37) kula ‘шар; пуля, снаряд; клецка; мяч’ Šw 129 (свн. *küle* < свн. *kugele* ‘шар’) (*kul-ka, kulcycka, kulkowišćo, kulowatosć, kulowc, kulkaty, kulkowy, kulo-waty, kulaś, kułowaśi se*) – вл., п. *kula*, ч. *coule*, слц. *gul’ą*; 38) kumšt ‘искусство’ Šw 130 (нем., (свн., дvn.) *Kunst* (*kumštny*) – вл. *kumšt*, п. *kunszt*, ч., слц. (разг.) *kumšt* ‘искусство’; 39) kupiš ‘купить’ Šw 130 (герм. **kāipjan* / дvn. *kouffen* ‘покупать’; *koufso* ‘торговец’ < лат. *caupo* ‘трактирщик; мелкий торговец’) (*kiprowaś, kipr, kiprс, kupniča, kiprowaś, kiprny*) – вл., п. *kipić*, ч. *koupit*, слц. *küpít*; 40) łata, łatwa, łatka ‘планка, рейка’ Šw 134 (нем. *Lamē* – вл., п. *łata*, ч. *lat'*, слц. *łata*; 41) ług ‘щелок’ Šw 136 (свн. *louge*, син. *löge*) (*łužyś*) – вл. *łuh*, п. *ług*, ч. *louh*, слц. *lúh*; 42) lot ‘лот; грузило; отвес’ Šw 144 (свн. *lot* ‘свинец; свинцовое грузило; лот (со свинцом)’ – вл. *lut* ‘лот (мера веса)’, п. *lot* ‘лот’, ч. *lot* ‘лот (старая мера веса)’, слц. *lot* ‘то же’; 43) lump ‘негодяй, мерзавец’ (нем. *Lump*) (*lumpar*) – вл. *lumpak*, п., ч., слц. *lump*; 44) mandlowaś ‘катать белье’ Šw 149 (нем. *mangeln*) – вл. *mandlowaś*, п. *maglowaś*, ч. *mandlovat*, слц. *man-głɔvat'*; 45) marka ‘марка (почтовая); марка (денежная единица)’ Šw 149 (нем. *Marke*) – вл., п., ч., слц. *marka*; 46) mnich ‘монах’ Šw 161 (дvn. *münich* < слат. **monicus* < гр. μονάχος (*mnichowka*) – вл., п., ч., слц. *mnich*; 47) molowaś ‘писать красками, красить’ Šw 162–163 (свн. *mälen*, нем. *malen*) (*malowanje, molaś, molowanja*) – вл. *mo-lo-waś*, п. *malowaś*, ч. *malovat*, слц. *mal'ovat'*; 48) morźis ‘убивать, уничтожать’, mordowaś ‘убивать’ Šw 163 (нем. *morden* ‘то же’, *Mord* ‘убийство’) – вл., п. *mordowaś*, ч. *mordovat*, слц. *mordoval'*; 49) musas ‘долженствовать, бытьенным’ Šw 166 (уст.) Šw D 188 (нормативное) (дvn. *miozan*) – вл. (уст.) *musac* (Pf 386), п. *musieć*, ч. *muſet*, слц. *musiet'*; 50) myto ‘награда, премия, приз’ (дvn. *mīta* ‘пошлина’) (*mytowaś*) – вл. *myto* ‘награда, премия, приз’, п. (ист., уст.) *myto* ‘пошлина’, ч. *myto*, слц. *myto*; ‘то же’; 51) pacht ‘аренда’ Šw 221 (уст.) Šw D 199 (норм.) (свн. *pacht* (нем. *Pacht*) < слат. *pacta* < лат. *pactum* ‘договор, налог’ (*pachtar, pachtowanje, pachtowaś*) – вл., п., ч., слц. *pacht*;

52) *patwej* ‘сковорода; противень’ (дvn. *pfanna* < нар.-лат. *panna* < *patina*) – вл. *pónoj* (род.п. *pónoje* (*pónije*), п. *pátne*, ч. *pátnev*, слц. *pátne*; 53) *pjenjeze* (редко: *pjenjez*) ‘деньги’ Šw 229 (дvn. *pfenning* ‘пфенниг (денежная единица)’ < лат. *pondus* ‘вес’) (*pjenjeza*, *pjenježk*, *pjenje zny*) – вл. *pjenjezy* (*pjenjez*), п. *pieniądze* (*pieniądz*), ч., *peníze* (*peníz*), слц. *peniaze* (*peniaz*); 54) *plumpa* ‘насос, помпа’ Šw 234 (нем. *Pumpe* (диал. *Pumpe*) < исп., порт. *bomba* ‘корабельная помпа’) (*plumpas*) – вл. *plumpa*, п. *potropa*, ч., слц. *pumpa*; 55) *ram* ‘рама’ (свн. *ram(e)* ‘подпорка; пяльцы (рама) для вышивания’) – вл. *ramik* ‘рамка’, п. *rama*, ч., слц. *rám*; 56) *raška* ‘рашпиль’ Šw 327 (нем. *Raspel*) – вл. *rašpa*, п. *raszpel*, ч. *rašple*, слц. *raspl'ɔ*; 57) *rora* (*rorka*) ‘труба (водопроводная, печная и под.)’ Šw 335 (свн. *rōre*) – вл. *rotā*, п. *rura*, ч. *roura*, слц. *rúra*; 58) *rošt* (тех.) ‘решетка, колосники’ Šw 336 (нем. *Rost*) – вл. *róšty*, п. *ruszt*, ч., слц. *rošč*; 59) *rynk* ‘рыночная площадь’ Šw 357 (нем. *Ring* ‘улица, идущая по кругу; площадь (круглой формы); круг’) – вл. *rynk* ‘ряд; очередь; рынок’, п. *rynek* ‘рынок; площадь (рынка)’, ч. (уст.) *ryn(e)k* ‘площадь (в городе)’, слц. (разг.) *nó-nok* ‘площадь (обычно с рынком)’; 60) *ryšar'* ‘рыцарь, герой’ Šw 357 (свн. *rītaere*, нем. *Ritter*) (*ryšarski*) – вл. *rečer*, п. *ryserz*, ч. *ryšč*, слц. *rytier*; 61) *skiba* ‘ломоть (хлеба)’ Šw 367 (дvn. *sciba*) (*skibka*, *skibowas*) – вл., п. *skiba*, ч. *skýva*, слц. *skyva*; 62) *spiža* ‘пиша’ *spižka* ‘шкаф’ Šw 384 (дvn. *spīsa*, нем. *Speise* < слат. *spēsa* < лат. *expensa* (*pecunia*) ‘(денежные) расходы’) – вл. (уст.) *spižka* (*špižka*) ‘шкаф’ (Pf 1114), п. *spižarnia* ‘кладовая’, ч. *spiž(e)* ‘кладовая (для продуктов)’, слц. (разг.) *špaža* ‘то же’; 63) *škoda* ‘вред, убыток, потеря’ Šw 413 (дvn. *scado*) (*škodnik*, *škodniwość*, *škodnosć*, *škožak*, *škožar*, *škodny*, *škožes*, *škožeš*) – вл. ч., слц. *škoda*, п. *sžkoda*; 64) *šlachotny* ‘благородный’ Šw 416 (дvn. *slaht* / свн. *slahte* ‘род, происхождение, племя’ – вл. *šlachotny*, п. *sžlachetny*, ч. *šlechetny*, слц. *šl'achetny*; 65) *šnora* (*šnorka*) Šw 417 (уст.) (свн. *snuor*, нем. *Schnur* ‘шнур, веревка’) (*šnorkaty*, *šnorowaś*) – вл. *šnóra*, п. *sznur*, ч. *šnúra*, слц. *šnúra*; 66) *špica* ‘спица, острие’ Šw 418 (нем. *Spitze*) (*špicny*, *špicowas*) – вл. *stpicā*, п. *sžpic*, ч. *špice*, слц. *špicā*; 67) *špundowas* ‘затыкать, шпунтовать’ Šw 418 (нем. *spunden*, *Spund*, свн. *spunt* < лат. (*ex)punctum, ит. (*s)punto ‘отверстие, пробуравленное в трубе’*) (*špundowanje*) – вл. *špundowac*, п. *sžpunktowac*, *špunktovat*, *špunktovat*’;*

68) šrot ‘мука грубого помола; дробь’ Šw 418 (нем. *Schrot* ‘мука грубого помола; дробь’ (*šrotowaś*) – вл. *šrot* ‘мука грубого помола; дробь’, п. *šrot* ‘дробь’, ч., слц., *šrot* ‘дробленое зерно; металлические опилки, лом’; 69) šrubā ‘винт’ Šw 418 (свн. *schrübe*, нем. *Schraube*) (*šrubnica*, *šrubowaś*) – вл. *šrub*, п. *šrubā*, слц. *šraubā*, *šraub*; 70) šum ‘пена’ Šw 419 (свн. *schüm*) (*šumiś se*, *šumowaś se*) – вл. (уст.) *šum* (Pf 732), *šumidło* ‘шипучий порошок (содовый)’, п. *szumowina* ‘пена, накипь’, ч. (разг.) *šum*, слц. (разг.) *šum*, *sumat* 71) šyk ‘ловкость, сноровка’ Šw 422 (нем. (15 в.) *schick* ‘состояние, устройство, порядок’) (*šykownosć*, *šykowny*, *šykowany*, *šykowaś se*) – вл. *šik* ‘ловкость’, п. *szyk* ‘порядок, строй’, ч. (уст.) *šik* ‘строй, ряд’, слц. *šik* ‘то же’; 72) waga ‘весы; вес’ Šw 444 (дvn. *waga* ‘весы; гиря’) (*waženie*, *wažnosć*, *wažny*, *wažyś*) – вл. *waha*, п. *waga*, ч., слц. *váha*; 73) walca ‘валок, цилиндр’ Šw 444 (нем. *Walze*) (*walcowaś*) – вл. *walca*, п. *walec*, ч., слц. *válec*; 74) wandrowaś ‘путешествовать’ Šw 445 (уст.), Šw D 321 (норм.) (свн., нем. *wandern*) (*wandrowanie*, *wandrāt*) – вл. *wandrak* ‘путешественник, путник’, *wędrować* ‘путешествовать’, ч. *vandrovat*, слц. *vandrovat*; 75) žortowaś ‘шутить’ Šw 620 (свн. *särten* ‘обманывать, надувать’) (*žot*, *žortny*) – вл. *žortowaś*, п. *žartowaś*, ч. *žertovat*, слц. *žartovat*; 76) žēk ‘благодарность’ (свн. *dank* (мн.ч. *denke*)) (*žēkowanje*, *žēkownosć*, *žēkowny*, *žēkowaś se*) – вл. *džak*, п. *džeki* (мн.ч.) ч. *dík*, слц. *džaka*.

Таким образом данная группа германизмов включает 76 корневых слов, не считая производных.

Другая группа германизмов в нижнелужицком литературном языке имеет соответствия в трех славянских языках и подразделяется на следующие подгруппы: германизмы с соответствиями 1) верхнелужицком, польском и чешском языках; 2) верхнелужицком, польском и словацком; 3) верхнелужицком, чешском и словацком; 4) польском, чешском и словацком. Рассмотрим каждую из названных подгрупп.

I. Нижнелужицкие германизмы с соответствиями в верхнелужицком, польском и чешском языках: 1) bawā ‘цвет, краска’ Šw 13 (свн. *varwe* (*barwicka*, *barwiwina*, *barwojty*, *barwowaty*, *bawis*) – вл. *bawba*, п. *bawā*, ч. *bawva*; 2) cygel Šw 36 ‘кирпич’, нем. *Ziegel*, дvn. *ziagala* < лат. *tēgula* ‘кирпич, черепица’ (*cyglownja*, *cyglany*) – вл. *cyhel*, п. *cęgta*, ч. *cihla*; 3) flejta Šw 65 (нем. *Flöte* < сфр. *fleute*) – вл. *fleta*, п.

flet, ч. *flétna*; 4) *grobä* ‘граф’ Šw 82 (ср.-нем. *gräbe*, дvn. *grävo*, нем. *Graf* (*grobina*, *grobowka*) – вл. *hrabja*, п. *hrabia*, ч. *hrabë*; 5) *luft* ‘воздух’ Šw D 177 (нем. *Luft*) – вл. (уст.) *lóft* ‘воздух’ (Pf 343), п. *luft* ‘дымовая тяга; дымоход’, ч. (разг.) *luft* ‘воздух’; 6) *nađra* ‘обезьяна’ Šw 177 (нем. (ст.) *Maulaffe*, где *Affe* заимствованного (славянского или кельтского) происхождения) (*nađka*, *nađrjescu*) – вл. (уст.) *nađra*, *nađra* (Pf 358), п. *nađra*, ч. (уст.) *malpä*; 7) *reja* ‘танец; хоровод’ Šw 329 (свн., син. *rei(e)* ‘хоровод’ < срп. *raie* ‘танец’) (*rejka*, *rejowar*, *rejowarka*, *rejowatja*, *rejowas*) – вл. *reja*, п. *rej(wodzic)* (уст.) ‘быть распорядителем танцев; (перен.) верховодить’, ч. *rej* ‘хоровод’.

II. Нижнелужицкие германизмы с соответствиями в верхнелужицком, польском и словацком языках: 1) *grës* (*gris*) ‘манная крупа’ Šw 80 (нем. *Grüss* ‘манная’, дvn. *gnioz* ‘песок; гравий’) – вл. *gris*, п. *grys* (*grysik*) слц. *grísa* (*gríška*); 2) *murja* ‘(каменная, кирпичная) стена’ Šw 166 (свн., син. *müre* < лат. *murus*) (*murka*, *murja*, *murjowaś*) – вл. *murja*, п. *mur*, слц. *mür*; 3) *rampug* ‘пончик, пампушка, пышка’ Šw 223, *rampuch* Šw D 201 (нем. *Pfannkuchen*) – вл. *rampuch*, п. (обл.) *rampuch*, слц. (обл.) *rampúch*; 4) (*psí*)*rachnowaś* ‘зачислить’ Šw 314 (уст.), Šw D 17 (норм.) (нем. *rechnen*) – вл. (уст.) *rachnować* (Pf 578) ‘считать’, п. *rachowaś*, слц. (нар.-разг., уст.) *rachníok* ‘счет’; 5) *ryna* (*rynska*) ‘желоб, канавка’ Šw 357 (нем. *Rinne*) – вл. *ryna*, п. *rynnä*, слц. (разг.) *riňa*, *nína*; 6) *šmałc* ‘топленое сало, смалец’ Šw 416 (нем. *Schmalz* от *schmelzen* ‘топить’) – вл. *šmałc*, п. *smalec* (*szmalec*), слц. (разг.) *šmalec* ‘сало’; 7) *tosla* ‘доска; таблица’ Šw 432 (свн. *tavel(e)* < ром. **tavola* < лат. *tabula*) (*toslicka*, *tosflany*) вл., п. *taſla*, слц. (нар.-разг. уст.) *taſla*, *táſel'*; 8) *torm* ‘башня’ Šw 433 (нем. *Turm* < лат. *turris* (вин. п. *turrem*) (*tormař*, *tormowy*) – вл. (уст.) *tórm* ‘башня’ (Pf 744), п. (уст.) *tuma* ‘тюрьма’, слц. (нар.-разг.) *tumá* ‘башня’; 9) *wajchtař* ‘сторож’ Šw 444 (уст.), Šw D 319 (норм.) (нем. *Wächter*) – вл. (разг.) *wajchtar* ‘сторож’, п. (уст.) *wachtować* ‘нести вахту’, слц. (нар.-разг., уст.) *vachtár* ‘(ночной) сторож’.

III. Нижнелужицкие германизмы с соответствиями в верхнелужицком, чешском и словацком языках: 1) *fidle* (мн.ч.) ‘скрипка’ Šw 65 (свн. *videl(e)* (нем. *Fiedel*) < нар.-лат. *vītula* ‘струнный инструмент’) (*fidlowaś*) – вл. *fidle* (мн.ч.), ч. *fidlovat* ‘пиликать (на скрип-

ке', слц. *fidlik(ov)at* 'то же'; 2) *futer* 'корм' Šw 66 (уст.) (нем. *Futter*) (*futrowanje*) – вл. (уст.) *futr* (Pf 191), ч., слц. (разг.) *futro*; 3) *kašć* 'ящик, сундук; гроб' Šw 106 (свн. *kaste*, нем. *Kasten*) (*kašćik*) – вл. *kašć* 'ящик, сундук; гроб', ч. (разг.) *kastlik* 'почтовый ящик', слц. (разг.) *kasňa* 'сундук'; 4) *klampnāč* 'жестянщик' Šw 110 (нем. *Klempner*, (диал. вост.) *klampner* – от *klempern* 'отбивать жесть') – вл. *klampnar*, ч. *klempnīč*; слц. *klampiar*; 5) *kukaš* 'смотреть, глядеть' Šw 129 (нем. *kucken*, *gucken*) – вл. *kukač*, ч. *koukat*, слц. (разг.) *kukat*; 6) *šumjel* 'белая (сивая) лошадь' Šw 420 (нем. *Schimmel*) – вл. *šumjel*, ч. (прост., уст.) *šiml*, слц. (разг.) *šimel*; 7) *synžel* 'шепа, гонт, кровельная дрань' Šw 422 (нем. *Schindel* < слат. *scindula*) – вл. *šindžel*, ч. (уст.) *šindel*, слц. *šindel'*; 8) *tejza* (*tejzka*) 'банка, коробка' Šw 429 (нем. *Dose* < гр.-лат.: *dosis* 'дар') – вл. *tyza*, ч. *dóza*, слц. (разг.) *dóza*.

IV. Нижнелужицкие германизмы с соответствиями в польском, чешском и словацком языках: 1) *fryja* 'сватанье' (*fryjač* 'жених') Šw 65–66 (днн. (десак.) *fn̄* 'жена', син. *vn̄ep* 'жениться' нем. *freien* 'жениться, свататься') (*fryjica*, *fryjnik*, *fryjowas*) – п. ((разг.) *frajer* 'простак, простофия', ч., слц. (разг.) *fraier* 'ухажер'; 2) *hupa* 'толпа (людей); сброд' Šw 87, *hира* 'то же' Šw D 39 (син. *hūre*, свн. *hūfe*) – п. (уст.) *huf* 'рать', *hufiec* 'отряд, полк', ч. *houf* 'толпа, гурьба', слц. *húf* 'то же'; 3) *lejstva* 'планка; рейка; плинтус' Šw 139 (свн. *līste*) – п. *lisťva* 'кайма, планка', ч., слц. *lisťta*; 4) *mejstar* 'мастер' Šw 152 (нем. *Meister*, свн. *meistar* < лат. *magister*) – п. *majster*, ч. (разг.) *majstr*, слц. *majster*; 5) *plundrowaš* 'грабить' Šw D 204 (свн. *plundern*, нем. *plündern*) – п. *plądrowač*, ч. *plundrovat* 'уничтожать (хищнически)', слц. (разг.) *pl'undrovat'*; 6) *šenka* 'кабак, трактир' Šw 412 (уст.) (нем. *Schenke*) (*šenkaf*, *šenkarka*) – п. *sýnk*, ч. (уст.) *šenkoma*, слц. (разг.) *šenk*; 7) *šwar* 'шурин, свояк' Šw 420 (свн., син. *swäger*, нем. *Schwäger*) – п. *szwagier*, ч. *švagr*, слц. *švagor*; 8) (*wot-*)*wardowaš* 'ухаживать (за больным)' Šw 510 (син. *warden*, св., нем. *warten* 'ходить, ухаживать (за кем-л.); ждать') (*wotwardowanje*, *wotwardowar*) – п. (разг.) *wartowač* 'караулить', ч. (уст.) *varta* 'караул', слц. (нар.-разг. уст.) *varta* 'то же'.

Следующую группу немецких заимствований представляют германизмы, имеющие соответствия в двух западнославянских языках.

Среди них выделяются следующие подгруппы: германизмы, имеющие соответствия в 1) верхнелужицком и польском языках; 2) верхнелужицком и чешском; 3) польском и чешском; 4) польском и словацком; 5) чешском и словацком.

Заимствования с соответствиями в верхнелужицком и польском языках: 1) bo-got ‘фогт; управляющий смотритель’ Šw 19 (свн. *vog(e)*, дvn. *fogač*, син. *voget*, *volt* < лат. *vicarius* ‘призванный (приглашенный на работу)’ (*bo-gotsztaw*) – вл. *bohot* ‘то же’, п. (ист.) *wojt* ‘войт (сельский староста)’; 2) bram ‘меховая оторочка’ Šw 22 (рнвн. *brame*, *bräme*) (*bramaty*) – вл. *brama* ‘то же’, п. *bramować* ‘окаймлять’; 3) bur ‘крестьянин’ Šw D 41 (свн. *bū-węzre/gebütre*) (*burowka*, *burstwo*, *burski*) – вл. *bur*, п. *gbur* ‘грубиян; (уст., обл.) зажиточный крестьянин, хозяин’; 4) gmejna ‘гмина (адм.-терр. единица)’ Šw 73 (нем. (ст.) *Gemeine*, совр. *Gemeinde* (*gmejniski*) – вл. *gmejna*, п. *gmina*; 5) knebel ‘кляп; палка’ Šw 112 (нем. *Knebel*) (*kneblowaś*) – вл. *knebl*, п. *knebel*; 6) loda ‘ларь; сундук’ Šw 144 (нем. *Lade*) – *lódka* ‘то же’, п. *lada* ‘прилавок’; 7) punt ‘фунт’ Šw 323 (снн. *pund*, нем. *Pfund*) (*puntak*) – вл. *punt*, п. *funt*; 8) rum ‘пространство; комната; место’ Šw 356 (дvn., днн. *rum*) (*njerum*, *rūmny*, *rumowaś*) – вл. *rum* ‘то же’, п. *rum* ‘свободное место’; 9) šmaras ‘мазать; небрежно писать; царапать; (перен.) пьянствовать’ Šw 416–417 (снн. *smieren*) (*šmarack*) – вл. (уст.) *šmarac*, *šmarować* (Pf 721), п. *smarować*; 10) špoda ‘заступ, лопата’ Šw 418 (снн. *spade*, свн. (поздн.) *spat(e)*, нем. *Spaten*) (*špožišćo*) – вл. *špoda*, п. *szapadel*; 11) ſtrus (*strus*) ‘страва’ Šw 418 (дvn. *ſtruz* < лат. *ſtrūthio*) – вл. *ſtrus*, п. *ſtrus*; 12) ſtryk ‘веревка, канат’ Šw 419 (уст.), Šw D (норм.) (нем. *Strick*; дvn., свн. *ſtrick*) (*ſtrykowaś*) – вл. *ſtryk* ‘то же’, п. *ſtryczek* ‘веревка с петлей, петля’; 13) ſtuka ‘кусок; шутка’ Šw 419 (уст.), ſtucka ‘народная песня, песенка’ Šw 419 (снн. *ſtücke*, дvn., днн. *ſtucki* (нем. *Stück*) – вл. *ſtučka* ‘stroфа; тур (в танце)’, п. *ſztuka* ‘искусство; пьеса; шутка, кусок’; 14) ſtormować ‘бушевать (о ветре)’ Šw D 261 (нем. *Sturm*, дvn. *ſturm*, днн. *ſtorm* ‘буря’) – вл. (уст.) *ſtormować* ‘бушевать’ (Pf 727), п. *ſztorom* ‘штурм’ *ſzturmować* ‘брать штурмом’; 15) ſirowaś ‘тереть, мыть’ Šw 420 (снн. *ſchüren* < сфр. *escurer* ‘чистить, убирать’ лат. *ex-cūrāre* ‘заботиться (о чем-л.)’ (*ſirownaſje*, *ſirować*) – вл. *ſurać* (*ſirować*), п. *ſzorować*; 16) ſyna ‘рельс; шина (лубок)’ Šw 422 (нем. *Schiene*) – вл. *ſeña*, п. *ſsyna*;

17) tuta ‘кулек’ Šw 440–441 (нем. *Tute, Tüte*) (*tutawa, tutawka*) – вл. *titā*, п. *tutka*; 18) zeger ‘часы’ Šw 592 (снн. *seiger* ‘(башенные часы)’ (*zegerik, zegerar*) – вл. (уст.) *zeger* (Pf 1007), п. *zegar*; 19) zupa ‘суп’ Šw 612 (уст.) Šw D 262 (норм.) (нем. *Suppe* < фр. *soupe*) (*zupnitosć, zupnity*) – вл. *zópa* (Mitaš 129), п. *zupa*.
 Заимствования с соответствиями в верхнелужицком и чешском языках: 1) bryla ‘очки’ Šw 24 (нем. *Brille*, свн. (поздн.) *b(e)rille* ‘то же’ < гр.-лат. *beryllus* ‘берилл (стекла первых очков изготавливались из берилла)’³) – вл. *bryla*, ч. *brýle* (мн.); 2) jerjeg (диал. *herjeg*) ‘сельдь, селёдка’ Šw 99 (нем. (диал.-силез.) *hierek*, нем. (лит.) *Hering*) – вл. *jerij* ‘то же’, ч. (разг.) *herinek* ‘селедка’; 3) jupka ‘кофта’ (свн. *juppe*, нем. *Joppe* < араб. *džubba* ‘верхняя одежда с длинными рукавами’⁴) – вл. *jupka* ‘то же’, ч. *jupka* ‘распашонка’; 4) nudle (мн.) ‘лапша, вермишель’ Šw 218 (нем. *Nudeln* (мн.ч.)) – вл. *nudle* ч. *nudle*; 5) rjek ‘богатырь’ Šw 333 (нем. *Recke*, свн. *recke*) (*rjekojski*) – вл. *rjek* ‘то же’, ч. (кн.) *rek* ‘герой’; 6) šylawis ‘косить (глазами)’ Šw 422 (свн. *schilhen*, нем. *schielen*) (*šylawjenje, šylawak, šylawy, šylawje*) – вл. *šelhać*, ч. *šilhat*.

Заимствования с соответствиями впольском и чешском языках: 1) knyp ‘лезвие ножа, серп’ Šw 114 (снн. *knip*, нем. *Kneif, Kneip*) (*knypyrtko*) – п. *knyp* ‘сапожный нож’, ч. *knejp* ‘то же’; 2) winšowas ‘желать (кому-л. чего-л.)’ Šw D 336 (снн., свн., нем. *wünschen*) (*winšowanje*) – п. *winszować* ‘поздравлять’, ч. (разг., уст.) *vinšovat* ‘желать (кому-л. чего-л.)’.

Заимствования с соответствиями впольском и словацком языках: 1) jagař ‘охотник; егерь, лесничий’ Šw 97 (уст.), Šw D (норм.) (нем. *Jäger*, свн. *jegier(e)*) – п. (ист.) *jegier* ‘егерь’, слц. (нар.-разг.) *jáger* ‘охотник; егерь’.

Заимствования с соответствиями в чешском и словацком языках: 1) mandyle (мн.ч.) ‘крестец (15 сложенных снопов)’⁵ Šw 149 (нем. *Mandel*) – ч. *mandel* ‘мандель (старинная единица счета = 15 штукам); крестец (снопов)’, слц. *mandel*⁶ ‘то же’; 2) partaja ‘партия’ Šw D 199 (нем. *Partei*, свн. *partie* < слат. *partita* ‘отделение’) – ч. (разг.) *partaj* ‘политическая партия’, слц. (разг.) *partaj* ‘то же’; 3) šlugaš ‘пьяниствовать, кутить’ Šw 416 (нем. *schlucken* ‘глотать’,

Schlucken ‘икота’) (*ſluganje, ſlugař, ſluγanč*) – ч. (разг.) *ſlukat* ‘икать’, *ſlukovat* ‘затягиваться (при курении)’, слц. (разг.) *ſl'uknút' si* (*ſl'uhnuť si*) ‘выпить, напиться’.

Особенно многочисленна группа нижнелужицких лексических германизмов, которая имеет соответствия только в одном из западнославянских языков – в польском, чешском, словацком или верхнелужицком. Нижнелужицкие слова немецкого происхождения с польскими соответствиями: 1) *bałka* ‘балка’ Šw 12 (свн., син. *balke*, нем. *Balken*) – п. *belka*; 2) *blejcha* ‘белильня’ Šw 18 (нем. *Bleiche*) – п. *blich*, (уст.) *blech*; 3) *briwař* ‘пивовар’ Šw D 66 (нем. *Brauer, brauen* ‘варить пиво’, свн. *briwep* ‘то же’) – п. *browarnik*, (уст.) *browarz*; 4) *dam* ‘плотина, запруда’ Šw D 70 (нем. *Damm*, свн. *tam(m)*) – п. *tam a*; 5) *de-la* ‘доска’ Šw 41 (нн. *del(e)*, син. *dele*) (*delka, delany, delkany*) – п. *dyl* ‘балка, брус; толстая доска’; 6) *hepka* ‘крючок, застежка’ Šw 87 (свн. *heste* ‘рукоятка ножа’) – п. *hastka* ‘застежка; (уст.) пряжка’; 7) *klejze* ‘картофельные клецки’ Šw 110 (нем. *Klössle*, диал. (вост.-ср.-нем.) *klēse*) – п. *kluski*; 8) *knecht* ‘батрак’ Šw 112 (нем. *Knecht*) – п. (уст.) *knecht* ‘пеший воин’; 9) *kruž* ‘кувшин, чаша, кубок’ Šw 124 (свн. *krušs*) (*kružk, kružany*) – п. (уст., поэт.) *kruža* ‘чара, кубок’; 10) *njerka* ‘почка’ Šw 206 (свн. *nēre*, нем. *Niere*) – п. *nerka*; 11) *pal* (*palik*) ‘кол’ Šw 222 (син. *pāl* (нем. *Pfahl*) < лат. *pālus*) – п. *pal*; 12) *papa* ‘картон’ Šw 223 (нем. *Papp e*) – п. *papa* ‘толь’; 13) *pejtsa* ‘хлыст, плетка, плеть’ Šw D 200 (нем. *Peitsche*, свн. (поздн.) *pītsche* < *слав. **bičъ*) – п. *rejez*; 14) *ruš* ‘шум; бушеванье; ликованье’ Šw 356 (нем. *Rausch* ‘опьянение’, свн. *rūšchen* ‘шуметь’) (*rušk, rušowatje, rušny, rušowny, rušowas*) – п. *rausz* ‘опьянение’; 15) *stal* (м.р.) ‘сталь’ Šw 393 (уст.), Šw D 251 (норм.) (син. *stäl*) – п. *stal* (ж.р.); 16) *ſlamowity* ‘илистый, тинистый’ Šw 416 (нем. *Schlamm* ‘ил; тина’) – п. *ſzlam*; 17) *ſtyr* ‘руль’ Šw 419, *ſturowas* ‘править’ Šw 419 (пнем. *Stüer*, свн. (поздн.) *stiur* ‘руль’, ннем. *stiuren*, свн., дvn. *stiuren* ‘править’) – п. *ster* ‘руль’, *sterować* ‘править’.

Нижнелужицкие заимствования с чешскими соответствиями: 1) *cop* (*copík*) ‘коса (заплетенные волосы)’ Šw 34 (нем. *Zopf*, свн., дvn. *zopf*) – ч. *cop*; 2) *kafej* ‘кофе’ Šw 103 (нем. *Kaffee* < тур. *kahve* (диал. *kafe*) < араб. *qahwa* ‘вино’; (позже) ‘кофе’) – ч. (разг.) *kafe*. Нижнелужицкие германизмы со словацкими соответствиями: 1) *ſoit*

‘управляющий’ Šw 65 (снн. *voit*, снн. *vo(g)e(t)*) < лат. *vocatus* ‘приванный’ – слц. (уст.) *sojt* ‘сельский староста’.

Оба серболужицких литературных языка обладают большим числом немецких заимствований, которые неизвестны в других западнославянских литературных языках. К ним относятся следующие германализмы:

- 1) amt ‘должность; учреждение, ведомство’ Šw 10 (нем. *Amt* < лат. (< галл.) *ambactus* ‘слуга’) – вл. (уст.) *hamt* (Троф.); 2) běrtyl ‘четверть (мера)’ Šw 15 (снн. *vierTEL*) (*běrtylikowaś*) – вл. *be(r)tl*, *bě(r)tlk*; 3) butra ‘масло’ Šw 26 (нем. *Butter*, днн. *butera* < нар.-лат. *butūra* ‘масло’, гр. *βούτορον* ‘творог (из коровьего молока)’) (*butrouy*) – вл. *butra*; 4) byrgarstwo ‘буржуазия’ Šw 26 (*bergarski* ‘мещанский, бургерский’ Sw D 68) (нем. *Bürger*) (*byrgarski*) – вл. *byrgar* ‘мещанин; буржуй’; 5) cwjem ‘нитки’ Šw 36 (нвн., снн. *zwim*, диал. (в.-сакс.) *zuärn*) – вл. *cwjem*; 6) derbjes ‘быть должным, быть вынужденным’ Šw 41 (нем. *dürfen*, снн. *durzen* ‘сметь’) – вл. *dyrbjeć*; 7) filnik ‘напильник’ Šw 65 (снн. *vile*, нем. *Feile*) (*filiś*) – вл. *fila*; 8) gasa (*gaska*) ‘улица’ Šw 67 (нем. *Gasse* ‘переулок; (обл.) улица’) – вл. *hasa*; 9) gnada ‘милость, пощада’ Šw 73 (нем. *Gnade*) (*njegnada*, (*nje*)*gnadny*, *wobgnážis*) – вл. *hnada*; 10) gramota ‘ненависть, злоба’ Šw 80 (нем. *Gram* ‘скорбь, горе, грусть’ (*gramnosć*, *gramotność*, *wogramnosć*, *gramotny*, *gramjeś*, *wgramowaś*, *wogramjeś*) – вл. *hramić* ‘быть обиженным (на кого-л.)’; 11) hela ‘ад; уголок за печкой’ Šw 87 (снн. *helle*, нем. *Hölle* ‘ад; (ст.) уголок за печкой’) (*helski*) – вл. *hela*; 12) jaka ‘куртка; кофта; жакет’ Šw 98 (нем. *Jacke* ‘то же’ < фр. *jaque* (*de mailles*) ‘кольчуга’ < араб. *šakk* ‘то же’) – вл. *jaka*; 13) kalk ‘известъ’ Šw 104 (нем. *Kalk* < лат. *calx* (вин. п. ед.ч. *calcem*)) – вл. *kalk*; 14) kamjel ‘верблюд’ Šw 104, *kamel* Šw D 156 (нем. *Kamel* < лат. *camelus* < гр. *κάμηλος* < араб. (ст.) *gamal*) – вл. *kamel*; 15) kamikel ‘кролик’ Šw 105 (нем. (обл.) *Karnickel* < лат. *cuniculus*) – вл. *karnikl*; 16) kejžor ‘император; кайзер’ Šw 107 (нем. *Kaiser*, днн. *keisar* < лат. *Caesar* ‘Цезарь; (позже) кесарь (титул римского императора)’ – вл. *kejžor*; 17) kjabel ‘жребий’ Šw 108 (нем. *Kabel* ‘доля, жребий’) (*kjablowaś*) – вл. *kebel* ‘жребий; часть поля’; 18) kjagel ‘кегля’ Šw 108 (нем. *Kegel*) (*kjagelnisčo*, *kjaglamja*) – вл. *kehel*; 19) kjarchob ‘кладбище’ Šw 109 (нем. (диал., вост.-ср.-нем.) *kerchhof*, нем. *Kir-*

chhof) – вл. *kērchow*; 20) *klinka* ‘дверная ручка’ Šw 111 (нем. *Klinke*) – вл. *klinka*; 21) *kobōl̄t* ‘домовой, гном, кобольд’ Šw 114 (нем. *Kobold*) – вл. *kubōl̄t*; 22) *korb* ‘корзина’ Šw 119 (нем. *Korb*) – вл. *korb*; 23) *kružlowaty* ‘кудрявый’ Šw 124 (свн., син. *krūs*, нем. *kraus*) – вл. *kruža* ‘локон’, *kružawę* ‘кудрявый’; 24) *kupor* ‘медь’ (свн. *kupfer*, дvn. *kupfar*, син. *kopfer* < лат. *cyprum* < (aes) *cyprium* < гр. κύπριον) (*kuporat*, *kupomik*, *kuporoumja*, *kupranty*, *kuprowy*) – вл. *kopor*, уст. *khopr* (Pf 1082); 25) *lapa* ‘тряпка, головной платок (в нац. одежде женщин)’ Šw 137–138 (свн. *lappe*, дvn. *lappa* ‘свисающая часть материи’, нем. *Lappen* ‘тряпка’) (*lapka*, *lapaty*) – вл. *lapa* ‘головной платок; тряпка’; 26) *lidérka* ‘безалаберный, неаккуратный человек; неряха’ Šw 142 (син. *lüder*) – вл. *lidora*; 27) *lušť* ‘желание, охота; удовольствие’ Šw 146 (свн. *lust*, нем. *Lust*) – вл. *lušť*; 28) *lutny* ‘сплошной, чистый (о металле)’ (*lutny* ‘то же; один только’) Šw 146 (свн. *lütter*, нем. *lauter*) – вл. *lutny*; 29) *mroka* ‘граница; марка (пограничная область)’ Šw 164 (дvn. *marka*) *mročník*, *mrokočas*) – вл. *mroka*; 30) *mula* (*mulka*) ‘морда’ Šw 166 (свн. *mūl(e)*, дvn. *mūla*, нем. *Maul*) – вл. *mula*; 31) *nalchen* (*nalchenk*) ‘гвоздика’ Šw 177 (рнвн. *nelichen*, син. *neilike(n)* < *negelkīn* (-ken), нем. *Nelke*) – вл. *nalika*; 32) *narski* ‘глупый, дурацкий; любопытный’ Šw 185 (нем. *Narr* ‘дурак’, дvn. *narro* < плат. *nario* ‘насмешник’) (*naris* ‘дурачить’) – вл. *norić* ‘дурачить’; 33) *por* ‘череп; миска; чашка’ Šw 217 (нем. *Narf*, дvn. (*h)narf*) (*pork*, *porack*, *porakca*) – вл. *por*; 34) *pyks* ‘водяной’ Šw 220 (нем. *Nix*,ср.-нем. *nickes*, дvn. *nihhus*) – вл. *pykus*; 35) *prjatkarf* ‘проповедник’ Šw 271 (нем. *Prediger* от *predigen*, дvn. *predi(g)ōn* ‘проповедывать’ < слат. *praedicāre*) (*prjatkarnja*, *prjatkovānje*, *prjatkovas*) – вл. *prědař*; 35) *pulbef* ‘порох’ Šw 323 (нем. *Pulver* ‘порох; порошок’, свн. *pulver* ‘порох; пыль; пепел; песок’ слат. *pulver*<лат. *pulvis* (род.п. *pulveris*) – вл. *pulwēr*; 37) *pupa* ‘кукла; крестец (15 сложенных снопов)’ Šw 324 (нем. *Puppe*<лат. *pūpa* ‘девочка; кукла’) – вл. *pupa*; 38) *rajs* ‘риц’ Šw 327 (нем. *Reis*, свн. *r̄s* < сфр. *ris* < гр. ὥριζον < динд. *vr̄ih̄*) – вл. *rajs*; 39) *ropiš* ‘собирать в складки, приссировать (ткань)’ Šw D 208 (син. *rafen*, нем. *raffen*) – вл. *ropić*; 40) *nubis* ‘ограбить, похитить; отнять, отобрать’ (днн. *rōbōn*, дvn. *roubon*, – нем. *rauben*) (*nubnuš*, *nubjowaś*, *nubjenje*, *nubjažnik*, *nubjažništvo*, *nubjažny*) – вл. *nubić*; 41) *ryndki* ‘кольца (гимнастический снаряд)’ (нем. *Ring*, мн.ч.

Ringe), двн. (*h*)*ring*, *runka* ‘обруч, кольцо; позорный столб; (спорт.) кольца (мн.ч.)⁹ – вл. *ryngi* 42) *slipa* ‘петля; веревка’ Šw 375 (ин. *sleuf*, син. *slīpen* ‘тянуть (затягивать)⁹’) – вл. *slipa* ‘узкий лоскут, обрывок⁹; 43) *stepa* ‘степь’ Šw 396, *štepa* ‘то же’ Šw D 255 (нем. *Steppe* (с XVIII в.) < р. *степь*) – вл. *stepa*; 44) *šlewjer* ‘вуаль, покрывало’ Šw 416 (свн. *sleiер*, син. *sloi(g)er*, нем. *Schleier*) – вл. *šlewjer*; 45) *šmara* ‘шрам, рубец; резаная рана; порез, царапина’ Šw 416 (нем. *Schmarre*, син. *smarte*, связанное со *schmielen* ‘мазать’) – вл. *šmara*; 46) *šmiga* ‘складной метр’ Šw 417 (нем. *Schmiege* (свн. *smiuge*) к *schmiegen* ‘прижиматься⁹’) – вл. *šmiga*; 47) *šnapaš* ‘хватать, цапать’ Šw 417 (нем. *schnappen*) (*šnapas*) – вл. *šnapač*; 48) *šot-ta* ‘сельский староста’ Šw 417 (нем. *Schulte* (*šotstwo*) – вл. *šotta*; 49) *šorca* ‘передник’ Šw 417 (нем. *Schurze*, свн. *schurz* ‘передник’, двн. *scurz*) – вл. *šorc* ‘длинная суконная юбка’; 50) *štandlica* ‘маслобойка; кадка для масла’ (диал. *štanda* ‘то же’) (нем. (диал.) *Stande* ‘бочка, кадка’) – вл. *štanda* ‘кадка’; 51) *šula* ‘школа’ Šw 419 (нем. *Schule*, двн. *scuola* < нар.-лат. *scōla*, лат. *schola* < гр. σχολή (*šulaf*, *šulstwo*, *šulski*, *šularski*, *šulowany*, *šulowaš*) – вл. *šula*; 52) *šwabel* ‘сера’ Šw 420 (уст.), Šw D 238 (норм.) (свн. *swēbel*, нем. *Schwebel*) (*šwablowina*, *šwablowaty*) – вл. *šwabl*; 53) *šyla* ‘порог; шпала’ Šw 422 (снн. *sülfle*), нем. *Schwelle*) – вл. *šila* ‘лежак; порог’; 54) *ta-mas* ‘портить, уничтожать, вредить, разорять; осуждать, обрекать; проклинать’ Šw 428 (нем. *ver-dammen* ‘обрекать, приговаривать; проклинать’, двн. *fir-damnon* < лат. *damnāre* ‘осуждать, приговаривать⁹’) (*tamanje*, *tamar*) – вл. *tamač* ‘осуждать; обрекать; проклинать’; 55) *šinta* (*tintwa*) ‘чернила’ Šw 430 (нем. *Tinte*, двн. *tincta* < слат. *tincta* (*aqua*) ‘окрашенная (жидкость, вода)⁹’). (*tintnik*) – вл. *šinta*; 56) *toris* ‘одурачивать, обманывать; дразнить’ Šw 433 (нем. *be-tören* от *Tor* ‘глупец, безумец’ (*wobtoris*, *torjenje*, *torjak*, *wobtora*) – вл. *toťomy* ‘безрассудный, глупый; сумасшедший, бешеный’; 57) *toruž* ‘сторожка (у ворот)⁹ Šw 433 (свн., двн. **torhūs*, нем. *Torhaus*) – вл. *toťož*; 58) *trošt* ‘утешение’ Šw 435 (дvn., свн., син. *tröst*, нем. *Trost*) (*trošt-star*, *troštowanje*, *troštny*, *trošlowas*) – вл. *trošt*; 59) *truta* ‘индейка, индюшка’ Šw 435 (нем. *Truthahn* ‘индюк’, *Truthenne* ‘индейка⁹’) – вл. *truta*; 60) *tsodla* ‘кисть (как украшение)⁹ Šw 436 (нем. *Troddel*) (*tsodlaty*) – вл. *trodl*; 61) *tyšar* ‘столяр’ Šw 443 (нем. (диал.) *Tischer*,

(лит.). *Tischler*) (*tyšamja*) – вл. *tišer*; 62) *warnošas* ‘предупреждать, предостерегать’ Šw 445 (нем. *warnen*) (*warnowanje*) – вл. *warnošas*; 63) *wjelba* ‘свод; подвал’ Šw 455 (нем. *Ce-wölbe* ‘свод; подвал; склеп’) от *wölbēn* ‘выводить свод’ (*wjelbowanje*, *wjelbowany*, *wjelbowas*) – вл. *wjelb* ‘свод; кладовая (для провизии)²; 64) *worop* ‘герб’ Šw 487 (снн. *wārep*/свн. *wārep* < снидер. *wārep*) – вл. *worop*; 65) *woruch* ‘ладан; фимиам’ Šw 490 (свн. *wāchrouch*, нем. *Weihrauch*) – вл. *woruch*; 66) *žatba* ‘мазь’ Šw 618 (свн. *salbe*) – вл. *žatba*; 67) *žonop* ‘горчица’ Šw 620 (свн. *sēn(e)f*, двн. *sē nef*, днн. *senap* < лат. *sinapī* < гр. *σίναπις* (*žonopowy*) – вл. *žonop*; 68) *žyže* ‘шелк’ Šw 623 (свн. *sīde*, двн. *sīda* < слат. *sēta* < *seta* (*Serica*), ‘серская (= китайская) щетина’ (*žyžak*, *žyžarstwo*, *žyžany*) – вл. *žida*.

Таким образом, группа нижнелужицких германизмов, имеющая соответствия в других западнославянских языках (включая верхнелужицкий), насчитывает 159 слов². На данное количество нижнелужицких германизмов приходится 139 польских соответствий, 112 – чешских, 105 – словацких и 125 – верхнелужицких. При этом среди верхнелужицких германизмов учитывались и такие, которые уже не соответствуют норме современного верхнелужицкого литературного языка³ и не отмечаются даже в словаре Пфуля (XIX в.): ср. такие 13 слов как *bjechar*, *drat*, *grunt*, *musać*, *spižka* (*špižka*), *tařpa* (*natřpa*), *lōſt*, *rachnować*, *tōrm*, *futr*, *šmarać*, (*smarować*), *štōrtować*, *zeger*⁴.

По числу соответствий нижнелужицким германизмам верхнелужицкий язык занимает то же место, что и чешский язык. Это, вероятно, частично объясняется и результатом пурристических усилий верхнелужицких писателей.

Рассмотренные нами выше нижнелужицкие германизмы, из которых 159 имеют соответствия в других славянских языках, а 68 – только в верхнелужицком, будут далее анализироваться с точки зрения их происхождения (являются ли они непосредственными заимствованиями из немецкого или древнегерманских языков или заимствованиями из других языков посредством немецкого), а также с точки зрения их грамматической специфики и семантического характера.

В первой группе, которая включает 159 корневых слов немецкого (германского) происхождения, связывающих нижнелужицкий с другими западнославянскими языками (за исключением соответствий, характерных только для этого языка и верхнелужицкого), 115 составляют исконно немецкие по происхождению лексемы; 44 слова заим-

ствованы в верхнелужицком непосредственно из немецкого, но в самом немецком они также являются заимствованиями. К первым (исполнонемецким) относятся следующие лексемы (в алфавитном порядке): *balka, batma, bawka, blach, blejcha, borta, brach, bram, bniščař, bur, cen, cil, col, cop, copaš, cynk, dam, dela, drot, flak, flaska, fora, forman, fryja, futer, gmejna, grēs, groba, gropny, grunt, heblik, hepka, hupa, jagar'jer jeg, kašć, kita, klampnář, klejze, knebel, knecht, kněz, knyp, koklař, kruž, kšamy, kukaš, kula, kumšt, ta-ta, tug, lejstwa, loda, lot, lust, lump, mandlowaš, mandyle, marka, molowáš, moržis, musaš, myto, njerka, nudle, pampug, papa, pjenjeze, plundrowaš, punt, (pši-)rachnowaš, ram, raška, rjek, rora, rošt, rum, ruš, ryna, rynk rysař, skiba, stal, šenka, škoda, Šlachotny, Šlamouity, řslugař, řmatc, řmaraš, řnora, řpica, řpoda, řrot, řuba, řtomoušas, řtryk, řtuka, řtyr, řum, řumjel, řwar, řyk, řylawis, řyna, řuta, waga, waſchtař, walca, wandrowaš, (woł-)wardowaš, wiňšoušař, zeger, Žortouaš, Žek.*

В состав второй группы, включающей 44 корневых слова, входят следующие лексемы:

bamž, bjachář, bogot, bryla, cedlik, cerkuja, cto, cukor, kygel, fajška, fara, fidle, flastař, flejta, fojt, jupka, kachel, kafej, kana, kara, keluch, kjarmuša, kuchnja, kupiš, mejstař, mnich, murja, nařpa, pacht, pal, ranice, partaja, pejtsa, plumpa, reja, spiža, ſpundowaš, ſtrus, ſirowaš, ſynzel, tejza, toſla, torm, ſura.

Среди них абсолютно преобладают слова латинского и греческого происхождения и заимствования из западноевропейских (преимущественно романских) языков. Однако изредка встречаются и обратные заимствования славянского происхождения (типа *rejtsa*), переданные нижнелужицкому немецкому из инославянских языков. Как видно, среди заимствований довольно велика доля лексем, не являющихся германизмами в полном смысле слова. Если принять общее количество рассмотренных выше заимствований за 100%, то 72% приходится на долю исключительно немецких (германских) лексем, остальные 28%, т.е. менее трети, составляют заимствования из немецкого языка различного происхождения.

В грамматическом (морфологическом) отношении рассмотренные германизмы распределяются следующим образом: существительных – 137 (из которых 41, т.е. больше 1/3, представляют собой заимствования из немецкого), глаголов – 19 (с 3 заимствованными, т.е. 1/6 от общего количества), прилагательных – 3 (среди ко-

торых заимствованные основы отсутствуют). Остальные части речи среди нижнелужицких германизмов не встречается, в том числе и служебные, и близкие к ним по функции части речи. Таким образом, основную массу составляют существительные, небольшую часть — глаголы, и совсем незначительную — прилагательные (86%; 12%; 2%).

Достаточно характерно также распределение рассматриваемой заимствованной лексики по семантико-тематическим группам⁵:

1. Местоимения, действительные и служебные слова (0): —.
2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма (2): *cop, njerka*.
3. Названия, связанные с обозначением родства (1): *sie&at*.
4. Природа (10).

а) элементы, формации и явления природы (4): *luft, ruš, štor, mošas, šum*;

б) растительный мир (0): —;

в) животный мир (4): *jerjeg, nařpa, štrus, šumjel* (где в отличие от предыдущих подразделений лексики с исконногерманскими элементами выступают два заимствования в немецком для обозначения экзотических животных — обезьян (*nařpa*) и страуса (*štrus*);

г) минералы и металлы (2): *cen, cynk*;

5. Слова для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы) (6): *copas, kukaš, musaš, šlugaš, šylawiš, něpšošaš*.

6. Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве (3): *cil, col, flak*.

7. Слова, выражающие различные качества, свойства, состояния и возраст (прилагательные) (3): *gropny, šlachotny, šlatowity*;

8. Слова, связанные с материальной жизнью — обозначающие жилище, питание, одежду, утварь, средства передвижения, занятия (орудия, материалы), общественные отношения* (125):

batkä, cygel, dela, kachle, kita, kuchnja, ťata, murja, pal, rafa, rym, rynja, šynzel, rorm, zeger, cukor, grës, kafej, klejze, nudle, ramrig, skiba, spiža, šmatc, zupa; bortajupka; bjachar, flaša, kana, kašć, ke-

* Для простоты обозначения заимствования немецкого языка выделяются в данном случае подчеркиванием.

*luch, kruž, loda, pančeji, ram, tejza; sora, kara; bašma, barwa, blach,
blejcha, bram, bruwar, bryla, cedlik, člo, dam, drot, fajška, fide, flas-
tař, flejta, forman, fryja, futer, grunt, heblik, hepka, jagar, klampnář,
knebel, knyp, koklař, kšamý, kula, kumšt, kupiš, ŭug, lejstva, lot,
mandlowaš, mandyle, marka, molowaš, moržaš, myto, pacht, pejša,
rjenjeze, plumpa, plundrowaš, punt, (pší-)rachnowaš, raška,
reja, rora, rošt, tynk, stal, řenka, řmaraš, řnora, řpicq, řpoda, řpun-
dowaš, šrot, řuba, řtryk, řtuka, řtyr, řitowáš, řyna, toſla, tutq, wa-
ga, waichtař, walca, wandrowaš, (wot-)wardowaš, řortowaš; bogot,
bur, fojt, gmejna, groba, hupa, knecht, kněz, lump, mejstar, partaja,
rjek, tyšař* (т.е. с 37 заимствованиями немецкого языка);

9. Числительные (0): —.

10. Лексика, связанная с духовной жизнью, верованиями: (5): *bamž, cerkuža, fara, kjačtiža, mnich* (все немецкие заимствования связаны с христианской религией и в немецкий язык взяты, в свою очередь, из других языков).

11. Отвлеченные понятия (4): *brach, ſkoda, šyk, ſek* (представляющие собой только германские лексические элементы).

Как показывает анализ данной группы германизмов нижнедудзицкого языка, большую ее часть (125 из 159, т.е. около 79,5%), где на долю заимствований приходится 23%, составляет лексика, связанная с материальной и общественной жизнью общества. Эта область лексики наиболее восприимчива к заимствованиям. На остальные группы приходится всего 34 лексические единицы, т.е. примерно 20,5% заимствований данной части лексических германизмов, которые распределяются следующим образом: местоимения и служебные слова – 0%; части тела – 1%; родство – 0,5%; природа – 6% (где 1% – заимствования в немецком); элементарные действия – 4%; ориентация – 2%; прилагательные – 2%; числительные – 0%; духовная жизнь – 3%; абстрактные понятия – 2%. Следует отметить, что эта лексика в большинстве случаев связана с понятиями христианской религии и названиями экзотических видов животных и поэтому уже в самом немецком языке может быть заимствованной, или с понятиями, стоящими как бы на периферии определенной части лексической системы (относительно мало частотные прилагательные – *gropny* ‘грубый’, *ſlachotny* ‘благородный’, *ſlamowitz* ‘или-

стый'; слово, обозначающее лошадь определенной масти – *šumjel* 'сивая лошадь' и т.п.) К тому же – что особенно характерно для слов, обозначающих более распространенные понятия – часть нижнелужицких германлизмов является только синонимами нижнелужицких слов славянского происхождения,ср. *copas* – *wotstupowas*, Šw 507; *molowaś* 'писать красками, красить' *pisaniś* 'ярко разрисовывать, раскрашивать' Šw 227; *morzis* – *zabijs* Šw 555; *wusmjer-sis* Šw 540, *skoncowas* Šw 369, *znicaś* Šw 609, *potopis* Šw 263; (*pśi*)*rachnowaś* – (*pśi*)*licys* Šw 310; *kukas* – *glēdas* Šw 72; (*wot-hear-dowaś* – *wobstarowaś* Šw 471, *glēdas* Šw 72, *pěstowaś* Šw D 202, *kub-towaś* Šw 128; *šmaraś* – *mazaś* Šw 151; *štormowaś* – *wichoriś se* 'бушевать (о ветре)' Šw 451; *winšowaś* – *požedaś*, *žycyś* Šw D 336; *ſlugaś* – *žrēś* Šw 220; *cop* – *zapletka* Šw 571; *šwar* – *swak* Šw 404; *luſt* – *powětſ* Šw 264; *ruš* – *šum*, *zogol*, *ropot* Šw D 169; *šum* – *jěſe* Šw D 223, *pěna* Šw D 223; *šumjel* 'лошадь белой (сивой) масти' – *bětaſk* Šw 14; *murja* '(каменная, кирпичная) стена' – *sčěna* 'стена (иногда также каменная, кирпичная)' Šw 362; *pal* – *koť* Šw 115; *ry-na* – *žlob(ik)* Šw 620; *fora* – *woz* Šw 513; *dam* – *nadbrjog* Šw 170, *ga-ſenje* Šw 67, *nasyp* Šw 187; *flejta* – *šuikat(k)a* Šw 421; *futer* – *da-wanje* Šw 40; *jagar* – *gońtwar* 'охотник' Šw 76, *golnik* 'лесник, егер' Šw 76; *pacht* – *wotnajmeſe* Šw 502; *ſenka* – *kjarcma* Šw 109, Šw D 224; *burrolnikar* Šw 335; *hupa* – *kopica* Šw 118, *gromada* Šw 82; *knecht* – *wotrošk* Šw 505; *partaja* – *strona* Šw 398; *brach* – *njamāſ(k)* Šw 195; *njedostatk* Šw 198; *šyk* – *wobrotnosć* Šw 469, *godnosc* Šw 74; *grony* – *njekubjelny* Šw 200; *ſlamowity* – *kalny* Šw 104 и т.п.

Следовательно, в целом ряде случаев немецкие (германские) заимствования (хотя их доля меньше, чем в других западнославянских языках), проникая в нижнелужицкий язык, не вытеснили полностью славянские элементы, а вошли в него в качестве их синонимов. Рассматривая данную группу нижнелужицких германлизмов в целом, можно констатировать ее большой удельный вес. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в одном из современных западнославянских языков, включая и верхнелужицкий, нет такого большого числа заимствований из немецкого.

Определенную специфику при специальном рассмотрении обнаруживает и вторая группа лексических германлизмов нижнелужицко-

го языка, которые среди западнославянских языков имеют соответствие только в верхнелужицком. Всего, как было указано выше, в современном нижнелужицком литературном языке насчитывается (если не принимать во внимание производные) 68 корневых слов подобного вида.⁴⁸ из них являются словами исконногерманского (немецкого) происхождения: *bértyl* ‘четверть (мера)’, *byrgarstwo* ‘буржуазия’, *cwjern* ‘нитки’, *derbjes* ‘быть должным’, *filnik* ‘напильник’, *gasa* ‘улица’, *gnada* ‘милость’, *gramota* ‘ненависть, злоба’, *hela* ‘ад’, *kjabel* ‘жребий’, *kjagel* ‘кегля’, *klinka* ‘дверная ручка’, *kobolt* ‘кобольд, домовой’, *korb* ‘корзина’, *kružlowaty* ‘кудрявый’, *lapa* ‘тряпка’, *liderka* ‘неряха’, *lušť* ‘желание, охота’, *troka* ‘граница’, *tula* ‘морда’, *nalchen* ‘гвоздика’, *por* ‘череп; миска’, *nyks* ‘водяной’, *toriš* ‘собирать в складки’, *rubiš* ‘ограбить’, *rynki* ‘кольца (гимнастические)’, *slipa* ‘петля; веревка’, *šewjer* ‘вуаль’, *šmara* ‘рубец, шрам’, *šmiga* ‘складной метр’, *šnapaš* ‘хватать, цапать’, *šořta* ‘сельский староста’, *šorca* ‘передник’, *štandlica* ‘кашка для сбивания масла’, *šwabel* ‘серпа’, *šyla* ‘порог; шпала’, *toriš* ‘одурачивать, обманывать’, *toruž* ‘сторожка (у ворот)’, *trošť* ‘утешение’, *truta* ‘индейка’, *tsodla* ‘кисть(украшение)’, *tyšar* ‘столяр’, *watowaš* ‘предостерегать, предупреждать’, *wjelba* ‘свод; подвал’, *worop* ‘герб’, *woruch* ‘ладан; фимиам’, *žařba* ‘мазь’.

19 лексических германизмов данной группы представляют собой в самом немецком языке заимствования. Сюда относятся такие слова, как *amt* ‘должность’, *butra* ‘масло’, *jaka* ‘куртка; кофта’, *kalk* ‘известъ’, *kamjel* ‘верблюд’, *karnikel* ‘кролик’, *kejžor* ‘император, кайзер’, *kupor* ‘медиа’, *narski* ‘глупый’, *prjatkar* ‘проповедник’, *pulber* ‘порох’, *pura* ‘кукла’, *rajs* ‘рис’, *stepa* (*šepa*) ‘степь’, *šula* ‘школа’, *tamas* ‘уничтожать; проклинать’, *tinta* ‘чернила’, *žopor* ‘горчица’, *žyže* ‘шелк’. Сложно-слитное слово *kjarchob* (нем. *Kirchhof* ‘кладбище’). представляет собой, с точки зрения своего происхождения, гибридное образование, поскольку первая его часть в немецком языке связана со словом *Kirche*, восходящим к греческому народному *κυρική (< κύριας οίκια) ‘господень дом’, а вторая – с немецким *Hof*, словом германского происхождения. В процентном выражении слова, связанные с исконногерманской лексикой, составляют 73%; слова, заимствованные немецким языком –

26%; гибридное слово – 1%. При этом характерно, что, как и в предыдущей группе, в морфологическом отношении явно преобладают существительные. Значительно меньше доля других частей речи. Количество их соотношение следующее: 39 существительных : 6 глаголов : 2 прилагательных : 1 числительное, т.е. в процентном отношении соответственно – 82% : 12% : 4% : 2%; среди слов, заимствованных через посредство немецкого языка, 17 составляют существительные, 1 глагол, 1 прилагательное, что в процентном выражении соответственно взаимоотносится как 90% : 5% : 5%. Гибридные образования представлены, как уже упомянуто, одним существительным, с словообразовательной точки зрения отражающим немецкое сложное слово. В целом заимствованная нижнелужицкая лексика данной группы распределена по частям речи следующим образом: 57 существительных, 7 глаголов, 3 прилагательных, 1 (дробное) числительное, (т.е. 84% существительных, 10% глаголов, 4,5% прилагательных, 1,5% числительных). Остальные части речи среди лексических германских групп отсутствуют.

По лексико-тематическим группам рассматриваемая совокупность германских слов распределяется следующим образом:

1. Честоимения, действительные и служебные слова (0): –;
2. Названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма (3), *mula*, *por*, *štaga*;
3. Названия, связанные с родством (0): –;
4. Природа (8).
 - а) элементы, формации и явления природы (1): *stepa** (*štep a*);
 - б) растительный мир (2): *nalchen*, *rais*;
 - в) животный мир (3): *kamjel*, *kamikel*, *truta*;
 - г) минералы и металлы (2) *kupor*, *šwabel*;
5. Слова для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы) (2): *derbijes*, *šnapas*;
6. Слова, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста (прилагательные) (3): *kružlowaty*, *luty*, *narski*;
7. Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве (1): *troka*;

*Подчеркнутые слова заимствованы непосредственно из немецкого языка, а в немецком языке они являются заимствованиями из другого языка.

8. Слова, связанные с материальной жизнью, обозначающие жилище, питание, одежду, утварь, средства передвижения, занятия (в частности, профессии, орудия, материалы и т.п.), характеризующие общественные отношения (39): *gasa, klinka, šyla, toruž, ujelba, butra, žonop; jaka, šlewjeř, šorca, tšodla; korb, lapa, cwegem, filnik, kalk, kjabel, kjagel, pulbér, pupa, ropiš, rubiš, rynki, slipa, šmiga, štandlica, tamaš, tinta, toriš, ryšar, wartenowaš, žatba, žyže; amt, byrgarstwo, kejžor, líderka, šoštia, wopon;*
9. Числительные (1): *běrtyl;*
10. Духовная жизнь, верования (7): *hela, kjarchob, kobolt, nyks, prjatkař, šula, woruch;*
11. Отвлеченные понятия (4): *gnada, gramota, lušt, trošt.*

Процентное соотношение лексико-семантических групп в данном случае таково: (1) 0% : (2) 4% : (3) 0% : (4) 12% : (5) 3% : (6) 4% : (1%) : (7) 1% : (8) 59% (36%): (9) 1% : (10) 10% (4%) : (11) 6%.

Сопоставление двух рассмотренных групп нижнелужицких заимствований из немецкого языка дает возможность установить следующее:

А. По количеству исконненемецких (германских) и заимствованных через немецкий лексических элементов:

Исконные элементы		Заимствования	
I	72%	:	28%
II	73,5%	:	26,5%

Б. По представленным в заимствованиях частям речи:

Сущ.	Гл.	Прилаг.	Числ.
I. 86%	12%	2%	0%
II. 82%	12%	5%	1%

В. Согласно распределению заимствований по лексико-грамматическим группам:

Мест.	Ч. тела	Родство	Природа	Эл.действия	Ориентация
I. (1)0% : (2)1% : (3)0,5%	(4)6% : (5)4%	(6)2%			
II. (1)0% : (2)4% : (3)0%	(4)12% : (5)3%	(6)1%			

Прилаг.	Занятия	Числит.	Духовная жизнь	Отв. понятия
I. (7) 2%	:	(8) 79,9%	: (9) 0,6%	: (10) 3% : (11) 2%
II. (7) 4%	:	(8) 59%	: (9) 1% : (10) 10% : (11) 6%	

Уже приведенные количественные показатели говорят об известных различиях между двумя группами заимствований. В то время как соотношение исконненемецких и заимствованных элементов среди германизмов остается почти неизменным, и расхождения между представленными в заимствованиях частями речи и их соотношением весьма незначительны (обращает на себя внимание лишь некоторое уменьшение процента существительных за счет увеличения процента прилагательных и появления одного числительного), изменения в лексико-тематических группах заметны в большей степени. Они проявляются в основном в том, что за счет известного возрастания удельного веса других тематических групп на 10% уменьшается относительное количество лексем, входящих в группу с наибольшим числом заимствований, относящихся к материальной жизни (вместо 79,5% – 69%). Зато более чем в 4 раза увеличивается число слов, обозначающих части тела живых существ (4,5% вместо 1%), почти в 2 раза возрастает число слов, связанных с природой (10% вместо 6%), более чем в два раза увеличивается процент прилагательных, обозначающих свойства и качества (4,5% вместо 2%), появляются заимствованные числительные (1,5% вместо 0%), более чем в 3 раза возрастает число слов, связанных с духовной жизнью и верованиями (10% вместо 3%), в 3 раза возрастает число германизмов, обозначающих отвлеченные понятия. При всем том в количественном отношении сдвиги в лексико-семантических группах не особенно велики, так как по-прежнему преобладает лексика, связанная с обозначениями, характеризующими материальную жизнь в разнообразных проявлениях. Поскольку другие лексико-тематические группы по количеству лексем были весьма небольшими, количественное возрастание их состава не изменило в корне соотношения между ними: по-прежнему преобладающее число заимствований (более 2/3 их состава) и в данной группе относится к словам, обозначающим разнообразные занятия людей и связанные с этим общественные отношения. По-прежнему среди заимствований отсутствуют или слабо представлены как местоимения и служебные слова (т.е. часть лек-

сики, наиболее тесно связанная с грамматикой), так и те лексические группы, которые ориентированы на элементарные понятия, образующие как бы костяк лексики (названия частей тела, термины родства, названия распространенных явлений природы, растений, животных, видов почвы, наиболее важных действий, прилагательные, обозначающие основные свойства и качества, и т.п.). Таким образом, новая заимствованная лексика в основном связана с новыми понятиями развивающейся материальной и духовной жизни, она насливается на славянскую основу лексики, дополняя ее, иногда вытесняя слова праславянского происхождения, зачастую подключаясь к ним в качестве более или менее распространенных синонимов. В этой части заимствований отмечается сдвиги по сравнению с общезападнославянским слоем. Эти сдвиги обращают на себя внимание даже при относительно поверхностном количественном (процентном) сопоставлении двух групп. Еще более заметными они становятся при рассмотрении (даже выборочном) их состава. Если в первой группе представлена почти исключительно лексика, относящаяся к городской жизни, ремеслам, технике (притом часть ее в самом немецком языке составляют заимствования, связанные с греко-римской и романской культурой), то во второй группе заимствований нередко встречаются слова, обозначающие понятия сельской жизни (ср., например, *tula* ‘морда (животного)’, *šylq* ‘порог’, *korb* ‘корзина’, *štandlica* ‘кадка для сбивания масла’ и т.п.). Это свидетельствует о немецком влиянии в результате близкого и длительного общения славян и германцев. Наблюдаются также значительные различия между нижнелужицкими германами общезападнославянского и серболужицкого слоя, относящимися к духовной жизни и верованиям. К первым относится лексика, как правило, греко-латинского происхождения, ко вторым – в основном слова германского происхождения: *hela* ‘ад’, *kobold* ‘домовой, кобольд’, *nyks* ‘водяной’, *wotusch* ‘ладан; фимиам’, причем часть из них отражает не христианскую религию, а дохристианские, языческие верования древних германцев (*kobolz*, *nyks*), продолжающие жить в немецкой народной культуре, фольклоре. Понятия, аналогичные этим, имелись и в языческой культуре славян, что свидетельствует о длительном и тесном сосуществовании славян и германцев, а, возможно, также и о частичном смешении двух этносов и их духовных культур. Усвоение христианской церковной терминологии немецкого (герман-

ского) происхождения (ср. *hela*, *kjachob*, *wołuch*) произошло довольно поздно и связало со все большим распространением в германских государствах богослужения на немецком языке. Часть церковной терминологии оставалась нижнелужицкой. Другую часть составляли заимствования из немецкого, прочно вошедшие в нижнелужицкий язык. По-видимому, частично через немецкую литературу в нижнелужицкий язык вошли (с соответствующими видоизменениями) слова, относящиеся к отвлеченным понятиям и первоначально связанные с религией (*gnada* 'милость', *trošt* 'утешение'). Для некоторых заимствований немецкого происхождения зафиксированы и славянские синонимы. В некоторых случаях заимствованные германские элементы в нижнелужицком языке меняли свою словообразовательную форму: на немецкую основу "наращивались" славянские суффиксы, например, *filnik* 'напильник' (нем. *Feile*, свн. *vile*); *šandlica* 'маслобойка' (нем. диал. *Stande*, уменьш. *Stand(e)le*) с нароченным нижнелужицким суффиксом *-ica* и т.п. К числу слов, не имеющих в нижнелужицком синонимических соответствий славянского происхождения относятся, например, такие, как *gramota*, *kjabel*, *kjagel*, *lapa*, *liderka*, *luty*, *hop*, *ropiš*, *rubiš*, *šolta*, *šorca*, *šandlica*, *worop*, *kamikel*, *narski*, *prjatkar*, *pupa*, *žonop*, *kjachob*. К словам, имеющим соответствия славянского происхождения, относятся, в частности, следующие: *běrtyl* – *stwierś* Šw D 311; *cwjem* – *niś* Šw Q 353; *gasa* – *droga*, *wulica* Šw D 259; *gnada* – *míłosć*, *míłosćiowość* Šw D 132; *hela* – *pjakło* Šw D 150; *klinka* – *rucka*, *rucnica* Šw D 160; *korb* – *koš* Šw D 163; *kru złowaty* – *kużeraty* Šw D 165; *mroka* – *granica* Šw D 133; *nalchen* – *gozdźik* Šw D 193; *šwabel* – *syrik*, *syra* Šw D 238; *šyla* – *prog* Šw D 238; *trošt* – *wułóżenie* Šw D 270; *tyšar* – *blidař* Šw D 267; *warnowaś* – *napominaś* Šw D 322; *wjelba* – *spinanje* Šw D 130; *woruch* – *każenje*, *kažidło* Šw D 325; *žałba* – *mażanie* Šw D 219; *amt* – *zaręd*, *służba*, *zastojinstwo* Šw D 12; *butra* – *masło* Šw D 69; *jaka* – *półka* Šw D 154; *pulber* 'порошок' – *prošk* Šw D 207; *stepa* (*štepa*) – *pusta* Šw D 255 и некоторые другие.

Часть германизмов нижнелужицкого литературного языка в настоящее время свойственна только ему и не находит себе соответствий ни в одном из других западнославянских литературных языков, не исключая и верхнелужицкий. Эти германизмы, в свою очередь, можно разделить на две группы. К первой относятся такие

германизмы, которые еще употреблялись в прошлом веке в верхнелужицком литературном языке и зафиксированы тогдашними словарями, в частности, словарем Х. Т. Пфуля. Правда, они отмечаются как слова устаревшие и не соответствующие норме. Другую группу составляют те нижнелужицкие заимствования из немецкого, которые не отражены даже словарем Х. Т. Пфуля, поскольку они, очевидно, если и встречались в верхнелужицком, то значительно раньше и по крайней мере к середине 60-х годов прошлого века полностью вышли из употребления. По-видимому, именно эти германизмы и являются наиболее своеобразными на западнославянском фоне. Обе указанные группы целесообразно рассмотреть отдельно.

К первой принадлежат следующие слова: 1) dupis ‘крестить (ребенка; взрослого, — при обращении в христианство)’ Šw 61 (снн. *dopen*) *dupjenje, dupnica, dupnik, dupny* — вл. (уст.) *dupić* ‘то же’ Pf 171; 2) fromny (уст.) ‘набожный’ (нвн. *fromm*, снн. *vrum*) Šw 65 — вл. (уст.) *fromny*; 3) hodlar ‘орел’ Šw 87 (нем. (диал., вост.) *odler*, нвн. *Adler*) — вл. (уст.) *hodleć* ‘то же’ Pf 209; 4) krika ‘костьль’ Šw 123 (нем. *Krücke*) — вл. *kryka* Pf 296; 5) krydnus ‘получить’ Šw 124 (нем. *kriegen*) — вл. (прост., уст.) *krydnyc* Pf 295; 6) špruch ‘изречение; притча’ Šw D 250 (нем. *Spruch*) — вл. (уст.) *Špruch* ‘то же’; Pf 725; 7) strofa (уст.) ‘наказание; возмездие, кара; штраф’ Šw 418, Šw D 258 (без ограничительной ремарки) (нем. *Strafe* — очевидно, в диалектном варианте (*ſtrofowanje, ſtrofowaś*) — вл. (уст.) *ſtrafa* Pf 727; 8) ſtrympa ‘чулок’ Šw 419 (уст.), Šw D 260 (норм.) (нем. *Strumpf* (мн. ч. *Strümpfe*) — вл. (уст.) *ſtrympa* Pf 728; 9) ſtunda ‘час’ Šw 419 (уст.), Šw D 261 (без ограниченений) (нем. *Stunde*) — вл. (уст.) *ſtunda* Pf 728; 10) tej ‘чай’ Šw 428, Šw D 265 (нем. *Tee* < кит. (диал.-южн.) *tē* (лит.) *čā*) — вл. (уст.) *tej* Pf 736; 11) tauszint ‘тысяча’ Šw 433 (уст.), Šw D 265 (норм.) (нем. *tausend*, снн. *tūsent*) (*tauszynteraki* ‘имеющий тысячу (-и) видов’³) — вл. (ненорм.) *tauszint* Pf 736; 12) wachowac (уст.) ‘бодрствовать, не спать; сторожить’ Šw 444 (нем. *wachen*) (*wobikachow'as, wachowanje, wachowny*) — вл. (уст.) *wachowac* Pf 769:

В рассмотренной выше небольшой группе заимствований из немецкого языка (всего 12 корневых слов) преобладает исконнонемецкая по происхождению лексика: из 12 лексем только одна является заимствованной (в немецком языке из китайского) — *tej*.

В данной группе наблюдается следующее распределение слов по частям речи: существительные *hodlař*, *krika*, *špruch*, *štrofa*, *štýmpa*, *štunda*, *tej*; глаголы – *dipiš*, *krydnus*, *wachowaś*; прилагательное – *fromny*; числительное – *towarzyst*, то есть в процентном отношении существительные составляют 58,4%, глаголы – 25%, прилагательные – 8,3%.

С семантической точки зрения выделяются слова, обозначающие животных (*hodlař*), элементарные действия (*krydnus*, *wachowaś*), качества или свойства (*fromny*), а также слова, связанные с материальной жизнью и обозначающие жилище, питание, одежду, утварь, средства передвижения, занятия, общественные отношения: *tej*; *štýmpa*; *krika*; *štunda*; *towarzyst*; с духовной жизнью, верованиями: *dipiš*, *špruch*; слова, указывающие на отвлеченные понятия: *štrofa*.

Отметим, что, хотя группа слов, связанных с материальной жизнью и занятиями, остается самой большой, удельный вес ее среди других семантических групп падает. Если среди заимствований (общезападнославянского) слова на нее приходилось около 80% (79,5%), т.е. 4/5 всех лексических заимствований, а среди (общесерболужицкого) слова 59%, т.е. 3/5 заимствований, то здесь она составляет всего 33,6%, т.е. всего 1/3 лексики. Увеличивается группа слов, связанных с духовной жизнью, обозначением абстрактных понятий и представлений о действительности. Сюда следует отнести слова *dipiš* ‘крестить’, *špruch* ‘изречение; притча’, *fromny* ‘набожный’, *štunda* ‘час’, *štrofa*. Слово *hodlař* могло распространиться частично и потому, что именно орел (*Adler*) был гербом германского государства. Целый ряд упомянутых выше германизмов имеет славянские по происхождению соответствия, ср. *fromny* – *pobožny* Šw D 113; *hodlař* – *jerjet* Šw D 10; *krydnus* – *dostaś* Šw 54; *špruch* – *gron(k)o* Šw D 250; *štrofa* – *chłostanie*, *pokuta* Šw 258; *štýmpa* – *nogajca* Šw D 260; *štunda* – *goźira* Šw D 261; *towarzyst* – *ty sac* Šw D 265.

Даже слово *tej* ‘чай’ по образцу верхнелужицкого было заменено словом *čaj* (Šw 38, Šw D 265), которое пришло в верхнелужицкий язык из чешского, а чешским языком было заимствовано из русского. Только небольшая часть данных лексем не имеет славянских по происхождению соответствий (сюда относятся *dipiš*, *krika*,

uachowaś). Они давно вошли в язык и прочно им усвоены. Существование синонимов (как славянского, так и германского происхождения) в какой-то степени отражает ситуацию двуязычия, вызывающую необходимость время от времени переключаться с одного языка на другой. При переходе с немецкого языка на нижнелужицкий часто сохраняется немецкая лексика, оформленная (фонетически и грамматически) по моделям нижнелужицкого языка. Это особенно характерно при усвоении лексики, связанной с материальной и духовной сферами.

В современном нижнелужицком литературном языке также обнаруживается значительное число германизмов, свойственных только этому языку. К ним можно отнести 69 корневых слов (с соответствующими дериватами): 1) *balo* ‘мяч’ Šw 12 (свн., дvn. *bal* ‘мяч; шар’, нvn. *Ball*); 2) *banar* ‘флаг, знамя’ Šw 12 (свн. *baner*, *banier* < фр. *banniere* ‘ знамя’ < ром. **bandiere* ‘место, где ставится знамя’ < зап.-герм. **banda* ‘знак’, гот. *bandwa* ‘то же’); 3) *bas-ka* (*basken*) ‘лохань; сосуд’ Šw 13 (свн. *vaz*, нvn. *Fass*, – форма с *-ken* возможно, отражение диал. суффикса уменьшительности *-ken*, соответствия лит. *-chen*); 4) *baslis* (*baslowas*) ‘мастерить, заниматься ремеслом (техникой)любительски’ Šw 13 (нем. *basteln* ‘то же’, производное от *Bast* ‘лыко, луб’, свн. *buost* < пгерм. **bōsta*) (*baslak*, *baslowar*, *baslarnja*); 5) *běršta* ‘щетка’ Šw 15 (уст.), Šw D 68 (норм.) (нем. *Bürste*, свн. *bürste* от дvn., свн. *borst* ‘щетина’) (*běrštowaś*); 6) *bilda* ‘картина; портрет’ Šw D 62 (свн. *bilde*, дvn. *bildi*, нvn. *Bild*); 7) *bjatkař* ‘бочар, бондарь’ (нн. *boddiker*, *bödeker* от *boddike*, *bödeke* ‘бочка’, заимствование, – от лат. *apothēca* ‘кладовая, винный склад; (позже) сосуд для хранения запасов’ < гр. ἀποθήκη склад, хранилище’); 8) *bjatowaś* ‘молиться’ Šw 16 (уст.) Šw D 58 (отсутствует) (нvn. *beten*, связанное с *bitten* ‘просить’) (*bjatowanje* ‘молитва’) Šw 16 (уст.), Šw D 117 (норм.), *bjatowny* Šw 16 (уст.)); 9) *blatawa* ‘утюг’ Šw D 203 (нем. *Plätte* (*Plätteisen*) ‘утюг’ < *Platte* ‘плита, пластинка’ (> *platten* ‘выравнивать’, *plätten* ‘гладить, утюжить’)) от слат. *platta* ‘то же’ < гр. πλάτη писчая табличка’); 10) *bloza* ‘котел для согревания воды (вделанный в печь’ Šw 18 (нем. *Blase* (диал. (луж.) *Bläse*) от *blasen* ‘дуть’); 11) *bom* ‘дерево (растущее, – не как материал’ Šw 20 (свн., нн. *bom*, нем.

Baum) (*bomk*, *bomatja*); 12) bon ‘барщина’ Šw 21 (свн. *ba n* ‘повинность под угрозой наказания’³, нvn. *Ban* ‘изгнание; принуждение, запрет; обаяние, чары; полномочия, ист. юрисдикция феодала; пределы власти; призыв ополчения’) (*bonar*, *bonarstwo*, *bonarski*, *bonowaś*); 13) bonar ‘железнодорожный рабочий’ Šw D 37-38 (нем. (разг.) *Bahner* ‘железнодорожник’ от *Bahn* ‘дорога; железная дорога’ как сокращение *Eisenbahn* ‘железная дорога’); 14) bora (обычно *bory* мн.ч.) ‘носилки (погребальные носилки)’ Šw 21 (нем. (диал., вост.) *bāre*, син., свн. *bare*, нем. *Bahre*); 15) bužaty ‘выпуклый, вздутый’ Šw 26 (нем. *bauschig*, – очевидно, в средневерхненемецкой форме *būsch*, – от *Bausch*, свн. *būsch* ‘выпуклость’); 16) cuiblowas ‘сомневаться’ Šw 36 (свн. *zuivel(e)n*, нем. *zweifeln*) (*cuiblowanje*, *cuiblowaſ*); 17) dep a ‘впадина, углубление’ Šw 41, *dep* ‘яма’ Šw 41, *depk* (уменьш. форма) Šw 41 (син. *dēpe* ‘глубина’, нн. *dēp* ‘глубокий’); 18) derbnuš ‘наследовать, получать в наследство’ Šw 42 (нем. *erben*, очевидно, видоизмененное под влиянием сближения с н.и. *dobro* ‘добро’, –ср. также *derje* (< *debrje) ‘хорошо’) (*wobderbnus*, *derbnik*, *derbnica*, *derbstwo*, *wobderbnik*, *derbny**); 19) fona ‘флаг’ Šw D 107 (нем. *Fahne*); 20) fryjny ‘свободный; холостой’ Šw 66(уст.), Šw D 111 (в знач. ‘холостой’: норм.) (дvn., днн. *fīt*) (*fryjota*, *fryjotny*); 21) fryšny ‘свежий’ Šw 66, Šw D 112 (нем. *friſch*); 22) ganis (*garouas*) ‘дубить (кожу)’ Šw 67 (син. *geren*, нем. *gerben*) (*garošar*, *garowarnja*); 23) glažk ‘стекло; стакан; стеклянная консервная банка’ Šw 70 (свн. *glas*, нем. *Glas*) (*glažkarnja*, *glažany*); 24) gluka ‘счастье’ Šw 73 (син. *gelucke*, нем. *Glück*) (*njegluka*, *njeglucnik*, *glucny*, *njeglucny*, *glucys*, *wobglucnis*, *wobglucys*; 25) hadrik ‘редька полевая (дикая)’ (*Raphanus raphanistrum* L) Šw 86 (снн. *hed(d)erick*; 26) hejgen ‘именно, как раз’ (*hejgen tensamny* ‘именно этот’)⁴ Šw D 77 (нем. *eigen* ‘собственный’; (обл.) ‘аккуратный’); 27) hengist ‘жеребец’ Šw 87 (дvn. *hengist*, свн. *heng(e)st*, нvn. *Hengst*); 28) hundert ‘сто’ Šw D 354 (свн., нvn. *hundert*) (*hundertny*); 29) hura (груб.) ‘проститутка, распутница’

*Ввиду своеобразного пути развития, отличающегося от развития верхненемецкого *herba* ‘наследник’, оно в данном случае как параллель не рассматривается.

Šw 87 (нвн. *Hure*, двн. *huora*); 30) jopka ‘куртка; кофта, жакет’ Šw 102 (нвн. *Jorpe*, свн. *joppe*, *juppe*, *schope*, *tjorpe* ‘то же’ < араб. *džubba* ‘верхняя одежда с длинными рукавами’); 31) kis ‘гравий, щебень’ Šw 108 (нвн. *Kies*, свн. *kis*); 32) kjarl (kjarlik) ‘парень, малый, юноша’ Šw 109 (свн., нвн. (диал.) *karl*, нвн. (лит.) *Kerl*); 33) klin-gel ‘крендель, баранка’; (перен.) ‘упрямец’ Šw 123 (*kryngel* ‘крендель’) (нвн. *Kringel* ‘крендель, баранка’ < свн. *kringel(e)* ‘то же; кружок (маленький круг)’; первоначально уменьшительное от свн. *kring* ‘круг’); 34) kwjerlawia ‘мутовка, мешалка’ Šw D 208 (нем. *Quirl* (*kwjerlowaš*)); 35) lacha ‘лужа’ Šw 137 (нвн. *Lache*, свн. *lache*, двн. *lahha*); 36) lim ‘клей’ Šw 143 (дvn., свн., син. *lim*) (*limowaty*, *li-mowaš*); 37) mān ‘толпа; гурьба’ Šw 149 (свн. *mēnje*, *meine*, *mēnige*, *manige*, нвн. *Menge*); 38) mojta, (mojka) ‘няня’ Šw 162 (нем. (диал.) *Moid*, (лит., – уст., поэт.) *Maid* ‘девушка’); 39) orgele (мн.ч.) ‘орган’ Šw D 198 (нвн. *Orgel*, двн. *orgela* (< *organa*, *orgene*) < лат. *organum* < гр. ὄργανον); 40) pacha (paška) Šw 221 (мн. ч.) *pachy* ‘каркасная, (фахверковая) конструкция’ Šw 221 (нем. *Fach(werk)*); 41) peterzylja ‘петрушка’ Šw D 201 (нем. *Petersilie* < слат. *petrosilim* < гр. πετροσίλιον); 42) pīna ‘мучение, мука, страдание, пытка, терзание’ Šw 227 (дvn. *pīna*, свн. *pīne* < слат. *pēna* ‘адское наказание’, лат. *poena* ‘наказание, кара’ (*pinowanje*, *pinowař*, *pinowaš*); 43) pīška Šw 228 (*pička* Šw D) ‘немного, немножко’ (нем. *bisschen*, первоначально уменьш. от *Biss* ‘кусок’ – возможно, в нижненемецкой форме с уменьшительным суффиксом *-ken*,ср. ннem. *Hänken* (= внем. *Hünnchen*) ‘курочка’, ннem. *Blömetken* (= внем. *Blümchen*) ‘цветочек’ и под.); 44) prop ‘пробка’ Šw 272 (ннem. *propp* (*wotpropowaš*); 45) puklaty ‘горбатый’ Šw 323 (нем. *bucklig* ‘то же’ от *Buckel* ‘горб’, свн. *buckel* ‘металлическая возвышающаяся обивка полукруглой формы посередине щита; (перен.) спина’ < сфр. *boucle* ‘металлическая обивка посередине щита’ лат. *buccula* уменьш. от *bucca* ‘надутая щека’); 46) pušlišk ‘пучок, кисть, кисточка (украшение)’ Šw 324 (нем. *Büscheł*); 47) ratwa ‘крыса’ Šw 327 (дvn. *ratta*, *rato*, нвн., свн. *Ratte*); 48) rejtar ‘всадник’ Šw 329 (уст.), Šw D 213 (норм.) (рнвн. *Reiter* ‘то же’ от *reiten* ‘ездить верхом’); 49) rijuz ‘великан’ Šw 334 (нем. *Riese*); 50) rycyna ‘расселина, трещина, щель’ Šw 357 (нем. *Ritze*); 51) ryjtu ‘худой, тощий; малоценный, незначительный, плохой, ничтожный’ Šw 357 (син. *tinge*, нвн.

50) geringe ‘незначительный, ничтожный’; 52) ryš ‘рвать, вырывать; трепать (лен)’ Šw 357, Šw D 213 (ннем. *riten* ‘рвать’, (*he*) *ritt* ‘(он) рвет’, нвн. *reissen*) (*ryše*), – омонимично ryš ‘рыть’ (< **tyti*); 53) skij ‘лыжи’ Šw 367 (нем. *Ski* < норв. *ski*); 54) strus ‘букет’ Šw 399 (ннем. *Struz*, нвн. *Strauss*), (*strusaty*); 55) šamel ‘табуретка, скамеечка’ Šw 409 (*šamlik*) (свн. *schamel*, двн. *scamal* < сл.лат. *scamillus*, лат. *scamillum* ‘скамеечка’, уменьш. к *scannum* ‘скамья’); 56) šapar ‘овчар, чабан’ Šw 409 (очевидно, от ннем. соответствия нвн. *Schäfer* ‘то же’, – ср. син. *schäf* ‘овца’ (*šaparka*, *šaparnja*, *šaparski*); 57) škloba ‘раб, невольник’ Šw 413 (уст.), Šw D 244 (норм.) (свн. (позд.) *sklave* < сл.лат. *sclavus* ‘то же’ < греческ. *slábos* ‘славянин’; (позже – перен.) ‘раб (славянского происхождения)’ (*škloba*)); 58) šlodár ‘портной’ Šw 416 (ннем. *Schroder*, *Schrader*) (*šlodarja*, *šlodarstwo*, *šlodarski*, *šlodaris*); 59) (*wi-*)šrankowaś ‘разводить (пилу)’ Šw 544 (уст.), Šw D 233 (норм.) (нем. *schränken* ‘разводить (пилу)’, свн. *schrenken* ‘косо (наклонно) ставить, скрещивать, сплетать’); 60) štyrjar ‘подстрекатель, нарушитель (спокойствия)’ Šw D 27 (ннем. *Stürer*, связанное с нн. *stürn* ‘мешать’, нвн. *stören* ‘то же’); 61) ſuf-
lity (мн.ч.) ‘коньки, детские санки’ Šw 419 (нем. *Schubschlitten* ‘санки (приводимые в движение подталкиванием сзади)’); 62) taska ‘чашка’ Šw 428 (нем. *Tasse* ‘то же’ < араб. *tās* ‘чашечка’ < перс. *tāṣt* ‘таз’); 63) trajda ‘зерновой хлеб, хлеба’ (нем. *Getreide*); 64) twingowas ‘заставлять, принуждать’ Šw 442 (уст.), Šw D 353 (норм.) (свн. *twingen*) (*twingowar*); 65) warnowas ‘продолжаться’ Šw 445 (уст.), Šw D 71 (норм.) (снн. *wärn*); 66) wora ‘товар’ Šw 490, Šw D 321 (нем. *Ware*); 67) wukrarstwo ‘ростовщичество’ Šw 527 (на основе снн. *woker* ‘то же’); 68) zejlař ‘канатчик’ Šw 593 (уст.), Šw D 240 (норм.) (нем. *Seiler* ‘то же’ от *Seil* ‘канат’); 69) zejra ‘мыло’ Šw 593 (уст.), Šw D 240 (норм.) (снн. *sēpe*, двн. (алем.) *seipfa*) (*zejpar*, *zejpowaty*).

Из 69 нижнелужицких корневых слов, заимствованных из немецкого и не имеющих соответствий в других западнославянских языках (не исключая и верхнелужицкого), 56 (81%) являются исключительно немецкими, 13 (19%) в самом немецком языке являются заимствованными. Исконненемецкие слова принадлежат к разным частям речи. Что касается заимствований, воспринятых нижнелужицким из немецкого, то из 13 лексем 12 представляют собой существитель-

ные и только одно – прилагательное. По частям речи те же слова распределяются следующим образом: 1) существительные – 52, т.е. 72,5 % (из них 40 (77%) исконненемецких, 12 (23%) заимствованных); 2) глаголы – 9, т.е. 13,1% (все исконненемецкие); 3) прилагательные – 5, т.е. 7,2% (из них 4 исконненемецких, 1 заимствованное); 4) числительное; 5) наречие.

С семантической точки зрения можно выделить группы слов, обозначающих явления природы (3): *dep, lacha, гусьна*; растения (3): *bom, hadrik, peterzylja*; животных (2): *hengist, ratva*; минералы, металлы (1): *kis*; элементарные действия (3): *swiblowaś, ryś, warnowaś* – 4%; качества, свойства (5): *bužaty, fryjny, fryšny, puklaty, гу́жну*; жилище, питание, одежда, утварь, средства передвижения, занятия, общественные отношения (46): *pacha; kringel; jopka; pušlišk; baska, běršta, bilda, blatača, bloza, głažk, kwjerlawa, prop, šamel, taska; šuſlity; skif; balo, baná, baslié, bjatká, bonař, bora, sona, gariš, hura, lim, mojta, orgele, rejtar, strus, ūpará, šlodá, (wu-)šrankowaś, trajda, wora, wukrarstwo, zejlá, zejpa; bon, derbnus, kjarl, maň, rjuz, škloba, štyrjař, twingowaś*, количества: *hundert* (1,5%); верования (1): *bjatowaś* (1,5%); отвлеченные понятия (2): *gluka, pina*.

Как и в рассмотренных выше группах заимствований, значительная их часть имеет синонимы славянского происхождения, сп.: *pitska – tšocha, tšoška; dep – jama; lacha – čuža, čužk; hengist – črebc; ratva – wjelika myš; kis – jědernik; swiblowaś – duělowaś; ryś – tergaś; warnowaś – traś; fryjny – lichy; fryšny – młodny, chłodny; puklaty – gjarbaty; гу́жну – chudy; hundert – sto; bjatowaś – modlis se*. Как и в предыдущих группах, часть германских не имеет славянских по происхождению синонимов, являясь единственными обозначениями соответствующих реалий и понятий. Сюда относятся, в частности, такие слова, как *bom* ‘дерево (растущее)’ (слово *drješe* обозначает только ‘дерево (как материал)’ или ‘роща, лесок’, т.е. имеет собирательное значение для группы деревьев), *hadrik, peterzylja, bužaty, gluka, pina*.

При сопоставлении трех основных групп немецких заимствований в нижнелужицком (заимствования, общие для всех или части западнославянских языков (за исключением верхнелужицкого); заимствования, имеющие соответствие только в современном верхнелужицком языке).

лужицком литературном языке; заимствования, характерные только для современного нижнелужицкого литературного языка, включая и те, которые в прошлом веке имели соответствия в верхнелужицком) получаем следующую картину.

Таблица 1

Соотношение исконнонемецких германизмов в нижнелужицком и германизмов, которые в самом немецком языке являются заимствованными

1) Заимствования с зап.-слав. соответствия	Исконнонемец- кие 72%	Заимствования в немецком 28%
2) Заимствования с в.-луж. соответствиями	73,5%	26,5%
3) Заимствования, свойств. только н.-луж. лит.яз.	83 %	17%

Таблица 2

Распределение нижнелужицких германизмов
по частям речи

	Существ.	Глаго- лы	При- лаг	Чис- лит.	Наре- чия	Местоим. слова	Части- цы
1) Германизмы с зап.-слав. соответств.	86%	12%	2%	0%	0%	0%	0%
2) Германизмы с в.-луж. соответств.	82%	12%	5%	1%	0%	0%	0%
3) Германизмы, свойствен. только н.-луж.яз.	73%	15%	7%	2,5%	1,25%	2,4%	1,25%

Таблица 3

Распределение нижнелужицких германизмов по тематическим группам

1)Части тела	2)Родство	3)Природа	4)Элементарн. действия	5)Ориентация	6)Прилаг.	7)Материальн. жизнь	8)Дух. жизнь	9)Отвл. понятия
1)Зап.-слав. соотв.	1%	0,5%	6%	4%	2%	2%	79,5%	3%
2)В.-луж. соотв.	4%	0%	12%	3%	1%	4%	59%	10%
3)Н.-луж. заимств.	0%	0%	12,3%	6,2%	0%	7,5%	61,2%	4%

Первая таблица свидетельствует о преобладании в современном нижнелужицком литературном языке заимствований исконнонемецкого происхождения над заимствованиями, проникшими в нижнелужицкий через немецкий. Объясняется это тем, что при первоначальных контактах с нижнелужицким (и с другими западнославянскими языками) немецкий язык уступал значительную часть своих функций латинскому языку и многое из него заимствовал. С течением времени немецкий язык и западнославянские языки обогатили свою лексику за счет внутренних ресурсов и заимствований из других европейских языков: серболужицкие литературные языки и особенно нижнелужицкий усваивали уже германизмы, среди которых преобладали исконнонемецкие элементы.

Характерно, что большую часть заимствований составляют существительные, хотя постепенно увеличивается и число заимствований, представленных глаголами и прилагательными. Не отмечены немецкие заимствования среди местоимений, предлогов, союзов и междометий. Это является особенностью не только нижнелужицкого языка, а и языков вообще: наименее проницаемыми оказываются служебные части речи и местоимения (а также местоименные элементы).

В третьей таблице обращает на себя внимание уменьшение числа заимствований, связанных с понятиями и реалиями материального мира. Число лексем, относящихся к природе, вдвое увеличившись в слое заимствований, общих с верхнелужицким, остается таким же в заимствованиях, свойственных только нижнелужицкому языку. Это свидетельствует об активном усвоении немецких заимствований даже в той части лексики, которая связана с сельской жизнью. Среди заимствований, связанных с духовной жизнью, верованиями и отвлечеными понятиями, большая часть оказывается общей для нижнелужицкого и верхнелужицкого литературных языков. Это, очевидно, следует связывать с распространением в обеих Лужицах лютеранства. Заметно уменьшается число германизмов позднего периода, характерных только для нижнелужицкого языка и относящихся к указанным областям лексики. Это объясняется развитием нижнелужицкого литературного языка, использовавшим для передачи соответствующих понятий лексику славянского происхождения. Мало германизмов отмечается среди местоимений, служебных слов, слов, обозначающих части тела, родство, элементарные действия, ориентацию в пространстве, числительных.

В настоящее время нижнелужицкий литературный язык относится к числу тех славянских языков, где процент заимствованной лексики (в частности неславянской) особенно велик. Однако по степени насыщенности заимствованной лексикой он уступает, например, английскому языку (с его романо-латинскими заимствованиями) или румынскому (с его заимствованиями из славянских языков). Возможно, такой степени гетеролексичности среди славянских мог бы достичь только полабский язык (с его германизмами), если бы этот язык продолжал существовать и при этом не подвергся бы воздействию пурристических тенденций.

Как показывает история развития языков, лексика которых содержит большое количество иноязычных слов, процесс усвоения заимствований регулируется самим языком, его лексической системой. Пурристические тенденции особенно сильны в тех случаях, где языки не обладают достаточно высоким социальным престижем и у их носителей возникает ощущение "неполнценности" языка и необходимости его "очищения". С этим частично связано и действие пурристических тенденций в серболужицких литературных языках.

Примечания

¹ Под лексическими германизмами понимаются в данной работе главным образом верхне- и нижненемецкие заимствования, связанные с историей нижнелужицкого литературного языка.

Качестве источников были использованы словари современного нижнелужицкого литературного языка (см. ниже), а также этимологические словари (см. ниже список словарей). Ссылки на этимологические источники в статье как правило из-за недостатка места не приводятся.

² Цифровые данные, приводимые в данном исследовании, могут дать представление о возможном соотношении нижнелужицких германизмов и их соответствий в других славянских языках. Из-за отсутствия больших словарей нижнелужицкого языка и соответствующих исследований по данной проблеме выяснение полной картины является делом будущего.

³ См. Верхнелужицко-русский словарь. Сост. К.К. Трофимовичем. Под ред. Ф. Михалка и П. Фелькеля. М. Русский язык — Бауцен, Домовина. 1974. *Zeman H. Słownik górnolužicko-polski*. Warszawa, PWN, 1967.

⁴ Отметим, что очень часто нижнелужицкие германизмы, отмечаемые как устаревшие в словаре Б. Швельса 1962 г., в словаре 1953 г. приводятся как нормативные. Таким образом, нет оснований сопоставлять эти нижнелужицкие германизмы с германизмами, которые в верхнелужицком языке являются явными архаизмами.

⁵ В основу данной классификации положена система К. Редеи и И. Эрдейн, примененная ими при анализе лексики финно-угорских языков. См. Сравнительная лексика финно-угорских языков //Основы финно-угорского языкоznания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.; Наука, 1974, с. 397—438.

Словари серболужицких литературных языков

Šwjela B. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch. Bearbeitet von A. Mitaš. VEB Domowina—Verlag, 1953.

Swela B. Dolnoserbsko-němski słownik. Dudyšin, Ludowe nakładnistwo Domowina, 1962.

Pfuhl Chr. Tr. Obersorbisches Wörterbuch (Fotomechanischer Neudruck. Budissin, 1866). Bautzen; VEB Domowina—Verlag, 1968.

Этимологические словари

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. L. 1–9. Bautzen; VEB Domowina–Verlag, 1957–1981.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa; Wiedza powszechna, 1957.

Śląski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I (A–J). Kraków; Rowarzystwo miłośników języka polskiego, 1952–1956.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha; Akademie (Nakladatelství ČSAV), 1971.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. (Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева). Т. 1–4. М.; Прогресс, 1964–1973.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Auflage bearbeitet von W. Mitzka. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1967.

Список сокращений

Pf	— <i>Pfuhl Chr. Tr. Obersorbisches Wörterbuch...</i>
Św D	— <i>Świerjela B. Deutsch-niedersorbisches Taschenwörterbuch...</i>
Św	— <i>Świerjela B. Dolnoserbsko-němski słownik...</i>
Троф.	— См. примечание № 3
адм.-тер.	— административно-территориальный
алнем.	— алнemannский
араб.	— арабский
в.л.	— верхнелужицкий
вост.	— восточный
в.-сакс.	— верхнесаксонский
вост.-ср.-нем.	— восточносредненемецкий
вн(ем).	— верхненемецкий
галл.	— галльский
герм.	— германский
гот.	— готский
гр.-лат.	— греко-латинский
дvn.	— древневерхненемецкий
диал.	— диалектный
динд.	— древнеиндийский
днн.	— древненижненемецкий

дсакс.	— древнесаксонский
зап.	— западный
з.-герм.	— западногерманский
инд.	— индийский
исп.	— испанский
ист.	— исторический
ит.	— итальянский
кит.	— китайский
кн.	— книжный
лат.	— латинский
лит.	— литературный
луж.	— лужицкий
нар.-лат.	— народнолатинский
нар.-разг.	— народноразговорный
новн.	— ново верхненемецкий
нем.	— немецкий
ненорм.	— ненормативный
нлат.	— новолатинский
нн.	— нижненемецкий
ннем.	— нижненемецкий
норв.	— норвежский
норм.	— нормативный
обл.	— областной
п., пол.	— польский
пгерм.	— прагерманский
перен.	— переносный
перс.	— персидский
плат.	— позднелатинский
пнем.	— поздненемецкий
порт.	— португальский
поэт.	— поэтический
прост.	— простонародный
псл.	— праславянский
р., рус.	— русский

разг.	— разговорный
рнвн.	— ранний новов рхненемецкий
ром., роман.	— романский
свн.	— средневерхненемецкий
сгр.	— среднегреческий
силез.	— силезский
слат.	— среднелатинский
слц.	— словацкий
сндер.	— средненидерландский
снн.	— средненижненемецкий
совр.	— современный
спорт.	— спортивный
ср.-нем.	— средненемецкий
ст.	— старый
сфр.	— среднефранцузский
тур.	— турецкий
уменьш.	— уменьшительный
уст.	— устный
фр.	— французский
ч.	— чешский
южн.	— южный

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

I. В развитии общественно-политической лексики в верхнелужицком литературном языке большую роль сыграли переводы на верхнелужицкий язык "Коммунистического манифеста", первый¹ из которых вышел в свет в 1948 г., то есть ровно через сто лет после его публикации на немецком языке. Автором этого мастерски выполненного перевода был преподаватель серболужицкого языка, а позднее доцент серболужицкой филологии в Карловом университете в Праге, историк серболужицкой литературы и языковед Михаэль Кречмар². Ему несомненно принадлежит важная роль в формировании серболужицкой общественно-политической терминологии³. В 1956 и 1969 гг. появились и другие переводы текста "Коммунистического манифеста".

В переводах общественно-политической литературы на верхнелужицкий язык активная роль принадлежит и серболужицким студентам, обучавшимся в Праге. Так, в 1948 г. был опубликован сделанный ими перевод речи В.И. Ленина на III Всероссийском съезде Коммунистического союза молодежи России⁴. Это был новый этап в развитии общественно-политической лексики в верхнелужицком литературном языке.

При анализе верхнелужицкой общественно-политической лексики мы опирались на материал названных выше переводов "Коммунистического манифеста", и речь шла в первую очередь о терминах политической экономии капитализма. С вопросами политической экономии тесно связаны проблемы материалистической философии. В тексте "Коммунистического манифеста" представлены термины из области исторической науки, в их числе – названия отдельных общественных формаций. Важное место занимают термины, связанные

ные с государственной и правовой теориями, меньшее – с областью религии, морали, педагогики. Большое число терминов упоминается при обсуждении проблем, связанных с политическими организациями и движениями.

При анализе общественно-политической лексики, представленной в "Коммунистическом манифесте" (далее – КМ), необходимо принимать во внимание следующие внешние различия, существующие между тремя верхнелужицкими переводами и соответствующим немецким текстом⁵. После 1848 г. КМ при жизни его авторов выходил на немецком языке еще трижды – с общим предисловием Маркса и Энгельса (1872 г.) и – после смерти Маркса – с предисловием Энгельса (1883 и 1890 гг.). Марксом и Энгельсом было написано также предисловие к русскому изданию КМ (1882 г.), Энгельском – к английскому изданию (1888 г.), к польскому изданию (1892 г.) и к итальянскому (1893 г.).⁶ Эти предисловия также были переведены на верхнелужицкий язык и учитываются при анализе верхнелужицкой общественно-политической лексики. Только в переводе Кречмара отсутствуют упомянутые предисловия к английскому, польскому и итальянскому изданиям. К верхнелужицким изданиям 1948 и 1956 гг. сделаны дополнения в виде переводов Устава Союза коммунистов 1847 г. и статьи Ф. Энгельса "К истории Союза коммунистов" 1885 г. Эти переводы не привлекаются при нашем анализе (в силу особенностей их тематики).

2. Марксистская общественно-политическая лексика первоначально сформировалась в немецком языке, на котором были написаны основные теоретические труды основоположников теории научного коммунизма⁷.

При анализе общественно-политической лексики в немецком тексте КМ бросается в глаза в первую очередь следующее: 1. Часть терминов, представленных здесь, сохраняют свое значение без изменения вплоть до настоящего времени. Это – "ключевые слова" марксистской философии. 2. Другая часть терминов не вошла в основной фонд общественно-политической лексики. Это специфические слова, употребляемые Марксом, которые у него выполняют функцию терминов и создают особый колорит его речи. К таким словам относятся, например, *Arbeitszweig* 'рабочая отрасль или отрасль работы', в.-луж. *wotrijad dźęſta / dźęſtowy wotrijad / dźęſtowa wotnoſka; Ge-*

neinwesen ‘коллектив, коммуна, общество, община’, в.-луж. wosada / zhromadźeństwo; Gesellschaftsglied ‘член общества’, в.-луж. sobystaw towaršnosć; čłon towaršnosć; Selbsttätigkeit ‘самодейственность, проявление личной инициативы’, в.-луж. iniciatiwa / samočinnosc.

К первой группе среди прочих относятся такие термины, как Gesellschaft ‘общество’, в.-луж. towaršnosć; Gesellschaftsordnung ‘общественный порядок, строй’, в.-луж. towaršnostny rjad / towaršnostny porjad; Staatsgewalt ‘государственная власть’, в.-луж. statna moc; Aneignungweise ‘способ присвоения’, в.-луж. wašnje přiswojowanja / wašnje přiswojenja; ausbeuten ‘эксплуатировать’, в.-луж. wuklukać / wuklukować; Ausbeutung ‘эксплуатация’, в.-луж. wuklukanje / wuklukowanje; Eigentumsfrage ‘вопрос собственности’, в.-луж. prašenje swójstwa; Eigentumsverhältnisse ‘отношения собственности’, в.-луж. swójstwowe počahi / swójstwowe pomery / wobsedženske počahi / pomery swójstwa; Grundeigentum ‘земельная собственность’, в.-луж. ležownostne wobsedzenstwo / ležownostne swójstwo / ležownostne swójstwa; Klassencharakter ‘классовый характер’, в.-луж. stawowy raz / klasowy charakter; Klassengegensätze ‘классовые противоречия’, в.-луж. stawowskie napréciwstwa / napréciwstwo stawow / klasowe napréciwstwa / klasowe přeciwicki; Lohnarbeit ‘наемный труд’, в.-луж. najate dźělo; Privateigentum ‘личная собственность’, в.-луж. wosobinske wobsedzenstwo / priwatne wobsedzenstwo / wosobinske swójstwo / priwatne swójstwo; Produktionsinstrumente ‘орудия производства’, в.-луж. stroje produkcije / zhotowenske nastroje / produkcie instrumente; Produktionsverhältnisse ‘производственные отношения’, в.-луж. zhotowenske počahi / zhotowenske pomery / pomery produkcije / pomery produkowanja / produkčne pomery / produkcie pomery; Überproduktion ‘излишки производства’, в.-луж. nadprodukcia; Absatzmärkte ‘рынок сбыта’, в.-луж. wiki ‘wotbywanišćo / wotbytne wiki; Überbau ‘надстройка’, в.-луж. horni twar / nadtwar; Arbeiterklasse ‘рабочий класс’, в.-луж. dźělačerska worsta / dźělačerski staw / dźělačerska klasa / dźělačerstwo; Proletarier ‘пролетарий’, в.-луж. proletariat (!) / proletar; Parteiprogramm ‘программа партии’, в.-луж. program strony; Vorhut ‘авангард’, в.-луж. předwojsko / předhoń / avantgarda. Далее мы обратимся в первую очередь к этой группе.

Она включает слова, которые относятся к определенной системе специальных (профессиональных) терминов. Однако они употребляются не только специалистами. Поэтому по сравнению со словарями, принадлежащими сфере естественно-технических наук, они не обладают столь ярко выраженным терминологическим характером⁸. Поэтому приблизительно с начала XX в. для некоторых из них появляются верхнелужицкие эквиваленты (например, в.-луж. *wuklukow-wać* для нем. *ausbeuten*)⁹. Включение этих слов в самые большие словари, появившиеся до Второй мировой войны – немецко-лужицкий словарь Резака¹⁰ и лужицко-немецкий словарь Краля¹¹ – носит случайный, спорадический характер. Еще меньше их в более раннем лужицко-немецком словаре Пфуля¹².

Данные названных выше трех словарей дают возможность представить общую картину употребления определенного, выборочного круга лексики ко времени появления первых верхнелужицких переводов марксистской литературы, то есть к 40-м гг. XX в.

	Пфуль (1866)	Краль (1927)	Резак (1920)
Gesellschaft	towarstwo 'общество, союз, объединение', spoj... 'общество, общность, единство, единение' – towars-ność 'общение, общительность'	towarstwo 'Союз, общество, товарищество', towars-niatwo 'товарищество, общество, общественная жизнь' – towars-ność 'общение, общительность'	towarstwo, towarsništvo..., społktowarsność 'общительность, обходительность'
Gesellschaftsordnung	–	–	–
Staatsgewalt	–	statna moc 'государственная власть'	statna moc 'государственная власть'
Aneignung-sweise	–	–	–
ausbeuten	–	–	–
Ausbeutung	–	wuklukanje 'эксплуатация'	–

Eigentumsfrage	-	swójstwo 'собственность'	wobsedzeństwo, wobsydstwo..., swójstwo 'собственность'
Eigentumsverhältnisse	-	swójstwo 'собственность'	wobsedzeństwo, wobsydstwo..., swójstwo 'собственность'
Grundeigentum	-	-	leżownostne wobsedzeństwo 'земельная собственность'
Klassencharakter	-	-	stawowy duch 'классовый дух' knježtwo stawow 'классовое господство'
Klassengegensätze	-	-	stawowy duch 'классовый дух', knježtwo stawow 'классовое господство'
Lohnarbeit	-	najate dźēļo	najate dźēļo 'наемный труд'
Privateigentum	-	-	wosobinske wobsedzeństwo 'частная собственность'
Produktioninstrumente	-	-	nastroj//strój/-oja 'орудие'
Produktion-verhältnisse	-	poměr 'отношение'	poměr 'отношение'

Überproduktion	-	-	přeplahowanje, naplahowanje 'производство, выведение излишков'
Absatzmärkte	-	wiki 'рынок сбыта' wotbywaniščo 'рынок сбыта'	wiki 'рынок сбыта'
Überbau	-	-	nadtwar, nadetwar..., zwjerchny/zwjersny twar 'надстройка'
Arbeiterklasse	-	džělacerstwo 'рабочий класс'	džělacerstwo, džěłarnistwo 'рабочий класс'
Proletarier	-	-	khudzinc, khudzinka 'пролетарий'
Parteiprogramm	-	strona 'партия'	- strona 'партия'
Vorhut	předhoń -nja 'авангард'	předhoń, -ónj a 'авангард'	воен. předhoń, -nja..., předwojsko 'авангард, передовой отряд'

Таким образом, в 1946 и 1948 гг. Кречмар и студенты, переведившие КМ, располагали лишь очень скромным, преимущественно нетерминологическим словарным материалом. Переводы в значительной мере свидетельствовали с языковой компетенции их авторов. В 1954 г. вышел в свет "Верхнелужицко-немецкий словарь" Ф. Якубаша¹³. В нем нашел отражение процесс постепенного развития и закрепления в верхнелужицком литературном языке общественно-политической лексики. Последующие переводчики с немецкого языка могли найти здесь современные эквиваленты для большинства названных выше выборочных терминов, а именно:

- нем. *Gesellschaft* – в.-луж. *towaršnosć* (также *Geseligkeit*)
Gesellschaftsordnung – *towaršnostny porjad*
Staatsgewalt – <*statna moc*>¹⁴
ausbeuten – *klukać, wuklukać, wuklukować*
Ausbeutung – *klukanje, wuklukanje, wuklukarstwo*
Grundeigentum – <*lěžownostne swojstwo*>¹⁴
Klassencharakter – <*klasowy charakter*>¹⁴
Klassengegensätze – <*klasowe napréciwstwa*>¹⁴
Lohnarbeit – *najate dźeło*
Privateigentum <*priwatne swojstwa / priwatne wobsedzenstwo*>¹⁴
produktionsverhältnisse – <*produkcijske pomery*>¹⁴
Absatzmärkte (у Якубаша *Absatzgebiet-wotbywanišćo*)
Arbeiterklasse <*džełac̄erska klasa*>¹⁴
Proletarier – *proletar, -a*

Только для слов *Aneignungsweise*, *Eigentumsfrage*, *Eigentumsverhältnisse*, *Produktionsinstrumente*, *Überproduktion*, *Überbau*, *Parteiprogramm* и *Vorhüt* в словаре Якубаша нет соответствующих верхнелужицких эквивалентов¹⁵.

С конца 50-х гг. начал выходить отдельными тетрадями стандартный орфографический словарь П. Фёлькея, а в 1970 г. он впервые был опубликован в виде отдельной книги¹⁶. В нем также нашла свое место общественно-политическая лексика¹⁷.

Далее мы сопоставили три указанных перевода КМ (КМ, 48; КМ, 56; КМ, 69) с переводами произведений М.И. Калинина (К, 46)¹⁸ и упомянутой выше речи В.И. Ленина (Л, 48)¹⁹. В результате этого сравнения могут быть определены следующие линии развития общественно-политической лексики²⁰ в верхнелужицком литературном языке после 1945 г.:

I. Значительное число верхнелужицких эквивалентов, употребляемых в КМ, 56, вошло в обычное употребление. Речь идет о следующих терминах: *klasa* (КМ, 48: *woršta*, также в К, 46)²¹, *staw*, *klasowy* (КМ, 48: *stawowski*)²²; *stawowskie zdížlanje*, *stawowskie napréciwstwa*, *priwatne swojstwo* (КМ, 48: *wosobinske swojstwo / wosobinske wobsedzenstwo*), *produkcijski* (КМ, 48): *zhotowjenski*: *zhotowjenske nastroje*), *robočanstwo* (КМ, 48: *njewolnistwo* ‘баршина’), *njewolnistwo* ‘рабство’ (КМ, 48: *wotročstwo*), *njewólnik* ‘раб’

(KM, 48: *wotročk*), *buržuaz* (KM, 48: *měščak*²³, *małobyrgar* ‘мелкий буржуа’ (KM, 48: *małoměščak*), *małobyrgarski* (KM, 48: *małoměščaski*), *małobyrgarstwo* (KM, 48: *małoměščastwo*), *robočan* ‘барщинный крестьянин, барщинник’ (KM, 48: *niewólnik*), *plebej* ‘плебей’ (KM, 48: *plebej*), *cechowy*²⁴ ‘цеховой’ (KM, 48: *zjednoczeństwowy*: *zjednoczeństwo* *mištrojo*), *srzedźowěk* ‘средние века’ (KM, 48: *srzedźny wěk*), *towaršnostny porjad* ‘общественный строй’ (KM, 48: *towaršnostny rjad*²⁵, *socialdemokratija* (KM, 48: *socialna demokratija*).

II. Развитие общественно-политической лексики в период с 1946 г./1948 г. до конца 60-х гг. характеризуется тенденциями интернационализации, особенно в сфере терминологической лексики. Такие тенденции свойственны в большей или меньшей степени общественно-политической лексике всех языков, распространенных на территории стран бывшего социалистического лагеря. Именно они являются основой большей унификации в области семантики²⁶ этих языков. Но в верхнелужицком литературном языке этот процесс мог одержать верх только тогда, когда в послевоенные годы в развитии языка перестали действовать определенные пурристические тенденции. Наглядным примером этого является судьба немецкой лексемы *Fabrikat* в KM, эквивалентом которой у Кречмара (KM, 48) является *tworniska tworizna* (в KM, 56: *produkt*; в KM, 69: *fabrikat*).

Интернационализация в серболужицком языке касается главным образом тех лексем, которые уже в немецком языке являются интернационализмами, ср.

	KM, 48	KM, 56	KM, 69
Armee	<i>wójstwo</i> (также и в K, 46 ²⁷)	<i>armeja</i>	<i>armeja</i>
Klasse	<i>woršta/staw</i>	<i>klasa</i>	<i>klasa</i>
komerziell	<i>wobchodny</i>	<i>komercialny</i>	<i>komercialny</i>
Konsumtion	<i>přetrjeba</i>	<i>konsumcija</i>	<i>konsumcija</i>
Machine	<i>strój,-oja</i> (K, 46, N.pl. <i>stroje</i>	<i>mašina</i>	<i>mašina</i>

Ökonom	narodohospodar	narodny hospodar	ekonom
Profit	dobytk	profit	profit
Rentier	njezastojnik	rentnar	rentier
zirkulieren	wobběhować	wobběhować	cirkulować
Kommunikation	převožowanje	konunikacija	komunikacija
Industrie	přemyslō (так же K, 46)	přemysl/industria	industrija
industriell	přemysłowy	přemysłowy / industrialny	industrialny
Individuum	jednotliwē	jednotliwē	indiwiduum
Philanthropie	ludźipréčelnosć	filantropija	filantropija
Bourgeois	měščak ^{?8}	buržuaz	burzuaz
Domestike	służownik	służownik	domestik
Fabrikant	twornik	fabrikant	fabrikant
Industrieller	přemyslnik	přemyslnik / přemyslnik	industrialny
Pauper: zum Pauper werden	cyle schudnyc	stawać so z chudakom	stać so z pawperom
Assoziation	stowaršenje / združenje / združowanje	zjednoćenstwo / stowaršenje / združenje	asociacija
Koalition	twarzstwo	zwjazk	koalicija
modifizieren	měnić	měnić	modifikować
oppositionell	napřečiwny	opoziciski	opoziciski
profan	bjezbožny	swiętny	profany
Rebell	spjećowar	naštykar	rebel
reaktionär	zadkarski / reakcionarny	reakcionarny	reakcionarny

Но в одном случае для немецкого автохтонного слова зафиксирован серболужицкий интернационализм, ср. awantgarda (КМ, 69) для нем. Vorhut (КМ, 48): předwojsko; КМ, 56: předhoń, м.р.

III. Из нескольких серболужицких эквивалентов к одному и тому же денотату, который в немецком языке представляет композитум, обычно терминологизируется один или два. Таким образом число лексических вариантов редуцируется, ср.

	KM, 48	KM, 56	KM, 69
Arbeits- 'работающий'	dźělawy, ... k dźělu, ... dźěla, dźělanski	dźělowy, dźěla- wy, ... dźěla, dźělanski	dźělowy
Примеры:	dźělawe nastroje, móć k dźělu, produkt dźěla, dźělanski čas	dźělowe inst- rumenty, dźě- lawe instru- menty, dźělowa móć, produkt dźěla, dźělanski čas	dźělowe inst- rumenty, dźělowa móć, dźělowy produkt, dźělowy čas
Klassen ²⁹ 'классовый'	stawowski, ... stawow	klasowy	klasowy
Примеры:	stawowskie nap- řeciwstwa, nap- řeciwstwa staw- ow, stawows- ke wojowanja, wojowanie stawow	klasowe napře- ciwstwa, kla- sowe wojo- wanie	klasowe pře- ciwki, klas- sowe wojowanie
Produktions- 'производст- венный'	...produkcie, ...k produkciji, produktiwny, produkčny, zhō- towjenski, ...zhotowjenja	...produkcie, ...produkowanja produkisci, produktiwny	produkisci, ...produkcie
Примеры :	nastroje produk- cije, zhotowjen- ske nastroje, pro- duktiwné mocy, srědkí k produk- ciji, produkčne poměry, wašnje zhotowjenja	produkcske in- strumenty, pro- duktiwné mocy, srědkí pro- dukciye, poměry produkowanja	produkcske in- strumenty, wašnje produk- cije

IV. Об отдельных лексемах.

(1). Значение некоторых серболужицких лексем, относящихся к области общественных наук, в течение двух десятилетий не оставалось постоянным. Так, слову 'Bourgeois' в KM, 48 соответствует *měščak*, но позднее – *buržuaz*. Слово *měščak* наряду со словом *buržuaz* употребляется во всех трех изданиях KM в соответствии с немецким словом 'обыватель, мещанин' 'Spiessbürgér'; в KM, 48 и KM, 69 появляется, кроме того, производное от этого слова прилагательное: KM, 48 – *měščaski*³⁰, KM, 69 – *měščakowski*. Слово *staw* во всех трех изданиях выступает как эквивалент нем. *Stand* 'сословие', слово *woršta* – нем. *Schicht* 'слой'. Обе лексемы в KM, 48 являются эквивалентом нем. *Klasse* 'класс'. Для нем. *Handel* 'торговля', кроме в.-луж. эквивалента *wikowanje*,ходим в KM, 48 и KM, 56 также слово *wobchod*, а для *Handels* – 'торговый' – аналогично *wobchodny* и ... *wobchoda* (KM, 48: *wobchodne twory* 'товар', KM, 48 / KM, 56: *wobchodne krízy* 'торговый кризис'; KM, 48 / KM, 56: *swoboda wobchoda* 'свобода торговли'). Но *wobchod* в KM, 48 является также эквивалентом для нем. *Transportwesen* 'транспортное дело'. Если в первой части немецких слов выступает 'Verkehrs' 'транспортный', то в верхнелужицком языке (KM, 48) в соответствующих словах выступает ... *wobchoda* 'способ сообщения', и прилагательное *wobchodny*: *wašnje wobchoda* 'способ сообщения', *wobchodne srédky* 'средства сообщения'.

(2) Немецкому слову *Proletarier* во всех трех изданиях KM соответствует в.-луж. *proletar*, а в Л, 48 – *proletarij* (*klasa proletarijiw*), которые происходят из латинского *proletarius*³¹.

Морфологическая характеристика слова *proletar* в указанный период времени менялась. В 40-х гг. Это слово имело основу на мягкий согласный, а начиная с 50-х гг. – на твердый согласный. Например:

KM, 48	KM, 56	KM, 69
dźělo proletarjow	dźělo proletarow	dźělo proletarow
spłodźić modernych	spłodźić modernych	spłodźić modernych
dźělaćerjow, proletarjow	dźělaćerjow, proletarow	dźělaćerjow, proletarow
proletarjowe dźělo	proletarowe dźělo	proletarowe dźělo

Следует сравнить названия первых месяцев года: *januar* и *februar*. Еще в КМ, 56 они выступают с мягкой основой, а в КМ, 69 — с твердой;ср. лат. *ianuarius*³² и *februario*³². Вероятно, при адаптации этих слов в серболужицком латинская морфема *-i-* могла восприниматься как признак мягкой основы³³.

V. Общественно-политическая лексика, представленная в трех переводах КМ, дает интересный материал для наблюдений в области словообразования, а именно с точки зрения адаптации немецких морфем *-ismus* и *-ist*, перевода немецкого прилагательного *revolutionär* и образования относительного прилагательного от существительного *buržuazija*.

(1) = *ismus*.

Между КМ, 48 и двумя более поздними переводами обнаруживается четкое различие: КМ, 48: *-ismus* (*komunismus*, *pauperismus*, *proudhonismus*, ...); то же самое и в К, 46 (*heroismus*, *demokratismus*, ...). В косвенных падежах — *-us* выпадает. Засвидетельствован Р. ед. *komunisma* в КМ, 48.

КМ, 56 / КМ, 69: — *izm* (*pauperizm*, *proudhonizm*, ...).

В Л, 48 употребляются обе формы: *komunismus*, *komunizm*, *socializmus*, *kapitalizm*, *marxizm*.

М. Кречмар испытал здесь влияние чешской словообразовательной модели.

(2) *-ist*.

Влияние чешской словообразовательной модели на Кречмара сказалось также при адаптации морфемы *-ist*. Начиная с КМ, 56 и в Л, 48 употребляется исключительно морфема *-ist* (*kapitalist*, *komunist*, ...); в КМ, 48 выступает только по одному разу *-ist* и *-ista* (*socialist*/*kapitalista*) в К, 46: *komunista*.

(3) *revolutionär*

Немецкому прилагательному *revolutionär* соответствует в КМ, 48 в большинстве случаев *revolučny* (так же и в Л, 48: *najrevolučně klasa* (!), только в двух случаях — *revolucionarny*. (В КМ, 56 и КМ, 69 употребляется исключительно *rewolucionarny*). В К, 46 Кречмар употребляет *revoluciski* : *revoluciske hibanje*.

Возникновение серболужицкого эквивалента *revolučny* обязано чешскому слову *revoluční*, поскольку Кречмар явно опирался на

ческий перевод КМ и до начала переводческой деятельности в течение десятилетий жил в Чехии.

(4) *buržuaz...*

В КМ, 48 (и в К, 46) относительное прилагательное образуется от существительного *buržuazija* с помощью суффикса *-ijn-*, а в КМ, 56 и КМ, 69 – с помощью суффикса *-n-*:ср. КМ, 48 *buržoasijny* (*buržoazijny socialismus*); КМ, 56/КМ, 69 *buržuazny* (*buržuazny socialismus*)..

В послевоенные годы в словах иностранного происхождения был очень распространен суффикс *-ijn-*. В серболужицком языке он был заимствован из польского языка. Множество образований с этим суффиксом отмечено в орфографических публикациях 50–60-х гг.³⁴, предшествующих появившемуся позднее орфографическому словарю. Интересно, что в Л, 48 уже употребляется суффикс *-n-* (*burgzoazny*).

В настоящее время можно говорить о всестороннем развитии общественно-политической лексики в верхнелужицком литературном языке. Она стала важной составной частью лексики. Основная часть верхнелужицкой общественно-политической лексики восходит к терминологии, характерной для второго и третьего изданий КМ. Наиболее полно верхнелужицкая общественно-политическая лексика зафиксирована в четвертом, расширенном и переработанном, издании "Орфографического словаря"³⁵, а также в таких лексикографических трудах, как "Немецко-верхнелужицкий словарь" 1986 г.³⁶ и двухтомный "Немецко-верхнелужицкий словарь"³⁷.

Примечания

¹ Marx K. ← Engels F. *Manifest komunistiskeje strony. Wustawki Zwiazaka komunistow. Stawizny Zwiazaka komunistow, Mała knihownja marxisma a leninisma 1, Rjaduje Serbska młodzina w ČSR.*

² См. о нем: Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow, LND, 1984, S. 297–298; Petr J. Miklawš Krječmař (6.9.1891 – 22.6.1967). Přinošk k jeho žiwjenju a skutkowanju //Lětopis A 15/2, 1968, S. 157–174. Там же см. и литературу.

³ Petr J. Miklawš Krječmař... (см. примечание № 2), S. 169 и Nowa doba z dnja 28.6.1967, čo. 147, letn. 21.

⁴ Lenin Włodźiměr I. K młodzинje, 1948, Mała knihownja marxisma a leninisma 2, Rjaduje Serbska młodzina w ČSR.

5 Marx K. / Engels F. Werke, Bd. 4, Berlin, 1959, S. 459–493
(текст), 571–590 (предисловия).

6 Marx K. / Engels F. Werke, Bd. 4... (см. сноска 5), S. 648.

7 См. Razvitije jazykowej žizni stran socialističeskogo sotrudničestva I. Praha, 1987, S. 60. Ср. также отдельные статьи в: Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte 21. Berlin, 1975, которые вышли под названием ‘Arbeiter, Arbeiterklasse, Revolution, Ausbeutung’. Untersuchungen zur Herausbildung gesellschaftswissenschaftlicher Termini bei K. Marx und F. Engels.

8 Ising E. / Kraus J. / Ludwig K.-D. / Scherrer R. Die Sprache in unserem Leben. Leipzig, 1988. S. 167; см. также Razvitije jazykowej žizni..., S. 63.

9 C.M. Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1981, S. 562; Schuster-Šewc H. Pčoły klukać a dželácerjow wuklukować // Nowa doba z dnja 3.9. 1977, čo. 207, lětn. 31, S. 10 (Předženak); Jenč H. V znamjenju Čerwjeneho oktobra (Minuta serbščiny) // Nowa doba z dnja 14.11. 1987, čo. 268, lětn. 41, S. 4 (Předženak).

10 Rězak F. Němsko-serbski wšowědny słownik hornjolužiskeje rěče. Bautzen, 1920.

11 Kral J. Serbsko-němski Słownik hornjołužiskeje rěče. Budyšin, 1927.

12 Pful K.B. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

13 Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik / Oborsorbsch-deutsches Wörterbuch. Budyšin. 1954.

14 Образованные по образцу, данному Якубашем.

15 Косвенным указанием на адекватный перевод являются у Якубаша заглавные слова статей или соответствующие грамматические формы: priswojenje ‘присвоение’, swojstwo/wobsedzenstwo ‘собственность’, nastroje ‘инструменты’, strona ‘партия’.

16 Hornjoserbski šulski prawopisny słownik, LND, 1962; Hornjoserbsko-němski słownik. Prawopisny słownik hornjoserbskeje rěče. LND, 1970.

17 О значении послевоенных лексикографических трудов для консолидации верхнелужицкого литературного языка см. Трофимович К.К. Борьба за культуру речи как важнейший аспект языкового строительства в современной Лужице // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988, с. 202–225, с. 211.

- 18 См. *Kalinin M.I. Słowjenjo a wójna*. W čim tči móć Sowjetskeho stata, W Budyšinje 1946 <Slowjanske rozhlady, čo. 11, Rjaduje Włodź. Zmeškal, 1946, Koło přećelow serbskeho pismowstwa>.
- 19 *Lenin Włodźimierz I.* K młodziny, 1948...
- 20 Речь идет в первую очередь о существительных, в меньшей степени – о других частях речи.
- 21 Но в Л, 48 выступает уже *klasa*, например, *najrewolučniša klasa, klasa kapitalistow*.
- 22 Но в Л, 48 – *klasowy*, например, *klasowe wojskanie, klasowy bój*.
- 23 В Л, 48 уже *buržoaz*.
- 24 См. в польском *cechowy*.
- 25 В Л, 48 выступает и *towaršnostny rjad*, и *towaršnostny porjad*.
- 26 Ср. Развитие языковой жизни... (см. примечание 7), с. 52, 60. Наглядный пример на большую унификацию в интернационализмах по сравнению с автохтонными словами приводится в книге: *Ising E./Kraus I....* (см. примечание 8), S. 216–217, где речь идет о конфронтации немецкого слова *rückschrittlich* и интернационализма *reaktionär*.
- 27 В К, 46, кроме этого, также и *wójsko*. В Л, 48 выступает уже *armeja*.
- 28 См. примечание 23.
- 29 В Л, 48 наблюдается следующее: *klasowy, ...klasow: klasowe wojskanie, wojskanje klasow*.
- 30 В КМ, 48 *měščaski* является эквивалентом и для *bürgerlich: měščaska swójba, měščaske swójstwo*.
- 31 См. *Lateinisch-deutsches Taschenwörterbuch... auf Grund des Schulwörterbuchs von F.A. Heinichen*. Leipzig, 1961; Jenc H.W znamjenju... (см. примечание 9).
- 32 Heinchen F.A. (см. примечание 31) и *Swětlik J.H. Vocabularium latino-serbicum, Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Frido Michałk*. Bautzen, 1988.
- 33 В словаре Краля (см. примечание 11) – *januar, -a, no februar, -ja*.
- 34 См. примечание 16.
- 35 LND, 1981 (см. также примечание 16).
- 36 LND.
- 37 *Deutsch-obersorbisches Wörterbuch, I, A–K.* Bautzen, 1989.

С. Вёльке (Лейпциг)

К ПРОБЛЕМЕ ГРАНИЦ ФРАЗЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕЛУЖИЦКОЙ ФРАЗЕМЫ, СОДЕРЖАШЕЙ КОМПОНЕНТ *МЕС*

Собирание пословиц и других фразеологизмов, первоначально служившее прежде всего выполнению этнографических, стилистических или лексикографических задач, имеет в сорабистике длительную традицию, уходящую корнями по меньшей мере в начало прошлого столетия¹. Однако исследования по фразеологии, развернувшиеся на протяжении последних десятилетий, долгое время лишь в небольшой степени уделяли внимание серболужицкому языку. Впервые под этим углом зрения рассмотрел верхнелужицкий фразеологический материал Л.Н. Ройзензон (1964) в своей работе, посвященной сравнительному анализу специальной группы фразеологизмов в верхнелужицком и чешском языках. Из последующих трудов по этой тематике, выполненных в 70-е гг., следует назвать дипломные работы Г. Рихтера (1976) и С. Хозе (1984), в которых для исследования ограниченного корпуса верхнелужицкого языкового материала использовались определенные фразеологические теории. Лишь в последнее время верхнелужицкая фразеология по-настоящему попала в поле зрения специальных исследований. В 80-е гг. появился ряд работ по этой тематике, принадлежащих перу А.А. Ивченко и автора этих строк². В них речь шла, в частности, об определенных структурных типах фразем (таких, как, например, соматизмы и сравнения), а также проблемы лексикографического изложения фразеологии. Диссертация А.А. Ивченко (1987) посвящена определению места верхнелужицкого фразеологического фонда в контексте славянских языков на основе сравнительного анализа обширного фразеологического материала из верхнелужицкого и других славянских языков.

В свою очередь, автор этих строк в своей диссертации (Вёльке, 1989), обращается к синтаксической интерпретации верхнелужицких вербальных фразем, определению их места в контексте, что достигается, в частности, анализом их структур и валентности. На основе этой работы и возникла предлагаемая статья, которую можно рассматривать как вклад в теоретическую дискуссию по изучению фразеологии³. Рассматриваемая в статье проблематика – определение границ фразем на синтагматическом уровне – имеет большое значение для практической постановки лексикографических и дидактических задач⁴. Речь идет о том, чтобы в конкретном тексте уметь отделить фразему от ее окружения; это является основой для определения тех обобщенных фразеологических единиц, чьи семантические, синтаксические и комбинаторные свойства предстоит установить. Неясность в этом вопросе может привести, к примеру, в лексикографической практике – к ошибочности или неполноте помещенного в словаре материала, и тогда словарь не в состоянии предоставить достаточной информации о правильном употреблении той или иной фраземы. Это относится к компонентам фразем с неизменяемым значением (например, *slny a wózhor bješec* ‘бурно, навзрыд плакать’ – пропуск глагола с неизменяемым значением делает не понятным употребление и смысл оставшегося оборота). В лексикографической практике зались элементов из окружения фразем бывает весьма различной. Иногда они представлены существительным или личным местоимением. Это приводит к мысли, что они как не взаимозаменяемые компоненты относятся к внутренней структуре фраземы (ср., например, Трофимович, 1974, 270 *mi sadjo rosće*; *ebenda*, 309 *ju porsty swjerbjia*; Rězak 1920, 143 *džesću spochi huba na kdyošće wisa*). Для того, чтобы установить принадлежность фраземы к тому или иному синтаксическо-функциональному классу фразем и выявить ее синтаксические свойства, важно определить границы фраземы на синтаксическом уровне. При этом большое значение имеет, к примеру, решение вопроса о фраземной принадлежности глаголов; особенно трудно оно, если глаголы обладают чрезвычайно широким значением, такие, как *być* ‘быть’ и *měć* ‘иметь’ (ср. *dobrē mјeno měć*).

Точка зрения на нахождение границ, отделяющих фразему от окружающего контекста, тесно связана с отношением к содержанию термина "фразеология" (узкому или широкому его пониманию). При ус-

становлении границ фраземы в каждом отдельном случае необходимо придерживаться тех же самых критериев (идиоматичность или стабильность), которые выдвигаются на первый план при определении фраземы⁵.

Те, кто толкует термин "фразеология" в очень узком смысле слова, кладут в основу своего заключения о фразеологическом характере словесной связи представление о ее идиоматичности, причем под идиоматичностью следует понимать переосмысление всех компонентов. Отсюда следует, что определение фраземных границ сводится к следующей процедуре: решающим для установления принадлежности или непринадлежности той или иной лексемы к числу фраземных компонентов является переосмысление этой лексемы. Все лексемы, несомненно сохраняющие свое первоначальное значение, обнаруживаемое и вне фразеологического контекста, принадлежат не фраземе, а ее окружению. Эту крайнюю точку зрения высказывает, например, Телля (1969, 200 f.): "Мы будем считать элементами лексической протяженности только те члены сочетания, которые имеют "единичный перевод". Так, в обороте "переполнить чашу терпения" последняя лексема, считает этот автор, относится к фраземному окружению, поскольку она не подверглась переосмысливанию. В работах Жукова (1986, 10, 251) переосмысление также избрано основополагающим критерием для суждения о принадлежности к фраземе. При этом Жуков все-таки приходит к пониманию того, что не в каждом случае возможно и не всегда имеет смысл проводить однозначную границу между фраземой и ее окружением (124). Он усматривает наличие текучих переходов между понятиями: компоненты, слова-компоненты, компоненты-сопроводители и слова-сопроводители. Последние, в частности, ввиду своей лексической, семантической и грамматической самостоятельности стоят уже вне фраземы. Однако Жуков находит достаточно обоснованные аргументы и для того, чтобы включить такие слова-сопроводители в состав фраземы.

Представление об идиоматичности как полном или частичном переосмыслинии или как о семантической комплексности лежат в основе высказываний Й. Млацека по поводу фраземных границ. Й. Млацек (1970) очень метко формулирует пункт, наиболее затруд-

нительный в решении вопроса о принадлежности или непринадлежности к фраземе: это – граница между факультативными компонентами и окружением фраземы. Существенным для того, чтобы признать ту или иную лексему компонентом фраземы, Млацек считает, помимо переосмыслиния лексемы, ее участие в придании смысла всей фраземе в целом (Млацек, 1970, 205): “*do fr.j. sa potom zahrnujú iba tie slova, ktoré úplne alebo čiastočne stratili vlastný význam a majú podiel na utváraní celkového významu slovného spojenia*”.

Другой и, по моему мнению, более перспективный путь решения проблемы фраземных границ, открывается, если принять во внимание несколько критериев при определении принадлежности какой-либо лексемы к фраземе, а именно критерии стабильности и воспроизводимости наряду с синтаксическо-функциональной и семантической целостностью фраземы. По этому пути пошел М.И. Сидоренко (1964), который был первым, кто в специальной работе занялся рассмотрением вопроса о фраземных границах на синтагматическом уровне. Исходя из определения фразеологии, в основе которого – представление о его устойчивости, семантической целостности и метафорическом значении, Сидоренко выводит правило фраземной принадлежности лексемы, подкрепленное как семантической, так и синтаксической мотивацией (ср. также Н.М. Шанский, 1985, 41): “... слова, которые постоянно сочетаются с фразеологической единицей, не входят в ее состав, если без них она представляет собой грамматически оформленную структуру, а ее смысловое содержание – законченное целое” (Сидоренко, 1964, 129). Такая всесторонне обоснованная процедура установления фраземной принадлежности лексемы скорее всего соответствует той концепции, которая подразумевает, что фразеология может включать в свою сферу также и частично идиоматичные устойчивые конструкции, так как создает основу для включения в состав фразем таких лексем, которые не подверглись переосмыслинию⁶. Синтаксические критерии хорошо подвергаются проверке при помощи тестов, основанных на исключении или замещении (элиминации или субSTITУции) и других трансформациях. В качестве примера продемонстрируем здесь на верхнелужицком материале, как решается вопрос о принадлежности к фраземам глагола *męć*.

* * *

Исходя из того, что фраземы могут быть полностью или частично идиоматичны, относительный глагол *měs* способен непосредственно входить в состав фраземы, в том числе и тогда, когда он не подвергается никакому заметному переосмыслинию. Со своей стороны, именная часть в определенных конструкциях обладает такой синтаксической и грамматической самостоятельностью, что часто в предложениях она выражает тот же самый смысл и без этого глагола. В верхнелужицких словарях значению глагола *měs* дается лишь суженное толкование. И так обстоит дело со всеми двуязычными словарями, какие бы эквиваленты глагола *měs* – польские, русские или немецкие – в них ни содержались. Что касается оттенков значения, частично связанных с валентными различиями, то они иногда находят отражение среди примеров⁷. Если же, наряду со словарями, принять во внимание информацию, содержащуюся в грамматиках Шевца (1968), Фасске–Михалка (1981), то можно прийти к заключению, что *měs* (если отвлечься от выделяющегося своей валентностью варианта *měs někoho za něčto*) выступает в трех функциях: 1) в качестве полнозначного глагола он выражает отношения, причем не только отношение собственности или принадлежности (Фасске–Михалк, 1981, 93), но и отношение включения, вмешения (Якубаш, 1954, 176) и т.д.⁸; 2) в качестве модального глагола выступает в связи с инфинитивными конструкциями; 3) как связка – в конструкциях с процессуальным причастием полнозначных глаголов, с прилагательными или с несклоняемыми прилагательными, такими, как, например, *rady*, *nuzne*.

Во фразеологическом материале *měs* чаще всего выступает как полнозначный глагол. Напротив, примеров, где *měs* выступает в качестве связки – только пять (*něčhto ma kowu połnu rózynkow*; *něčhto ma ruce połnej džěla*; *něčhto ma kanal połny*; *něčhto ma klamu połnu*; *něčhto ma někoho, něčto syte*). Поскольку полнозначный глагол *měs* обладает довольно широкой семантикой, его переосмыслиние в качестве фраземного компонента показать трудно. Из-за этого, например, Э. Мичри [Митши] (1979) в большом количестве немецких фразем считает глагол *haben* не компонентом, а частью фраземного окружения. К такому решению она приходит с помощью теста на получение номинативной (назывной) конструкции, который

она считает возможным применять по отношению ко всем этим фраземам. Конечно, такой вывод не свободен от субъективности –ср. ее пример: Peter hat einen langen Arm → Peter mit dem langen Arm. Ср. также в.-луж. пример: Jan ma doma poslednje słowo →* Jan s poslednim słowem doma; Jan ma ptačka. →* Jan z ptáčkom; Jan ma dobre namjeti na skladźe. →* Jan z dobrymi namjetami na skladźe. Возможность упомянутой трансформации (получение номинативной конструкции с помощью элиминации *měć* и обязательного перехода *Sa* → *pSi* с предлогом *z*) по крайней мере в верхнелужицком языке является правилом для глагола *měć*. Она имеет место при размещении предложения с *měć* внутри рамочной конструкции (Фасске –Михалк, 1981, 439). При этом сохраняется отношение, выраженное глаголом *měć*. Поэтому мне представляется, что такой трансформации недостаточно, чтобы исключить участие *měć* в придании фраземе смысла; ведь глагол *měć* способен сохранять это синтаксическое свойство и в составе фраземы. В случае, когда в результате преобразования образуются конструкция с предложными группами с *z* (или с *byez*, если *měć* в исходном предложении подвергается отрицанию), можно было бы говорить об окказиональных синтаксических вариантах (ср., например, Jan ma wutrobu na prawym blaku. – Jan je kadla z wutrobu na prawym blaku).

При решении вопроса о фраземной принадлежности глагола *měć* прежде всего следует принять во внимание семантический критерий переосмысления. В свободном употреблении *měć* представляет собой глагол, выражающий отношение (см. выше). Некоторые из известных фразем с этим глаголом предполагают напротив активно действующий агенс, выраженный существительным в позиции субъекта, следовательно, эти фраземы обозначают активное действие⁹. Таким образом, когда решается вопрос о наличии или отсутствии переосмысления, которое касается всего сочетания слов, глагол *měć* не может быть исключен из состава компонентов этой фраземы: *něchtó ma dojhe porsty*; *něchtó ma někoho k norje [za noru]*; *něchtó ma něsto w ruce [w swojimaj rukomaj.]*; *něchtó ma někoho na wotežce*; *něchtó ma někoho, něšto w horšći*; *něchtó ma wulku hubu (na někoho, něšto)*; *něchtó ma wóčko na někoho něšto*; *něchtó ma wotewrjene wucho za někoho, něšto*; *něchtó nima wušow za něšto*; *něchtóma nitki w ruce*; *něchtó ma swojej woči wšudźom*; *něchtó ma wotežki w ruce [w swojich rukach]*; *něchtó ma so z prócha*; *něchtó ma so k tomu* (в последних двух

примерах присутствует рефлексивный глагол *so těć*, который, кроме субъектного дополнения, требует еще и указания на направление действия глагола).

Структурные критерии, которые используют при определении фраземной принадлежности той или иной лексемы (обычно это делается с помощью трансформационных тестов), в основе своей исходят из представления о стабильности фраземы. Если принадлежность глагола *těć* данной фраземе вызывает сомнения, то логическим следствием этого должно стать зачисление "остатка оборота" в некий неглагольный функционально-сintаксический фраземный класс, и только на основе его семантических и синтаксических особенностей. В случае с теми конструкциями, содержащими *těć*, которые содержат *Sa* в качестве постоянного и, как правило, переосмыщенного компонента, можно было бы говорить о субстантивных фраземах. Напротив, в тех конструкциях, где *Sa* принадлежит фраземному окружению из "остатка оборота", то есть из предложной группы, должны были бы получиться наречные фраземы. Исходя из этого, подвергнем необходимым исследованиям фраземы, о которых идет речь.

A. Фраземы, содержащие *Sa* в качестве компонента. В них следует установить черты, свойственные субстантивной фраземе или переосмыщенному существительному в "остатке оборота": *Sa; Adj + Sa; Sa + pS; SA + pS; Sa + Adj; Sa + Adj + Sg; Adj + Sa + Sg*.

При этом нужно проверить: а) способность (данных элементов) выступать в качестве субъекта; б) способность их выступать в качестве объекта при других глаголах (путем замены ими глагола *těć*); в) способность выступать в роли предиката (предикативного имени) (с глаголом *być*); г) способность появляться в роли обстоятельства в сочетании с предлогами (ср. табл. 1). Такие исследования были проведены по отношению к 43 предполагаемым фраземам, содержащим *Sa*, раздельно по структурным типам (см. выше). Почти сплошное обследование дает поразительные результаты: оказывается, что исследованные фраземы неспособны к функции предикативного имени — а ведь эта функция в целом как раз и считается характерной чертой субстантивных фразем (ср. Гюнтер, 1982, 57). Единственное исключение, которое удалось установить, это *něsto ma swój špak- → Twoja lenjosć je tón špak*.

Тип Sn + měć + Sa или Sn + měć + Adj + Sa (18 примеров) (например, něchťo ma čmjeļu; něchťo ma dubowu hłowu; něchťo ma twjerdu hłowu; něšto ma chorta). Установлено, что существуют как бы два полюса изменчивости, между которыми располагается некая переходная зона (ср. табл. 1). 9 примеров допускают 2 или 3 трансформации; кроме того с ними можно тут же непосредственно произвести трансформацию в рамочную конструкцию путем исключения глагола měć. Вот эти примеры: něchťo ma dubowu hłowu; něchťo ma twjerdu hłowu; něchťo ma dudławu heju; něchťo ma točstu kožu; něchťo ma dobre mjeno; něchťo ma : twjerdy rjap; něchťo ma złotej ruce; něšto ma swój špak; něchťo ma wótrej woči.

Здесь речь идет о всех без исключения предикатах, которые обозначают постоянные признаки вещей или людей (способности, характерные свойства). Значение этих оборотов можно разделить на компоненты, (ср., например, něchťo ma twjerdu hłowu – něchťo ma sylnu, njezlemitu wolu' → Znajemy jeho twjerdu hłowu). Поэтому в таких случаях я бы отнесла měć к окружению фраземы. Субстантивные фраземы или же переосмысленные существительные (например, špak), которые получаются в результате исключения měć из фраземного состава, в дальнейшем мы рассматривать не будем.

Девять примеров допускают лишь одну трансформацию или вообще ни одной; для всех примеров, кроме двух, невозможна и непосредственная трансформация в рамочную конструкцию (něchťo ma čisty lac; něchťo ma zwarjene mozy). Это следующие примеры: něchťo ma čmjeļu; něšto ma chorta; něchťo ma čisty lac; něchťo ma zwarjene mozy; něchťo ma dołhe porsty; něchťo ma ptačka; něchťo ma poslednje słowo; něchťo ma prěnje słowo; něchťo ma zatykane wuši. Кажется естественным охарактеризовать эти примеры как вербальные фраземы.

Таблица 1

Фразема	Трансформация				Рамочная конструкция
	a)	б)	в)	г)	
něchťo ma čmjeļu	—	+	?	?	—
něchťo ma dubowu hłowu	+	+	—	+	+
něchťo ma twjerdu hłowu	+	+	—	+	+
něchťo ma dudławu heju	+	+	—	+	+
něšto ma chorta	—	—	—	—	—

něchtó ma tořstu kožu	+	+	-	?	+
něchtó ma čisty lac	-	-	-	?	+
něchtó ma dobre mjeno	+	+	-	+	+
něchtó ma zwarjene mozy	-	-	-	?	+
něchtó ma dołhe porsty	-	-	-	-	-
něchtó ma ptačka	-	-	-	-	-
něchtó ma twjerdy rjap	+	+	-	+	+
něchtó ma złotej ruce	?	+	-	+	+
něchtó ma poslednje słowo	-	-	-	-	-
něchtó ma přenje słwo	-	-	-	-	-
něšto ma (swój) špak	-	+	+	-	+
něchtó ma wótrej wočí	+	+	-	+	+
něchtó ma zatykanej wuši	-	?	-	-	-

– Тип Sn + měć + Sa + pS/Adv (например, *něchtó ma swojej woči wšudzom*; *něchtó ma jazyk na wuzdze*), 8 примеров.

Эта группа почти не допускает трансформаций, способность выполнять роль субъекта вообще не отмечается; только в двух случаях в этой группе отмечена способность выполнять роль объекта (*něchtó ma nitki w ruce*; *něchtó ma wotežki w ruce* [*w swojimaj rukomaj*], причем это происходит только тогда, когда имеются глаголы, содержащие в качестве семантического компонента ‘habere’/dóstac, dzeržec, dac, wzac. Такие изменения лучше всего считать вариантами (*dzeržec*) или дериватами (*dóstac*, *dac*, *wzac*) фразем с глаголом *měć*. В двух случаях возможна трансформация в именную рамочную конструкцию (To je žonisko z włosami na zubach. Woń je kadla z wutrobu na prawym blaku), но так как именная часть этой фраземы не берет на себя прочих синтаксических функций субстантивных фразем, то глагол *měć* здесь следует отнести к числу фраземных компонентов.

– Тип Sn + měć + Sa + pS / 12 примеров, например, *něchtó ma swoju akciju při*, *na něčim*; *něchtó ma wulku hubu* (*na někoho*, *něšto*). 5 примеров допускают возможность двух или же трех тестов, но и здесь функция предикатного имени не употребительна: *něchtó ma antenu za něšto*; *něchtó ma dobry nós za něšto*; *něchtó ma wulku hubu* (*na někoho*, *něšto*, придаточное предложение); *něchtó ma zbożownu*

ruku; něchť ma wóčko za něšto. Применительно к случаю něchť ma wulku hubu (на někoho, něšto, ...) выше уже был отмечен факт значительного семантического переосмысления, что говорит в пользу интерпретации данного примера как вербальной фраземы. По моему мнению, положительные результаты теста свидетельствуют о том, что вполне приемлемо, помимо вербальной фраземы, зафиксировать и самостоятельную субстантивную фразему wulka huba 'болтливость; хвастливость'. Оставшиеся 4 фраземы описывают опять-таки духовные и другие способности, которые служат для характеристики какого-либо лица. Остаются еще 7 фразем, которые либо вообще не допускают возможность применения теста или она признается с большими оговорками. Эти фраземы, как и в предыдущих группах, можно назвать вербальными: něchť ma akciju při, na něčim; něchť ma karu z někim; něchť ma (swoju) (lubu) nuzu z někim, něčim; něchť ma wjele wyše za někoho; něchť ma wotewrjene wucho za někoho, něšto.

– Типы Sn + měć + Adj + Sa + Sg (něchť ma poňej ruce džěla); Sn + měć + Sa + Adj + Sg (něchť ma hłowu poňu rózynkow) и Sn + měć + Sa + Adj (něchť ma kanal poňy) не допускают применения тестов, лишь в одном случае возможна трансформация в рамочную конструкцию (holčec z hłowu poňej rózynkow). По этой причине они характеризуются как вербальные, тем более, что в двух последних фраземных типах следует отметить семантический сдвиг. При свободном употреблении адъектив описывает в таких конструкциях (например, Jan ma stwu čistu) признак названного в Sa денотата ./stwa je čista) в следующих фраземах дело обстоит не так: něchť ma kanal poňy; něchť ma klamu poňu; něchť ma hłowu poňu rózynkow; něchť ma ruce poňej džěla; то же относится и к фраземе něchť ma někoho, něšto syte (≠ něchť, něšto je syte), компонентом которой Sa не является.

Б. Фраземы с měć, компонентом которых Sa не является. Если měć в таких структурах не рассматривается как компонент фраземы, то оставшиеся предложные группы оказываются адвербиальными фраземами. Поэтому надо проверить, может ли "остаток оборота" выступать в адвербиальной роли и при других глаголах.

– Тип Sn + měć + Sa + pS (19 примеров, например, něchť ma někoho po boku; něchť ma něšto na jazyku).

В следующих примерах выделенные слова не выступают в роли обстоятельств при других глаголах и поэтому их следует оценить как вербальные фраземы: *něchtó ma něšto w horšći*; *něchtó ma něšto we hłowie*; *něchtó ma něšto na chribjeće [rjabje]*; *něchtó ma někoho k norje [za noru]*; *něchtó ma něšto w małym porscé*; *něchtó ma něšto na składźe*; *něchtó ma něšto przed wočomaj*; *něchtó ma někoho na woteżce*; *něchtó ma něšto wokoło wušow*; *něchtó ma něšto na wutrobje*; *něchtó ma něšto w zaku*. Разделение на два предложения, которое возможно при свободном употреблении в таких рамочных конструкциях, остается все же спорным (ср. *Jan ma dźéru w cholowach*. → *Jan ma cholowy. W cholowach je dźera*. Ho *Jan ma matematiku w małym porscé*. → **Jan ma maly porst. W porscé je matematika*).

Огдельные фраземы этого типа могут употребляться, помимо *měć*, также и с *być* (либо *stać*): *něchtó ma někoho po boku*; *něchtó ma někoho, něšto k ruce [k rukam]*; *něchtó ma něšto przed nosom*. Здесь, по моему мнению, *měć* не относится к фраземе: это различные конструкции с предложением, включающим *być*. При этом *być* может являться составной частью фраземы (*něchtó je někomu po boku*; *něchtó, něšto je někomu k ruce*), а может и не являться. В этом случае перед нами адверbialные фраземы, которые могут сочетаться с другими глаголами: *przed nosom*. Примеры *něchtó ma něšto na jazyku*; *něšto leži někomu na jazyku*; *něchtó ma [dzerži] něšto w ruce [w swojimaj rukomaj]*; *něšto je w něčejej ruce [něčejimaj rukomaj]*; *něchtó ma někoho na šiji*; *něchtó lěze někomu na šiju*; *něchtó ma někogo ze šije*; *něchtó lěze [dzę] někomu ze šije* я рассматриваю как вербальные фраземы с дериватами или вариантами¹⁰.

– Тип *Sn + měć + pS*. Речь идет о конструкции, которая в свободном употреблении с глаголом *měć* не употребительна (*něchtó ma za wušomaj*; *něšto ma we sebi*), что уже указывает на фраземную принадлежность глагола. Извините говорить о невозможности трансформации в рамочную конструкцию, так как *Sa* сведено на нет и, таким образом, не может перейти в предложную группу; а также и "остаток оборота" не может выступить в качестве обстоятельства при других глаголах без того, чтобы не утратить своего фразеологического значения.

– Тип Sn + měć + Sa + Adj (něčtō ma někoho, něšto syte). Здесь měć относится к фраземе, так как налицо смысловой сдвиг.

В предыдущем изложении показано, что у определенных фразем можно установить различные степени стабильности отдельных компонентов. Поэтому кажется целесообразным для объективного установления фраземных границ принимать во внимание несколько критериев. При решении вопроса о фраземной границе нельзя полностью исключить известную долю произвольности. Однако надо стремиться к тому, чтобы она была как можно меньше.

Примечания

¹ Ср. подробное изложение обстоятельств этой фразеологической деятельности у Вёльке (в печати). О верхнелужицкой фразеологии в уже опубликованных двуязычных в.-луж. словарях ср. Вёльке 1986.

² См. Ивченко (1985, 1986, 1987, 1988) и Wölke (1986, 1987, 1989).

³ В то время как в последние годы верхнелужицкая фразеология сама уже стала предметом исследования, в нижнелужицком языке такого явления не отмечается.

⁴ На парадигматическом уровне граница фраземы устанавливается с учетом границ ее возможных вариантов, при этом ищут те пределы, внутри которых идентичность фраземы не нарушается. Если же, при замене отдельных составляющих ее частей происходит выход за те допустимые рамки, в которых сохраняется ее значение, то происходит образование новых фразем или же разрушение исходного варианта.

⁵ Здесь, как и в работах Эккерта и Флейшера, в основу рассуждений положено такое представление о фраземе, которое устанавливает следующие критерии для этого центрального понятия фразеологии: фразема есть такое сочетание как минимум двух слов, которое, являясь единицей языковой системы, обладает относительной стабильностью формы, стабильным содержанием и репродуцируется в живой речи. В целом значение фраземы идиоматично. Это значит, что оно не складывается – согласно правилам соединения слов в соответствующем языке – всецело из значений каждого компонента в отдельности, при этом все компоненты или лишь какая-то их часть могут быть переосмыслены. Фраземы не обладают структурой и функцией самостоятельного предложения, они входят в состав предложения на правах его частей или членов.

⁶ Пайдзиньска (1983) также выступает в защиту такого установления границы, которое базировалось бы на всем комплексе критериев; в качестве краеугольного камня она выдвигает здесь представление о семантической и синтаксической независимости "остатка словесного оборота". Такая независимость (автономность) может проявляться, между прочим, в возможности широких словесных связей, но также – и в способности "остаточных" словосочетаний брать на себя различные синтаксические функции.

⁷ Ср. С.Т. Pfuhl (1866, 356) *mēc'*... 'иметь'; *za to tam* 'вместо (за это) у меня есть', *mam so hladač* 'я должен поостеречься'; далее следуют конструкции, для которых есть особые эквиваленты, равно как и префиксальные дериваты. Различается также рефлексивный *so mēc'*, равным образом и *nēčemti*, к *nēkomu mēc'* прилежно следовать кому-либо, чему-либо? Ф. Якубаш (1954, 176) различает семантические нюансы, указывая двоякие немецкие эквиваленты: *mēc'* 'иметь, содержать', различается также глагольный вариант со специфической валентностью: *mēc' za koho*, *čto* 'считать кем-либо, чем-либо, обозначить как что-либо', Рефлексивный *mēc' so* рассматривается в той же статье, кроме того, появляется текст с примером на *mēc'* в качестве модального глагола. К.К. Трофимович (1972, 119) делает различие между *mēc'* как полнозначным глаголом (1. 'иметь') и модальным глаголом (2. 'быть должным, быть вынужденным'), а также *mēc' za nēkoho*, *nēšto* ('считать кем-либо, чем-либо'). Рефлексивному *mēc'* *so* посвящена здесь специальная статья.

⁸ Ср., например, следующие указанные К. Полянским (1980, 380) значения эквивалентов польского глагола *mieć*: 1. *być włączycielem, dysponentem, użytkownikiem czego*; 2. *być całością, w stosunku do czego, zawierającą, składającą się z czego*; 3. *być podmiotem, czynnym odbiorcą, doznawcą czego*; 4. *mierzyć, ważyć, być w pewnym wieku*; 5. *charakteryzować się czym, posiadać jakieś charakterystyczne cechy*.

⁹ Ср. классификацию глаголов в зависимости от их отношения к реальности, предложенную Фасске–Михалком (1981, 86 ff.).

¹⁰ Ср. А.М. Lewicki, В. Rejakowa (1985). Эти авторы создали для таких фразеологических дериватов с общим лексическим компонентом, инвариантным семантическим компонентом и определенными структурными отношениями понятие "фразеологической семьи". Части, из которых она состоит, представляют из себя отдельные фраземы.

Использованные словари

- Jakubaš F. (1954). Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin.
Pfuhl C.T. (1866). Lausitzisch-Wendisches Wörterbuch. Budissin.
Řežák F. (1920). Němsko-serbski wšowědny słownik hornjołužiskeje
rěče. Bautzen.
Trofimowic K.K. (1974). Hornjoserbsko-ruski słownik. Budyšin.

Литература

- Fasske H.-Michalk S. (1981). Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie / Verfasst von H. Fasske unter Mitarbeit von S. Michalk. Bautzen.
- Günther K. (1982). Phrasem und Wortart (am russischen und deutschen sprachlichen Material). // Untersuchungen zur slawischen Phrasenlogie. LS/ZISW/A 95. Berlin. S. 34–61.
- Hose S. (1984). Jan Radyserb-Wjela und seine lexikalischen und lexikologischen Sammlungen, Klassifizierungsversuch der in "Trista metaforiskich hronow" zusammengestallten Phraseologismen. Diplomarbeit (Manuskript). Leipzig.
- Івченко А.А. (1985). Соматическая фразеология верхнелужицкого языка. // Lětopis, A. Bautzen, 32/2. S. 114–120.
- Івченко А.А. (1986). Структурно-грамматичні моделі фразеологізмів верхн'олужицької мові з структурою словосполучення // Проблеми слов'янознавства. Львів, 33. С. 9–99.
- Івченко А.А. (1987). Идеографическое и ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка. Автореферат кандидатской диссертации. Л.
- Івченко А.А. (1988). Опыт создания фразеологического словаря верхнелужицкого языка // Lětopis, A. Budyšin, 35. S. 76–87.
- Lewicki A.M.-Rejakowa B. (1985). Pojęcie rodzinę frazeologicznej // Z. problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. II/pod red. M. Basaja i D. Rytel. Wrocław u.a. S. 95–106.
- Mitschri E. (1979). Idiomatische attributive Wortverbindungen mit substantivischem Kern in der deutschen Gegenwartsprache. Dissertation A (Manuskript). Leipzig.
- Mláček J. (1970). Fakultatívne členy frazeologickej jednotky // Slovenská reč. Bratislava, 35. S. 205–213.
- Pajdzińska A. (1983). Granice związku frazeologicznego jako problem leksykograficzny // Biuletyn Slawistyczny R. VII (1982). Warszawa–Łódź. S. 39–48.
- Polanński K. (1980). Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. Opracowany zespołowo pod red/ K. Polańskiego. Wrocław u.a.

Richter H. (1976). Theoretische Probleme der Phraseologie und Klassifizierung der phraseologischen Einheiten im Obersorbischen. Diplomarbeit (Manuskript). Leipzig.

Ройзензон Л.Н. (1964). К проблеме сравнительного изучения фразеологии славянских языков (чешские и верхнелужицкие фразеологические параллели). // *Prace filologiczne*. Warszawa 18/2. S. 109–122.

Шанский Н.М. (1985). Фразеология современного русского языка. М. Изд. 3.

Šewc H. (1968). Gramatika hornjoserbskeje rěče. 1. zwjazk. Fonematika a morfologija. Budyšin.

Сидоренко М.И. (1964). К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Под ред. А.М. Бабкина. М.–Л. С. 126–130.

Телия В.П. (1969). О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка. М. С. 198–212.

Wölke S. (1987). Wo strukturje hornjoserbskich krutych přirunanjow // *Lětopis*, A. Budyšin, 34. S. 4–10.

Wölke S. (1989). Untersuchungen zur Struktur und Valenz ober-sorabischer verbaler Phrasem. Dissertation A (Manuskript). Berlin.

Wölke S. (в печати) Wo započatkach zberanja serbskich fra-zeologizmow.

Жуков В.П. (1986). Русская фразеология. М.

Список сокращений

Adj. — Adjektiv

Adv. — Adverb

LS/ZISW/A — Linguistische Studien. Reihe A Arbeitsberichte.
Zentralinstitut für Sprachwissenschaft der Akademie der
Wissenschaften der DDR

pS — Präpositionalgruppe

pSi — Präpositionalgruppe im Instrumental

Sa — Substantiv im Akkusativ

Sg — Substantiv im Genetiv

Sn — Substantiv im Nominativ

А.А. Неченко (Харьков)

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ ВЕРХНЕЛУЖИЦКОГО ЯЗЫКА

Возросший интерес к системному изучению фразеологии поставил перед исследователями задачу идеографического описания. Ее реализация позволит, прежде всего, решить такую сложную теоретическую проблему, как покрываемость лингвистического континуума фразеологическими оборотами. Создание идеографических словарей славянских языков или хотя бы идеографических указателей к существующим словарям является важной предпосылкой объективного сравнительно-сопоставительного изучения фразеологии. Это позволит перейти от сопоставления отдельных фразеологизмов, характерного для современных исследований в этой области, к системному сравнительному анализу фразеологических групп или полей, что будет способствовать более объективному выявлению общих и специфических черт отдельных национальных фразеологических систем.

На важность предварительной идеографической группировки диалектного фразеологического материала для ареального описания славянской фразеологии указывает В.М. Мокиенко¹. Наконец, идеографическое описание славянской фразеологии даст возможность значительно активизировать этимологические исследования славянской фразеологии, так как позволит учитывать образные коннотации на уровне микрогрупп или групп.

В этой связи создание и описание идеографической схемы представляется важной задачей в теоретическом осмыслении фразеологии верхнелужицкого языка.

Мы не ставим перед собой задачи создания исчерпывающей идеографической классификации фразеологии верхнелужицкого язы-

ка, считая ее преждевременной на данном этапе изученности фразеологического состава. В предлагаемой работе проанализированы в фразообразовательном аспекте некоторые микрогруппы, характеризующие качества, состояния и деятельность человека.

Наименьшей единицей идеографического описания является семантический ряд, объединяющий фразеологизмы с тождественной семантикой, независимо от их стилистической, эмотивной, временной, или какой-либо другой характеристики, но ограниченный рамками грамматической соотнесенности с какой-либо частью речи. Структура семантического ряда следующая: первыми в алфавитном порядке располагаются немаркированные фразеологизмы, а затем в определенном порядке фразеологизмы, имеющие дополнительные характеристики. В дальнейшем семантические ряды объединяются в идеографические микрогруппы, отражающие общую характеристику личности или ситуации, независимо от их грамматической соотнесенности. Внутри микрогрупп фразеологизмы расположены по признаку семантической близости, начиная с идиом с положительной оценочностью и оканчивая идиомами с негативной оценочностью. Учитывается также грамматическая соотнесенность фразеологизмов. Порядок расположения следующий: адъективные, номинативные, глагольные, наречные.

Идеографическая микрогруппа "Ум, разум" имеет следующую структуру: 1) умный; 2) очень умный; 3) глупый; 4) очень глупый; 5) бесполковый; 6) тупой, 7) психически ненормальный; 8) громко беспричинно смеяться; 9) запутаться в несложной ситуации; 10) совершенно не разбираться в чем-либо. Необходимо отметить, что распределение фразеологизмов по семантическим рядам "глупый", "очень глупый", "тупой", "бесполковый" весьма условно, так как существует значительное количество фразеологизмов с диффузной семантикой в пределах этих значений.

К изучению фразеологизмов, характеризующих умственные качества человека, исследователи славянской фразеологии обращались неоднократно. На материале кашубской фразеологии такую работу проделал В.И. Ермола², болгарской – Н.А. Смолякова³, псковских говоров русского языка – Л.А. Ивашко⁴. Интерес к этой микрогруппе не случаен. Фразеологизмы, входящие в ее состав, многочисленны во всех славянских языках, что позволяет проследить фра-

зообразовательные закономерности составляющих ее семантических рядов, выявить семантические и структурно-семантические модели. Что касается наполнения выделенной микрогруппы, то здесь у различных авторов существуют как качественные, так и количественные различия. Н.А. Смолякова включает в нее только субстантивные и адъективные фразеологизмы. Нам представляется правомерным более широкий подход к содержанию этой микрогруппы, характерный для исследовательской методики В.И. Ермолы и Л.А. Ивашко, включающих в ее состав также глагольные семантические ряды, отражающие глупое или умное поведение человека.

Семантический ряд "умный" образуют субстантивные фразеологизмы структурно-семантической модели "положительная качественная характеристика + голова = умный человек": *jasna hłójčka* (Сл. 153), *mudra hłójčka* (Барт. 6, 214), *najświetliša hłójčka* (Нав. А. 1966, 283), *dobra hłowa* (Барт. 6, 271).

Устойчивые сравнения со значением "очень умный" *mudry kaž stary* *garak* (В. 1902, 248) и *mudry kaž stary Sirach* (В. 1902, 248) образованы по моделям "мудрый + как + животное, обладающее необыкновенной мудростью = очень умный" и "мудрый + как + человек, обладающий необыкновенной мудростью = очень умный". Образные представления первого из них связаны с общеевропейской фольклорной традицией, второго – с текстом библии.

Яркую ироническую окраску и прозрачную внутреннюю форму имеют выражения *mudry, hać jemu rozum ze wšęch półničkow pišci* (Кр. 373), *w rozumje terjeny (warjeny)* (Кр. 478), *w rozumje terjeny a w mudrości warjeny* (Кр. 614).

Семантический ряд "глупый" составляют субстантивные, адъективные фразеологизмы, а также устойчивые сравнения с именной и адъективной основами сравнения. Закрепленная в бытовом народном сознании за отдельными видами животных и птиц коннотация глупости нашла отражение в фразеологизмах структурно-семантической модели "прилагательное, образованное от названия домашнего животного + голова = глупый человек": *wolaca hłowa* (Кр. 106), *celaca purka* (Зем. 281), а также "глупая + птица = глупый человек": *hłupa kawka* (Зем. 151), *hłupy liba* (Тр. 109). Отождествление глупого человека с предметом обнаруживаем в фразеологизмах структурно-семантической модели "глупый, глупая + название предмета = глупый человек": *hłupa hańza* (Сл. 95), *hłupy sciejk* (Тр. 305).

В адъективном ряду можно выделить ряд фразеологизмов, образованных по семантической модели "получивший удар по голове = глупый": na hłowu dyrjenu (*kleprjenju, padły*) (Кр. 106), z měchom trjecheny (Пф. 1086). Образное представление о голове, наполненной вместо мозга различным мусором, реализуется в структурно-семантической модели "иметь + мусор + в голове = глупый": sykanje za mozy měć (Пф. 381), měć hrochowinu w mozhowni (Пф. 382). Глупость может быть следствием ненормального состояния мозга, о чем свидетельствует выражение židke mozy měć (В. 1901, 15). Фразеологизм z Kukec być (В. 1908, 90) создан по семантической модели "быть родом из селения дураков", в качестве такого селения в серболужицком фольклоре широко известны Кукецы.

Устойчивые сравнения с этим значением оригинальны как в об разном отношении, так и в плане мотивировки. В фразеологизмах mudry kaž Salomonowy móť (В. 1902, 248), mudry kaž młyńkес wosoř (В. 1905, 17), созданных по структурно-семантической модели "мудрый + как + принадлежащее мудрому человеку + существо, не обладающее разумом = глупый", иронический эффект достигается за счет расширения модели "умный + как + человек, обладающий необыкновенным умом = очень умный". В качестве такого разумного персонажа выступает Соломон, библейская легенда о котором широко известна. Что касается мельников, то у славян широко бытует представление, что они знаются с нечистой силой, являются колдунами, т.е. обладают сверхъестественной мудростью. В серболужицком фольклоре таким персонажем является Черный мельник. Но принадлежность какого-либо существа мудрому человеку еще не гарантирует последнему мудрости, о чем с нескрываемой иронией повествуют эти фразеологизмы.

Большинство фразеологизмов семантического ряда "очень глупый" являются устойчивыми сравнениями. Наиболее продуктивны выражения, образованные по структурно-семантической модели "глупый + как + предмет = очень глупый": hłury kaž koroł (В. 1905, 15), hłury kaž sciešk (Зэм. 463), hłury kaž scěna (В. 1902, 40), hłurjenc kaž rjeňk (Кр. 107). Сравнение с неодушевленными предметами, абсолютно лишенными разума, позволяет создавать ярко экспрессивные устойчивые сравнения. Близким к фразеологизмам этой модели является выражение hłowa kaž dubowy rjeňk (В. 1905, 26), образованное по модели "голова + как + деревянный предмет = очень глупый".

Ряд сравнений образован по структурно-семантической модели "глупый + как + животное, птица = очень глупый": hǔpýenc kaž woř (B. 1905, 27), hǔpý kaž kawka (B. 1905, 15).

Внутренняя форма других устойчивых сравнений индивидуальна. Так, в выражении hǔpy kaž přeměnk (B. 1905, 15) отражено широко известное у славян верование, что нечистая сила может взять ребенка и подложить взамен своего, который вырастает в умственно неполноценного человека. Многочисленные анекдоты о глуповатых жителях селения Кукецы, своего рода серболужицких пошехонцах, отразились в ироническом сравнении mudry kaž Kukečanski šořta (B. 1905, 17).

Образ глупца, не умеющего сделать самого простого дела, находим в фразеологизмах hǔpy, zo sebi trubki tobaka natykać njewě (B. 1902, 79), hišće njewě dwě kózlecí pasc' (B. 1902, 39), ani mloko-weje poliwki zwarić njewě (Радл. 41).

Яркой экспрессивностью обладают фразеологизмы, в которых глупость проявляется в поступках, с точки зрения здравомыслящего человека, совершенно абсурдных: hǔpy, zo móhł jeho na boži měsačk šćuwac' (B. 1902, 242), hǔpy, zo móhł sčomu chmutac' (B. 1902, 242), hǔpy, zo móhł sčomu žrać a kamjenje přikusować (Бук. 1, 121).

Количество фразеологизмов семантического ряда "тупой" в верхнелужицком языке невелико. В субстантивных выражениях sčaba hřowa (Кр. 525), tupa hřowa (hřočka) (Кр. 106) образной основой является представление о голове с каким-либо дефектом.

Отсутствие способности у глупого человека заниматься какой-либо деятельностью, связанной с предварительным обучением, наличием навыков, нашло отражение в фразеологизмах структурно-семантической модели "разбираться + как + животное, птица + в деле, требующем специального обучения = совершенно не разбираться": wustojny kaž pos na husle (B. 1902, 266), měć wustoj kaž kozof na husle (B. 1902, 78), wušikny kaž wos oř na husle (B. 1905, 21), wustojny kaž célo na zeger (B. 1905, 21), wustoji so kaž célo na scénske knihy (B. 1908, 122), měć wustoj kaž huso na abejcej (B. 1908, 120), ro-zumić kaž žabjacy kantor na piščelach (Кр. 489).

Семантический ряд "психически ненормальный" представлен фразеологизмами структурно-семантической модели "иметь + живые

существа + в голове = быть ненормальным: *měć šeršenje w hłowie* (B. 1902, 164), *měć škórca we hłowje* (Исelt. 52), сюда же относится и эллиптический вариант *ptačka měć* (Tr. 238). В основе образной мотивировки этой модели лежит представление о голове, наполненной гудящими насекомыми или щебечущими птицами.

Сумасшествие как результат физического повреждения головы отражено в выражениях *zwita hłowa* (Кр. 106), *wiwata (wiwawa) hłowa* (Пф. 204). Представление о голове как механизме, который приходит в негодность при отсутствии или, наоборот, наличии какой-либо лишней детали, нашло выражение в фразеологизме *jedne kolesko přewiele měć* (Tr. 87).

Глупость человека проявляется также в его поведении и действиях. Фразеологизмы *smjeć so kaž Němc na tykanc* (B. 1902, 125), *smjeć so kaž slěpc na tykanc* (B. 1902, 255) образованы по структурно-семантической модели "смеяться + как + неимущий + на пищу = громко беспричинно смеяться". При определении мотивировки этой модели необходимо учитывать традиционные в прошлом для славян коннотации бедный = глупый, богатый = умный.

О бестолковом человеке, который не в состоянии найти выход в несложной ситуации, повествуют фразеологизмы структурно-семантической модели "из небольшого количества + деревьев + не уметь выбраться = запутаться в несложной ситуации": *z třoch brězow na bělém dnju pjewušiplic* (Радл. 41), *ze štugjoch lipkow so wumasac njewědzeć* (B. 1902, 74).

Всего выделено 14 структурно-семантических и 2 семантические модели, по которым образованы фразеологизмы идеографической микрогруппы "Ум, разум". Анализ показал преобладание в ней фразеологизмов с негативной характеристикой интеллекта.

Идеографическая микрогруппа "Обман" состоит из семантических рядов: 1) обманывать; 2) вводить в заблуждение; 3) дать себя обмануть; 4) вывести из заблуждения; 5) неправда, выдумка; 6) врать; 7) бессовестно врать. Необходимо отметить тесную взаимосвязь микрогрупп "Ум, разум" и "Обман", а также семантического ряда "на-смеяться". Подобное сближение не случайно. Ведь обмануть, собственно, и означает: превратить человека умного в глупца (хотя бы и на небольшой промежуток времени). В фразеологии широко отразилось народное представление о том, что обязательной характеристикой умного человека является способность адекватно восприни-

мать действительность при помощи органов чувств, а также отсутствие физических недостатков. Другой, не менее важной чертой, является поведение в обществе в соответствии с традициями и нормами морали. Все отклонения от перечисленных признаков интерпретируются как проявление глупости и вызывают соответствующее отношение, прежде всего в виде насмешки.

Наиболее продуктивной структурно-семантической моделью семантического ряда "обманывать" является "лишать зрения + глаза = обманывать". В фразеологизмах этой модели отразилось множество конкретных способов временного лишения зрения, ср. proch do wočow dawać (Радл. 106), do wočow procha nasyrać (B. 1905, 63), kadzic do wočow (B. 1908, 94), kad (kadu) do wočow duć (naduć) (B. 1905, 46), woči zakadzic (B. 1905, 41) woči namydlic (zamydlic) (Kp. 269), z mydłom woči namazać (B. 1908, 113), woči wutrēć (Kp. 620), woči zalępjeć (B. 1908, 111), woči zasmolic (B. 105, 63), z kołmazu woči zamórac (B. 1908, 113), woči zaslepic (Kp. 687). Сюда же примыкает фразеологизм brylu z łojom namazać (Kp. 219), в котором "глаза" заменяются "очками".

Фразеологизмы wodzić za nōs (Кр. 304), wokoło nosa jězdzic (Барт. 6, 331), nōs barbic (Кр. 304) имеют мотивировку "обращаться с кем-либо как с глупцом".

По семантической модели "выдумывать небылицы" образованы фразеологизмы psy za wopus (wopusze) wjazac (Пф. 499), wětřikowu horu kopić (Кр. 165). В выражениях liški honić (B. 1901, 8), z liškami chodzic (B. 1901, 14) мотивировка внутренней формы затемнена.

Фразеологизмы семантического ряда "дать себя обмануть" имеют различную мотивировку внутренней формы: so za nōs dać wodzić (B. 1901, 11) имеет образную мотивировку "позволить обращаться с собой как с глупцом"; zo na tykancu łojic (B. 1905, 49) имеет образную мотивировку "попасться на приманку", po psa hic a kóčku přinjesć (Кр. 366) имеет мотивировку внутренней формы "быть обманутым при торговой сделке".

Фразеологизмы семантического ряда "вводить в заблуждение" образованы по семантической модели "лишать возможности ясно мыслить": mozy mućic (B. 1905, 97), mozy zamazać (B.Ю 1966, 121), zamotac (zmotac) hōwu Kp. 902).

По структурно-семантической модели "глаза + сделать зрячи-ми = вывести из заблуждения" образованы фразеологизмы woči wo-twric, woči wotrēć (Кр. 687), woči wuwēć (B. 1905. 98).

В семантическом ряду "неправда, выдумка" выделяется структурно-семантическая модель "правда + как + что-либо совершенно нереальное": *wěrno kaž basnička* (B. 1905, 20), *wěrno jako bychu raki lětaře* (B. 1902, 150).

Семантический ряд "врать" представлен единственным выражением с затемненной мотивировкой, ср. *hubu pře poňtu brac'* (Кб. 54).

Все фразеологизмы со значением "бессовестно врать" имеют различную мотивировку внутренней формы. На знаменитые ярмарки в Кулеве пригоняли скот со всей Лужицы. Скупщики всегда пытались занизить цену, при этом охавая крестьянскую живность, что и отразилось в фразеологизме *łžeć kaž Kulowski handler* (*kón-jer*) (B. 1902, 246). Хотя нечистая сила, устраивая крестьянину всяческие козни, также не отличалась большой правдивостью, но в умении лгать иногда даже ей приходилось уступать, ср. *łžeć, zo ani čert sebi tajkich wumyslił pjeby* (B. 1905, 34). Как известно, скворцы умеют мастерски подражать голосам не только других птиц, но и животных и даже людей. Не видя исполнителя, очень легко ошибиться, что и явилось причиной возникновения выражения *hwizdac' jako (kaž) škórc* (Кр. 125). Обманчивый вид болотной трясины зеленого цвета, которую легко принять за поросшую мхом землю, послужил основой фразеологизма *łžeć kaž zelene bahno* (B. 1902, 240). На смешливое отношение к лжецу, у которого от интенсивного вранья, как после тяжелой работы, темнеет от пота руаха на спине, выразилось в фразеологизме *łżeć, hač so wšo za gjarom čmi* (B. 1902, 237). Не менее выразителен образ лжеца, у которого от вранья раскалился язык, ср. *łżeć, štož móže so z hubu dokurić* (Роля, 99). Скептическое отношение взрослого человека к сказкам нашло отражение в фразеологизме *łżeć kaž basničkowe knihy* (B. 1902, 246). Всего в идеографической микрогруппе "Обман" выделено 3 структурно-семантические модели и 3 семантические.

Микрогруппа "Гордость, спесь" включает семантические ряды: 1) очень гордый; 2) важничать, вести себя высокомерно; 3) сбить спесь.

Семантический ряд "очень гордый" состоит в основном из устойчивых сравнений. Наиболее продуктивной является модель "гордый + как + красивая птица (украшенное животное) = очень гордый": *hordy kaž kapon srjedź kokošow* (Нов. 1968, 84), *hordy kaž paw na*

knježim dworje (B. 1902, 243), horda kaž ščihlica (B. 1902, 253), hordy kaž kón ze złotej wuzdu (B. 1902, 243), znošity kaž knjejski kón (B. 1905, 22). Отношение серболужицких крестьян к немецким горожанам отразилось в выражении horda kaž Němpula (B. 1905, 15). Ироническое сравнение гордого человека с надуваемым для забавы свиньим пузырем стало образной основой выражения naduty kaž swinjacy pucher (B. 1905, 17).

Людей с низким социально-экономическим статусом, но ведущих себя спесиво, иронически характеризуют фразеологизмы mysli, zo jemu Bóhtónknjez (kral) swinje pase (B. 1902, 164), z horda jako by kral sej zajimać chodźiť (B. 1902, 267).

Фразеологизмы семантического ряда "важничать, вести себя высокомерно" образованы по модели "держать высоко + часть тела = важничать": nós pozběhnyc (Барт. 6, 298), nós wysoko nosyć (B. 1905, 57), z nosom mročele bosc (worać, suwac) (Tr. 156), hłowu wysoko nosyć (B. 1905, 43), wępuš wottykować (Пф. 878). Другие фразеологизмы этого ряда имеют индивидуальную мотивировку, ср. lica naduwac (B. 1908, 116), knjeza hrac (Нав. А. 1966, 100), knjezyka hrac (B. 1905, 37), mročele bosc (kojic) (Кр. 250).

Устойчивые сравнения с этим же значением образованы по различным моделям. Наиболее продуктивной является структурно-семантическая модель "вести себя + как + красивая птица (украшенное животное) = важничать": chodžić kaž paw (Куб. 3, 24), z hłowu mjetać kaž knjejski (zemjanski) kón (Бук. 1, 120), znošować so kaž na kwas pyšeny kón (B. 1908, 115), znošować so kaž plećeny kón na kwasnym puću (B. 1902, 268). Значительное количество выражений образовано по модели "надуваться + как + пустая емкость = важничать": naduwać so kaž swinjacy pucher (B. 1902, 248), naduwać so kaž pucher (Бук. 2, 52), wuperać so kaž naduty měch (Бук. 1, 120), wuperać so kaž z wětrom naduty měch (B. 1902, 265). Фразеологизм wupinać so kaž knježi pohonč (B. 1902, 265) отражает негативное отношение крестьян к поведению дворовых людей.

В семантическом ряду "сбить спесь" выделяется структурно-семантическая модель "сломать, укоротить + выступающую часть тела = сбить спесь": rohi storhać (B. 1905, 34), pjerje zdrěć (B. 1905, 41), křidla přitřiháć (B. 1905, 97). Фразеологизм puchotu stulic (B. 1905, 41) имеет индивидуальную мотивировку. Всего в этой микрорубрике выделено 5 структурно-семантических моделей.

В микрогруппу "Свобода" входят следующие семантические ряды: 1) ограничивать свободу; 2) усилить строгое отношение; 3) ослабить строгое отношение; 4) освободиться от зависимости; 5) освободить.

Большинство фразеологизмов семантического ряда "ограничивать свободу" образовано по структурно-семантической модели "

"держать + на привязи = ограничивать свободу". В качестве привязи варьируются, в основном, различные элементы конской упряжи: "узда" na wuzdzie dzerżec (B. 1905, 96), na wuzdu wzac (Ilce.тт. 26), do żeleznej wuzdy wzac (B. 1905, 66), wuzdu krucé dzerżec (B. 1905, 50);

"вожжи" na wotežce mēc (B. 1905, 96), na krótkej wotežce dzerżec (B. 1905, 96), kruče na wotežce mēc (Барт. 6, 118), wotežki kruče dzerżec (B. 1905, 50);

"удила" za kandaru wzac (Куб. 1978, 43), pod kandaru dzerżec (Tr. 77);

"веревка" na štryčku niěc (Кр. 606). Остальные фразеологизмы созданы по семантической модели "ограничивать возможность действовать": pod ruku dzerżec Тука, 56), ruce wjazać (B. 1905, 66).

В семантическом ряду "усилить строгое отношение" можно выделить структурно-семантическую модель "укоротить, подтянуть + упряжь = усилить строгое отношение": wuzdu scahnyć (B. 1905, 40), hłwojcu scahnyć (Кр. 809), wotežku bóle na krótke wzac (Кр. 723).

В семантическом ряду "ослабить строгое отношение" выделяется структурно-семантическая модель "ослабить + упряжь = ослабить строгое отношение": z wotežki pušćić (B. 1902, 97), wotežki popušćić (pušćić) (Ep. 239), kandara popušćić (Нав. А. 1969, 48).

Фразеологизм семантического ряда "освободиться от зависимости" z wotežkow wušmjatać (Нав. А. 1966, 24) имеет образную мотивировку "освободиться из конской упряжи".

Фразеологизм семантического ряда "освободить" wumoc z razow (Нав. А. 1969, 94) имеет прозрачную мотивировку внутренней формы. В рассмотренной микрогруппе выделены 3 структурно-семантические и одна семантическая модели.

В микрогруппу "Драка" входят семантические ряды: 1) побить, ударить; 2) сильно побитый.

Семантический ряд "побить, ударить" – один из самых многочисленных как в верхнелужицком, так и в других славянских языках. Фразеологизмы с этим значением были рассмотрены в украинском⁵, русском и чешском языках⁶.

Наиболее продуктивной моделью этого ряда является "нанести + оплеуху = ударить": fawcu sadžic' (Нав. А. 1966, 298), fawcu smyknyc' (В. 1908, 116), fawcu wotpołozic' (Пф. 865), flinku tyknyc' (В. 1905, 36), dac' plistu (Барт. 7, 127), sunyc' (wotsunyc') plistu (Гр. 380), wotłozic' plistu (Тр. 374), wottyknyc' plistu (Тр. 381), wočahnyc' plistu (Зем. 535), zapalic' jednu (Тр. 425).

Модель "нанести + оплеуху + место удара = ударить" является эксплицитным вариантом предыдущей, в которой за счет расширения грамматической структуры уточняется место удара, ср. zapalic' selenu za wuši (Куб. 1965, 13), wučahnyc' selenu přez rjap (Сл. 41), smyknyc' jednu za wuši (В. 1908, 106), jednu za wucho (wuši) tyknyc' (В. 105, 54), funu za wuši tyknyc' (В. 1902, 29).

Продуктивной является группа фразеологизмов, в которой различным видам физического воздействия подвергаются части тела, которые образуют структурно-семантическую модель "часть тела + ударить = побить". По направленности физического воздействия именные компоненты распределяются следующим образом:

"спина" chribjet přeměšcic' (В. 1908, 116), chribjet mazač' (В. 1905, 49), chribjet přeměřic' (В. 1905, 37);
"кожа" kožu překlepač (В. 1902, 163), kožu měřic' (Исelt. 77);
"заднее место" zadk naměřic' (В. Я. 11), ritu naplacac' (В. 1905, 42);
"уши" wuši naselic' (Радл. 157).

Глагольные компоненты этой группы характеризуются значительной коннотативностью. Непосредственно ударную семантику имеют лишь некоторые из них, ср. překlepač (выбить), naplacac' (отшлепать). Остальные глагольные компоненты относятся к различным сферам человеческой деятельности, ср. mazač' (лечебие), přeměšcic' (сельскохозяйственные работы), přeměřic' (пошив одежды), naselic' (кулинарная обработка).

Фразеологизмы структурно-семантической модели "часть тела + чем-либо + ударить = побить", в которых расширение структуры произошло за счет введения именного компонента, обозначаю-

щего орудие физического воздействия, можно считать эксплицитными вариантами предыдущей модели, так как границы варьирования именного компонента, обозначающего место удара и глагольного компонента, не выходят за ее рамки, ср. *chribjet z drjewom mazać* (В. 1905, 44), *chribjet z kijom mazać* (В. 1905, 96), *z worcíkom chribjet přeměřic* (В. 1905, 53), *chribjet z pjascémi měřic* (naměřic) (В. 1905, 53), *z kľudom chribjet naměřic* (Буд. 83), *chribjet z worcíkom přeměřic* (В. 1905, 97). В фразеологизмах модели широко варьируется компонент, обозначающий орудие удара, ср. палка, валек, кнут, кулаки.

Тесно связанную с предыдущей, но самостоятельную по мотивировке структурно-семантическую модель "чем-либо + ударить = побить" образуют фразеологизмы *z kijom doprajic* (В. 1901, 12), *z prutom šic* (Кр. 593), *njeralelu brězu začuć dac* (Сл. 97). В пользу ее самостоятельности, как нам кажется, свидетельствует полное несопадение семантики глагольных компонентов с фразеологизмами предыдущих моделей.

Фразеологизмы *překlepac* (*wuklepac*) *cholowčki* (В. 1908, 102), *kabat wuprōšic* (В. 1905, 40), *jěčku wuklepac* (В. 1905, 41), *suknju wupraskac* (В. 1905, 41) образованы по структурно-семантической модели "одежду + выбить от пыли = побить". Глагольные компоненты этой модели имеют исключительно ударную семантику. В этом семантическом ряду имеется значительное количество фразеологизмов, внутренняя мотивировка которых непосредственно не отражает ударные действия.

В структурно-семантической модели "одежду + изготавливать, ремонтировать = побить" варьируются как именные, так и глагольные компоненты. Распределение по видам одежды следующее:
"брюки" *cholowy měric* (Кр. 197);
"штанишки" *cholowčki přeměřic* (В. 1905, 4);
"кожух" *kožuch šic* (Кр. 594), *kožuch wupłatac* (В. 1905, 97);
"куртка" *hipl přeměřic* (В. 1905, 41), *kapu přikryc* (Зем. 149);
"жилет" *lac wotměřic* (Пф. 866).

Наиболее продуктивным глагольным компонентом является "отмерять" (т.е. "прикладывать мерку"), Если учесть, что в качестве такой мерки портными используется деревянный метр, который мож-

но применить как орудие наказания, то становится легко объяснимой его фразообразовательная активность как в этой, так и в рассмотренных выше моделях.

Ряд фразеологизмов создан по структурно-семантической модели "угостить + вкусной пицей = побить". В качестве подобного угощения в верхнелужицком языке известны различные виды сладких булочных изделий:

"булка" *całty dac'* (Пф. 60);

"калач" *kołački dac'* (В. 1901, 7), *kołačk sunyc'* (В. 1901, 7);

"кекс" *wosuški dawac'* (В. 1905, 39), *wosušk tykać* (В. 1901, 12). В основе мотивировки внутренней формы этой модели лежит ироническая номинация наказания как угощения чем-либо вкусным.

Фразеологизмы структурно-семантической модели "приправлять + пищу = побить" *rośwku sešic'* (Нав. А. 1966, 179), *wusmuž přeselic'* (В. 1905, 39), *popjerja nasypać* (В. 1905, 41) имеют другую мотивировку внутренней формы. В ее основе лежит образное отождествление "солить, перчить = вызывать раздражающие ощущения".

Основой целого ряда фразеологизмов является семантическая модель "очищать голову = побить": *šešerjatu hřowu ze šrofu česać* (В. 1905, 55), *šešeraka z wohlū česać* (В. 1905, 42), *šešeraka wohlować* (Кр. 693). Причем в этих фразеологизмах используются наименования инструментов, предназначенных для чистки лошадей, а не людей, что значительно усиливает их экспрессивность.

Выражение *rěc zapuric'* (В. 1905, 97) имеет образную мотивировку "сделать жарко = побить". Фразеологизм *rěkli geju zapiskac'* (Нав. А. 1966, 238) имеет мотивировку внутренней формы "заставить танцевать", основанную на образном отождествлении человека, подпрыгивающего под ударами от боли, и человека танцующего.

В небольшой группе фразеологизмов мотивировка внутренней формы неясна, ср. *wuheń wumjesć* (Тр. 389), *rěc wumjesć* (Кр. 316).

Семантический ряд "сильно побитый" представлен единственным фразеологизмом *zbity kaž stary Frýsa pola Bukec* (В. 1902, 267). Его возникновение связано с битвой под Букецами, в которой саксонский король Фридрих Вильгельм II потерпел поражение от войск Наполеона. Всего в идеографической микрогруппе "Драка" выявлено 9 структурно-семантических и 3 семантические модели.

Микрогруппа "Беда, неприятности" включает семантические ряды: 1) накликать беду; 2) готовить неприятности; 3) поставить в затруднительное положение; 4) попасть в трудное положение; 5) находиться в трудном положении; 6) находиться в опасности; 7) усугубить трудное положение; 8) помочь выбраться из трудного положения; 9) выбраться из трудного положения; 10) создать сложную ситуацию, чреватую неприятностями; 11) распутывать сложное, неприятное дело.

Фразеологизмы семантического ряда "накликать беду" образованы по структурно-семантической модели "рисовать + страшное существо + на стене = накликать беду": molować bobaka na scěnu (Нав. А. 1966, 294), čerta na scěnu molowac' (Tr. 19).

Фразеологизмы семантического ряда "готовить неприятности" образованы по структурно-семантической модели "готовить + ловушку = готовить неприятности": lečery plesć (Як. 163), lečizny plesć (Tr. 106), lečizny lac (B. 1905, 40), pasle stajic' (Барт. 6, 134), prudlo lac (Tr. 209), jamu ryć (B. 1905, 41).

Большой ряд фразеологизмов образован по структурно-семантической модели "поместить + опасное (неудобное) место = поставить в затруднительное положение": do džěru tyknyć (B. 1908, 109), do džěru storhnyć (Ворн. 1965, 33), zahnać do myšaceje džěrki (B. 1908, 111), do kerkow zahnać (Радл. 50), do eemjow zahnać (B. 1905, 45), storkać do kuta (B. 1908, 106), do kuta honić (B. 1905, 45), k scěnje připrěć (B. 1905, 45), k scěnje střočić (Бенш. 172), do ťuže storkać (B. 1908, 106), do česna zahnać (ПФ. 99), do wuskosće (wuskoscow) zahnać (Исл.т. 82).

В семантическом ряду "попасть в трудное положение" можно выделить структурно-семантическую модель "попасть + в ловушку": do pasle so popadnyc' (Барт. 6, 140), do pasli zalězc' (Зем. 288), do pasli so přinć' (B. 1902, 51), do prudla popadnyc' (Барт. 7, 146), do prudlow zalězc' (Кр. 392). Фразеологизм kaž myś w paslach so popadnyc' (Барт. 6, 49) образован по модели "попасть + как + животное + в ловушку", которая является эксплицитным вариантом предыдущей. Остальные выражения этого ряда образованы по структурно-семантической модели "попасть + в опасное место = попасть в трудное положение": do blóta zajěć (Барт. 6, 123), stupić so pod

skap (В. 1908, 106), *přiníć do černjow* (В. 1908, 103), *do wuskosców přiníć* (Куб. 1978, 69).

В семантическом ряду "находиться в трудном положении" выделяется структурно-семантическая модель "держать + животное + за часть тела, не обеспечивающую власти над ним": *wjelka za wuši džeržec* (Пф. 793), *džeržec wuhora za wopuš* (В. 1908, 92). Остальные фразеологизмы имеют индивидуальную образную структуру, ср. *na lodze sedzec* (Куб. 3, 207), *w břoce sedzec* (Барт. 6, 131), *woda do zadka stupa* (Тр. 358), *pod skapom stać* (В. 1901, 10).

Фразеологизмы семантического ряда "находиться в опасности" образуют структурно-семантическую модель "висеть + на чем-либо очень тонком": *na pawčincu wisac* (В. 1905, 150), *na Židzanej nitce wisac* (Кр. 653).

Все фразеологизмы семантического ряда "усугубить трудное положение" образованы по семантической модели "из менее неприятной ситуации попасть в более неприятную ситуацию": *z dešća (dešćika) pod skap přiníć* (Кр. 25), *z kerkow do lěsa přiníć (trjechić)*, (Пф. 1075), *z ťuže do břota přiníć (trjechić, zajěć)* (Пф. 1084), *z ťužički do morja přiníć* (Кр. 222), *z ťužički na morjo přiníć* (В. 1908, 113), *psam čeknyc a do wjelkow zlećec* (Кр. 366).

В семантическом ряду "помочь выбраться из трудного положения" можно выделить структурно-семантическую модель "вытащить + из опасного (неприятного) места": *z břota wučahnyć* (В. 1905, 46), *pomhać z bahna* (В. 1908, 101), *pomhać z ťuže* (В. 1908, 101), *z ťuže na suche pomhać* (В. 1905, 98).

Фразеологизмы семантического ряда "выбраться из трудного положения" образованы по структурно-семантической модели "выбраться + из опасного места": *z jamy zdrapać* (В. 1908, 114), *so z bahna wuprać* (В. 1905, 49), *wuprać so z čěsna* (В. 1908, 111).

По структурно-семантической модели "приготовить + пишу = создать сложную ситуацию, чреватую неприятностями" созданы фразеологизмы *kať začinic* (В. 1905, 37), *wusmuž nawarić* (Нав. А. 1966, 45).

По структурно-семантической модели "съедать + пишу = распутывать сложное, неприятное дело" образованы выражения *laptac poliwku* (Тр. 188), *laptac zopu* (Нав. А. 1969, 100). Всего в идеограф-

фической микрогруппе "Беда, неприятности" выделено десять структурно-семантических и две семантические модели.

Идеографический анализ верхнелужицкой фразеологии показал ее ярко выраженный антропоцентрический характер. Фразеологизмы, характеризующие качества, состояния и действия человека, охватывают около 80% всех семантических рядов. Разработанная нами схема включает 12 групп, 43 микрогруппы и 426 семантических рядов. Фразообразовательный анализ проводился на материале 7 идеографических микрогрупп, состоящих из 38 семантических рядов, включающих 258 фразеологизмов. Всего мы выделили 44 структурно-семантические и 11 семантических моделей, которыми охвачено 80% фразеологизмов, входящих в состав микрогрупп. Полученные результаты не подтверждают положение об ограниченном характере моделируемости фразеологии, разделяемое отдельными исследователями⁷.

Примечания

¹ Мокиенко В.М. Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литературы. Л., 1983. С. 40–53.

² Ермоля В.И. Кашубская фразеология: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 18 с.

³ Смолякова Н.А. Семантические поля в болгарской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.

⁴ Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981, С. 27–33.

⁵ Демський М.Т. Фразеологізми із значенням "бити", "побити", "вдарити" // Рідне слово. Київ, 1972. Вип. 6. С. 81–87.

⁶ Мокиенко В.М. Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974. С. 249–282.

⁷ Назарян А.Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // Филол. науки. М., 1983. № 6. С. 34–40.

Список источников и принятые сокращения

- Барт. 6 – Bart-Cišinski, Jakub. *Zhromadžene spisy.* VI zwjazk. Budyšin: Domowina, 1972. 374 s.
- Барт. 7 – Bart-Cišinski, Jakub. *Zhromadžene spisy.* VII zwjazk. Budyšin: Domowina, 1973. 276 s.
- Бенш. – Djeňšowa, Hanža, Monika. *Budyšin:* Domowina, 1980. 215 s.
- Буд. – Budar Ben. Rebel Jan Cuška. *Mokrowčenjo.* Budyšin: Domowina, 1977. 94 s.
- Бук. 1 – *Buk J.* Serbske přišlōwa a přišlōwne prajenja // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1853–1854. VI–VII, 2 z. S. 112–114.
- Бук. 2 – *Buk J.* Serbske prisłowa a přišlōwne prajenja // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1856–1857. IX–X, 1 z. S. 41–53.
- В. 1901 – *Radyserb-Wjela, Jan.* Tři sta metaforiskich hronow serbskeje ludoweje rěče // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1901. LIV, 1 z. S. 5–15.
- В. 1902 – *Radyserb-Wjela, Jan.* Přišlōwa a přišlōwne hrónčka a wusłowa Hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1902. XIV, 314 s.
- В. 1905 – *Radyserb-Wjela, Jan.* Metaforiske hrona abo přenoški a přirunanki w rěči hornjołužiskich Sebow. Wudał Ernst Muka. Budyšin, 1905. 98 s.
- В. 1908 – *Radyserb-Wjela J.* Serbske metaforiske hrona // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1908, 2 z. S. 88–122.
- Ворн. 1965 – *Wornar, Jan.* Opium. Budyšin: Domowina, 1965. 147 s.
- В.Ю 1966 – *Wjela, Jurij.* Robotow pak njebě kónc. Budyšin: Domowina, 1966. 266 s.
- В.Я. – *Wjela, Jan.* Wulke přečelstwo. Budyšin: Domowina, 1968. 103 s.
- Зем. – Zeman, Henryk. *Słownik gornołużycko-polski.* Warszawa:PWN, 1967. 679 s.
- Исelt. – Iselt, Richard. Bitwa w serbskej korčmje. Budyšin: Domowina, 1962. 174 s.
- Кр. – Kral, Jurij. *Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje rěče.* Budyšin: Domowina, 1986. 968 s.
- Куб. 1–3 – *Kubašec M.* Bosćij Serbin. Budyšin: Domowina, 1964–1965. Dz. 1. 340 s.; Dz. 2. 306 s.; Dz. 3. 414 s.
- Куб. 1978 – *Kubašec M.* Nalětnje wětry. Budyšin: Domowina, 1978. 216 s.
- Мыка – Muka E. Serbske přišlōwa // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1883. XXXVI. S. 57–58.
- Нав. А. 1966 – *Nauka A.* (Pod wopačnej flintu. Budyšin: Domowina, 1966. 325 s.
- Нав. А. 1969 – *Nauka A.* Jadwiga. Budyšin: Domowina, 1969. 214 s.

- Нов. 1968 — *Nowak-Njechorński M.* Mjez Wardarjom a Jadranom. Budyšin: Domowina, 1968. 222s.
- Пф. — *Pfuhl Chr.* Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen: VEB Domowina Verlag, 1968. 1210 s.
- Радл. — *Bjedrich-Radlubin M.* Zjebani kwasarjo. Budyšin: Domowina, 1971. 238 s.
- Роля — *Rola M.* Drobnostki z luda // Časopis Macícy Serbskeje. Budyšin, 1877. XXX. S. 97–100.
- Сл. — *Słodeńk J.* Listy ze wsy. Budyšin: Domowina, 1967. 180 s.
- Тр. — *Трофимович К.К.* Верхнелужицко-русский словарь. Бауцен; Москва: Домовина; Русский язык, 1974. 564 с.
- Як. — *Jakubaš F.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.

М.И. Ермакова (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ СЕРБОЛУЖИЦКОГО ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ. IV

(парадигматика имени существительного
по данным нижнелужицких памятников письменности XVI–XVII вв.)¹

При создании серболужицкой исторической грамматики, концепция которой основывается на понятии системности языковых фактов, встает целый ряд сложных и разноплановых задач, среди которых особое значение приобретает исследование возможно более полного состава серболужицких памятников письменности. Часть этих произведений серболужицкой письменности относится к долитеатурному периоду развития серболужицкого языка – XVI в. – времени зарождения письменности. Они представляют собой письменные редакции серболужицких богослужебных книг, которые предназначались для нужд местной церкви, прихода и создавались на основе местного диалекта. Тот синхронный срез, который представлен первыми памятниками серболужицкой письменности, отражающими особенности тех или иных диалектов, можно условно считать исходным или начальным для изучения диалектной истории серболужицкого языка и различных фрагментов его системы, в том числе и субстантивных словоизменительных систем (СубСС). При этом следует учитывать, что письменный перевод на серболужицкий язык богослужебных книг с чертами определенного диалекта, хотя и близок данному диалекту, но полностью его не отражает². Это обусловлено различиями между устной речью и письменной ее фиксацией, а также жанровыми особенностями ранних памятников письменности. Последнее обстоятельство оказывается при реконструкции тех или иных фрагментов языковой системы, в частности СубСС, в значительной степени ограничивая ее возможности. Любой перевод богослужебных

книг на серболужицкий язык дает представление об определенной языковой системе, отличной от той, которую мог представлять живой диалект. При этом морфология и, в частности, СубСС могла точнее отражать существовавшую в действительности картину (по сравнению с лексикой и фонетикой), хотя и здесь определенным препятствием для восстановления субстантивной парадигмы могло стать несовершенство графической системы и орфографии любого из ранних памятников серболужицкой письменности.

Анализ и сопоставление СубСС, относящихся к различным синхронным срезам³, были начаты нами в работе, посвященной парадигматике имени существительного по данным перевода "Нового завета" М. Якубицы 1548 г.⁴. Этот перевод был одной из первых попыток письменной обработки лужицкого диалекта. Он выполнен на основе текста Библии М. Лютера и возник на востоке нижнелужицкой языковой территории. В нем отражены черты ныне не существующего жаровского диалекта. По мнению исследователей⁵ перевод М. Якубицы – один из самых значительных серболужицких памятников, анализ которого является необходимым условием изучения данного синхронного среза (XVI в.). Мы принимаем его условно за начальную точку отсчета при исследовании истории серболужицкой СубСС.

Прежде чем остановиться на общей характеристики СубСС, представленной в переводе "Нового завета" М. Якубицы, отметим, что ни один из ранних серболужицких библейских переводов не дает возможности представить полностью парадигму того или иного существительного, а в некоторых случаях и обобщенную парадигму (парадигму-эталон) для той или иной группы существительных, например, для так называемых "личных" имен существительных, "неличных" существительных мужского рода; могут отсутствовать некоторые формы в парадигмах женского или среднего рода. Особенно много пробелов наблюдается при восстановлении такого фрагмента субстантивной парадигмы как двойственное число, которое чаще всего представлено единичными формами.

Полная парадигма изменяемого имени существительного в тексте перевода М. Якубицы состоит из набора 21 словоформ; каждая из словоформ имеет одно из семи падежных значений и одно из трех значений числа. Представлены следующие падежные значения – име-

нительного, родительного, дательного, винительного, творительного, местного, звательного; три значения числа – единственное, двойственное, множественное.

Анализ СубСС перевода М. Якубицы, опирающийся на полное обследование текста памятника, дает возможность следующим образом представить данную субстантивную систему:
обобщенная парадигма (парадигма-эталон) для существительных мужского рода –

Ед.ч.: Ил. -*θ**, -a, Р. -a, [-i]**, [-u], Д. -u, -owi, -oji, В.=Р. (И), Т. -em, М. -u, -e, Зв. = Ил. или -e, -u, -i;

Дв.ч.: Ил. -a, Р.-***, Д. -ota, В.=Р., Т. -ota, М. -ota, Зв.-И.;

Мн.ч.: Ил. -oje, -y, -i, -e, Р. -ow, -i, Д. -ot, -om, В.=Р. (И), Т. -omi, -mi, -emi, М. -ach, -ech, Зв.= Ил.;
среднего рода –

Ед.ч.: Ил./В. -o, -e, -um⁶, Р. -a, Д. -u, -owi, -oji, Т. -em, М. -u, -e, Зв.= Ил.;

Дв.ч.: Ил. -e, Р. -owi, Д. Т., М. -ota, Зв.= Ил.;

Мн.ч.: Ил./В. -a, [-y], Р. -θ, -ow, Д. -am, Т. -ami, М. -ach;
женского рода –

Ед.ч.: Ил. -a, θ, Р. -y, -e, [-ě], -i, Д. -e, -y, -i, В. -u, θ, Т. -u, М. -e, [-ě], -y, -i;

Дв.ч.: Ил. -e, Р. -owi, [-u], Д. -, В. -e, -y, Т., М. -ota, Зв.= И.;

Мн.ч.: Ил. -y, -e, Р. θ, -ow, -i, Д. -am, В. -y, -e, θ, Т. -ami, -mi, М. -ach.

Для парадигмы существительных мужского рода характерно четко выраженное противопоставление в словоизменении так называемых одушевленных и неодушевленных имен существительных, а именно в форме В. ед.: в парадигмах одушевленных имен существи-

*Окончания в парадигмах-эталонах представлены в современной орфографической записи. Так же даны и окончания в тех частях статьи, где комментируются отдельные формы субстантивной парадигмы.

** Квадратные скобки в парадигме-эталоне указывают, что данное окончание употребляется в единичных случаях.

*** Прочерк указывает на отсутствие формы в тексте памятника.

тельных В. ед. тождествен Р. ед., в парадигмах неодушевленных – В.ед. тождествен И. ед. Лишь в некоторых случаях употребления слов *bog*, *duch* наблюдается совпадение форм В. ед. и И. ед., в других случаях отмечается обычная форма В./Р.ед. Ср., например, ...*aby te kotore w Bogh wiwerily su...* (Tit. III, 8) – ... *a chwadily Bogha...* (Jap. XI, 18); *Natim/ wie derische ten duch Boschy poznatz* (l. Jan. IV, 2) – ...*kotory pak/Hany tego switiego Ducha ...* (L. XII, 10).

В парадигмах неодушевленных имен существительных В. мн. всегда тождествен И. мн. У одушевленных – возможны как В./Р.мн., так и В./И.мн. Ср., например, ...*pomisly won wohldatcz swoich Brattrou* (Jap. VII, 23) и ... *gdisch won wopuszczy duom, albo Brattrou... zebi ie newesmul stookrat, nint wetim / tu z cassu, duomy, a Brattray...* (M.X, 29–30). В последнем случае (*Brattray*) В.мн. совпадает с И.мн. Для дв.ч. характерно тождество винительного и родительного падежей для парадигмы одушевленных существительных и винительного и именительного – для неодушевленных. Отмеченную выше форму В./И.ед. для слова *bog* вероятно можно считать отражением старого В. ед. *Bogh*.

Имеющийся материал не выявляет противопоставления в словоизменении так называемых "личных" и "неличных" имен существительных, так как в тексте памятника "неличные" одушевленные существительные представлены незначительной по составу группой. Можно лишь отметить, что формы Зв.ед. выступают только у существительных, обозначающих лицо. В других случаях зафиксированы формы, тождественные И.ед. Ср., например, у одного и того же "личного" существительного *Symon* форма Зв./И. и форма Зв. с окончанием *-e*: *ty Symon* (Mat. XVI, 17; L. VII, 40; XXII, 31) – *Symone* (J. XXI, 16).

В Р. ед. для одушевленных имен существительных употребляется всегда окончание *-a*, за исключением двух случаев – *Kristu* (Rom. XV, 19), *woolu* (L. XIII, 15).

Характерной чертой словоизменения имен существительных мужского рода является вариантность, благодаря которой у одного и того же существительного возможны парадигмы, входящие в состав разных парадигматических классов. Они различаются окончаниями, характеризующими Р., Д., М. и И. мн. Для некоторых существитель-

ных, обозначающих лицо, форма Зв.ед. может быть образована с помощью разных окончаний, находящихся в отношении свободного варирования. Ср., например, для слова *syn* : Зв. ед. *Syn* (M. X, 47; Mat. XVI, 17; L. XV, 31; 1. Tim. III, 14; Mat. XXI, 28) – *Synu* (M. X, 48; Mat. IX, 27; 1. Tim. I, 18). В Р. ед. неодушевленных существительных отмечено как окончание *-a*, так и окончание *-u* (у существительных с твердым исходом основы): ср., например, (*wot*) *Chleba/chleba* (J. VI, 51; XIII, 26); (*do*) *klyna* (L. VI, 38; XVI, 22), *hnewa / Hnewa/gnewa* (Jap. XIII, 45; Rom. IX, 22); (*s/z*, *wot/wod*, *posrehetz*, *wokolo*) *stolu/Stolu/stölu/stoolu* (Mat. XV, 27; L. I, 52; XVI, 21; Z.J. XVI, 17; IV, 5, 6; XIX, 5; V, 11; 1. Kor. X, 21; Jap. XVIII, 16), *swaru* (Rom. III, 14; (*do*) *Boonu* (J. XII, 42), *Stabu* (L. IX, 3); (*do*) *duomu* (Mat. XII, 29, 44; L. X, 7; XIV, 1) – (*do*) *duoma* (M. III, 27), (*wot, bes, ze*) *zakona* (J. VII, 49; 1. Kor. IX, 21; Jak. IV, 12; I. XVI, 17) – (*wedla*) *zakonu* (Heb. VIII, 4), (*wot/wod, do*) *Wettfa / wetra/wettra* (J. VI, 18; Jak. III, 4; Jap. II, 2); 1. Kor. IX, 26; XIV, 9) – (*podla*) *wetru* (Jap. XXVI I, 40), (*z, wot/wod*) *dhyma/dyma* (Z.J.I X, 2, 18; XV, 8) – (*z*) *dhymu* (Z.J.IX, 3), (*do, z*) *Romu* (Jap. II, 10; XVIII, 2; XXVIII, 14, 16; Rom. XVI, 27; Gal. VI, 18) – *Roma* (Jap. XIX, 21). В Д. ед. наиболее распространенным окончанием является *-owi*, но наряду с ним у всех имен существительных мужского рода встречаются также окончания *-oji*, *-u*. Ср., например, с окончанием *-owi*: (*k*) *Symonowy* (J.XX, 2), *lottrowy* (Mat. XXI, 55), *Jakubowy* (L. VIII, 51), *Ioseffowy* (J.IV, 5); *landsoytowy*, (*k*) *Pilatowy* (J.XIX, 21), (*k*) *Titowy* (Tit. I, 4); (*k*) *Sluschednikowy* (Jap. XIII, 5), *Grekowy* (Rom. II, 9), *rotnikowy* (M. XIII, 34); *Kristussowy* (Rom. X, 6; Gal. V, 24). *Iessusowy* (J. XVIII, 22; L. VIII, 35), *Mosassowy* (Mat. XVII, 4); *Juda-schowy*! (J.XIII, 2), (*k*) *towarischowy* (2. Kor. VIII, 19), *Gospodarowy/Hosподарowy* (L.X, 35); Mat. XIII, 52), *Garnicarowy* (M. XIV, 48); с окончанием *-oji*: (*k*) *Biskupogy* (1. Petr. II, 25); *Dauidohy* (Jap. XIII, 34); (*k*) *Pastirogy* (1. Petr. II, 25), (*k*) *pøestupperogy* (Gal. II, 18), (*k*) *Sudscherogy* (Heb. XII, 23), *Haniczerogy* (1. Tim. III, 7), (*k*) *datogy* (Ef. V, 2), (*k*) *swatogy* (1. Tim. V, 14), (*k*) *Slupogy* (Z.J. III, 12), *Sselmogy* (Z.J. XX, 4); (*Ku*) *kamenogy/kamenohy* (Jap. IV, 11; Z.J. XXI, 11; 1. Petr. II, 4, 7), (*k*) *wognogy* (2. Petr. III, 7), *Woleogy* (Z.J.IV, 6), (*k*) *poludnohy* (Jap. VIII, 26). : Для ряда существительных мужского

рода формы Д. ед. зафиксированы с разными окончаниями. Ср., например, для существительного *bratr* возможны окончания *-owī*, *-ořī*, *-i*: *Bratrowy/Brattrowy / bratrowy* (Mat. XVIII, 21; XXII, 24–25; L. VI, 42) – *Brattrogy* (Jak. VI, 11) – *Bratru* (M.V, 37); для слова *Jan* – окончания *-owī* и *-ořī*: (*k*) *Janowy* (J. III, 26; L. VIII, 51) – (*k*) *Janohy* (Jap. III, 11); а также (*k*) *wynuczarowy* (Mat. XX, 8) – *wini czarohy* (L. XIII, 7), (*k*) *Janschelowy* (L. I, 18) – *Janschelogy* (Heb. I, 5), *kralowy* (Jap. XXV, 14) – *kralogy* (1. Petr. II, 13), *woholowy* (1. Tim. V, 18) – *Woology* (1. Kor. IX, 9), (*k*) *bregowy/Breghowy* (J. VI, 21; Jap. XXVII, 40) – (*k*) *bregohy* (L. V, 11), (*k*) *glossowy* (J. X. 27; Z.J. III, 20; Heb. XII, 19; 1. Kor. XIV, 11) – *glossohy* (J. X, 3, 16); (*напр. cze* *czywo*) *Templowy* (M. XIII, 3; Jap. XXV, 8) – (*k*) *Templogy* (Ef. II, 20). Для некоторых существительных формы Д. ед. образуются с тремя окончаниями, но при этом наиболее распространенным является окончание *-owī*: ср., например, *Duchowy/duchowy* (L. VIII, 29; Jap. V, 3; VII, 51; XV, 28; XVI, 18; Rom. VIII, 16) – *Duchohy* (1. Jan. IV, 1) – *Duchu* (Jap. VI, 10); (*k, ku*) *Knisowy / knosowy / Knysowy / knisowy* (Jap. IV, 26; XI, 21; XX, 19; L. I, 17; IV, 8; XIV, 21; XVI, 5; XVII, 5; XIX, 8, 31; XX, 37, 42; Mat. XXI, 3; M. XI, 3; L. XIX, 8, 31; Kol. III, 16; 1. Tim. I, 12) – (*k*) *knisogy/knysogy / knisohy/Knisohy* (Kol. III, 20, 23; 2. Kor. III, 16; Ef. V, 19, 22; Jap. II, 34, 36; IX, 35) – *knisu/knysu/Knisu* (L. I, 16; Z.J. XIX, 1; Ef. III, 11; Kol. III, 24); (*ku*) *duomowy* (J. II, 16; Mat. XXIV, 43) – (*k*) *duomohy* (Jap. XII, 12) / *domogy* (1. Tim. III, 5) – (*k*) *duomu* (L. XV, 25); Для существительных *zakon*, *stoł* и *lud* отмечено преобладание окончания Д.ед. *-i*: ср. *zakonu* (Heb. VIII, 7; Jak. IV, 1; Jap. VI, 13; XXI, 28; XXIII, 3; XXV, 8; Rom. VII, 22, 25; IX, 31) – *zakonowy* (Jap. XVIII, 13; Rom. VII, 4, 23) – *zakonogy* (Gal. II, 19); (*k*) *stolu / stolu/Stoolu/Stolu / stoelu* (1. Kor. VIII, 10; L. VII, 36; XI, 37; XII, 37; XIII, 29; XVII, 7; XXII, 14; XXIV, 30; Mat. IX, 10; XXVI, 20) – (*k*) *stolowy* (Heb. IV, 16; Rom. III, 25) – (*k*) *Stology* (Z.J. XII, 5). У других существительных мужского рода окончание *-i* римчается в единичных случаях: ср., например, *schiedu* (Rom. II, 9), *Proroku* (2. Petr. II, 16). (*напр. czeczywo*) *Boghu / Bogu* (Mat. XXVIII, 43; XV, 5; L. XVI, 13; IV, 8; Jap. VI, 11; XI, 17; 1. Tess. I, 9; Ef. I, 16), (*Pc zybogu/Pc zy bogu* (Jap. VII, 41; 1. Kor. VIII, 4), (*k*) *woschczu/Woschczu* (L. XII, 32; 1.

Kor. XV, 24; Ef. III, 14; V, 20; Kol. I, 3; Mat. VI, 6); *trosthу* (2. Kor. I, 6), ((k) *prospechu* (Fil. I, 12), (k) *pokoiu* (Rom. XIV, 19).

Употребление форм Д. ед. какого-либо имени существительного с тем или иным окончанием обычно не связано с противопоставлением различных по характеру контекстов. Но в одном случае, где формы Д. ед. употреблены с разными окончаниями в составе одного предложения, можно говорить об определенном смысловом противопоставлении: *Da ia ninto sluschim w mys-/lu zakonu Boschemu, Albo stym Mussem te-/mu zakonowу grechow* (Rom. VII, 25).

Варианты окончаний наблюдаются также и для форм М. ед. При этом здесь наблюдается определенное противопоставление неодушевленных существительных с твердым и мягким исходом основы: в М. ед. слов с мягким конечным согласным в основе и -i возможно только окончание -u / ср. Р. ед., где у неодушевленных существительных с мягким исходом основы употребляется всегда окончание -a / – ср., например, М. ед. (wo) *Muschu* (L. I, 34), (na) *kuonu/kuonw* (Z.J. XIX, 19, 21), (w) *Templu* (M. XI, 15), (nə) *krayu* (M. VI, 47), (w) *pokoyu* (L. II, 29), (w) *Jerusalu* (L. XXIV, 49), (pczy) *gczy-schu* (J. XIX, 25), (w) *kosschu* (Jap. IX, 25), (pczy) *Woltaru* (Mat. XXII, 18, 19). Только окончание -i в М. ед. употребляется у существительных мужского рода с основой на -s, -z, -c: ср., например, (wo) *Jesuss* (Jap. XXV. 19), (w) *Kristussu* (1. Kor. XV, 22), (w) *Woschczu* (J. XIV, 10), (po, w) *zcassu / zassu/czassu* (Mat. XXV, 19; III, 1; L. VIII, 13; XV, 13; XVIII, 5). У остальных имен существительных отмечены окончания -i, -e или оба варианта: ср., например, М. ед. (w) *Adamu* (Kor. XV, 22), (wo) *Janu* (L. III, 15), (wo) *Paulu* (Jap. XXV, 14), (wo) *Demetru* (3. Jan. 12), (wetim) *Mammonu* (L. XVI, 11), (potim) *Furstu* (Ef. II, 2), (w, po) *Issaku* (Rom. IX, 7; Gal. IV, 28), (w) *Azatu* (Jap. VIII, 40), (w) *Korintu* (Jap. XIX, 1), (na) *listu* (1. Kor. V, 9), (w) *luedu/ludu* (Mat. XXVI, 5; M. XIV. 2; L. XIX, 47; Jap. V, 12), (w) *chodu* (L. IX, 51), (w) *gloodu* (2. Kor. XI, 27), (w, po) *poschudu* (Ef. II, 3; 2. Tim. IV, 3; 2. Petr. II, 10), (za) *prykladu* (2. Tim. I, 13), (w) *bludu* (2. Petr. II, 18), (w) *pczychodu / pczichodu* (Tess. II, 19; IV, 15; 1 Jan. II, 28); (w) *Kelichu* (Z.J.XIV, 10), (w) *skutku* (2. Kor. X, 11); (po Swatim) *Jakube* (c. 415), (w) *duome* (Mat. XXVI, 6), (w) *po-pele* (L.X, 13; Mat. XI, 21), (w, po) *zakone/zakoneh* (L. II, 22, 39; X,

26; XXIII, 56; XXIV, 44; J. VIII, 5; X, 34; XII, 34; XV, 25; Mat. XXII, 36; Jap. XIII, 38; XXII, 3; XXIII, 3; XXIV, 6, 14; Rom. VII, 23; 1. Kor. IX, 21...), (*na*) *Mlynee* (Mat. XXIV, 41), (*w*) *Schlobe* (L. II, 12, 16), (*w*) *Sodome* (Mat. XI, 23), (*w*) *Rome* (2. Tim. I, 17; Jap. XXIII, 11; Rom. I, 15), (*w*) *klyne* (L. XVI, 23), (*w*) *Hrowe* (J. XI, 17), *psalme* (Jap. XIII, 33), (*na*) *rozsume* (1. Kor. XIV, 20), (*w*) *stayne* (Gal. IV, 18), (*w*) *roz-kome* (1. Tim. V, 6), (*w*) *gnewe* (Heb. III, 11), (*w*) *Bettlehemē* (Mat. II, 16), (*w*) *miere* (L. VIII, 48; 1. Kor. XVI, 11), (*w*, *we*) *Jordane* (M. I, 5, 9); (*w*) *schywocze / schiewocze* (L. I, 15, 41; 2. Kor. XII, 2, 3...), (*w*) *stalcze* (L. III, 22; Fil. II, 6), (*w*) *lufcze* (Ef. II, 2), (*w*) *luszcze* (1. Tess. IV, 17); (*w*) *rooce* (Heb. IX, 7), (*w*) *brussche* (Z.J. 9–10). Для небольшой группы существительных отмечены два окончания -и и -е : ср. M. ед. (*na*, *w*) *zloweku* (!) Jap. XXIII, 9; 1. Kor. II, 11) – (*we*, *na*, *po*) *zlowecze / zlowece* (L. XXIII, 4; Jap. XXV, 5; Rom. VII, 22; Ef. III, 16); (*pczy*, *w*) *Boghu* (1. Kor. II, 11; Mat. XXVI, 63) – (*po*) *Bose* (Ef. IV, 24); (*na*) *Stōle / stoele/stoole/Stoole* (Mat. XIX, 28; XXIII, 2; XXV, 31; Heb. VIII, 1; XII, 2; Z.J. III, 21; V, 7, 13; VI, 16; VII, 10) – (*w*) *Stoolu* (Z.J.V, 6), (*na*) *wopru* (Mat. IX, 13) – (*pczy*) *wopree* (Mat. XXIII, 18), (*na*) *strome* (L. XIII, 7) – (*wot*) *Stromu* (Mat. XXIV, 32), (*w*) *Jerusaleme* (L. XIII, 4) – (*w*) *Jerusalemu* (L. XXIII, 7; XXIV, 18, 47; J. IV, 20, 21, 45; V, 2; X, 22; Jap. IV, 16; XX, 16) Для существительного *swet* более, чем в тридцати случаях, наблюдается окончание -е и лишь в одном случае отмечено окончание -и: ср., например, (*na*) *Swetcze / Swesche* (Ef. II, 12; J. XII, 25...) – (*wo*) *Swettu* (1. Jan. IV, 5). Ср. также (*w*) *narodu* (L. XVI, 8) – (*w*) *narosche* (M. VIII, 38), (*na*) *Bregu* (Mat. XIII, 2) – (*pozy*) *breeze* (J. XXI, 4) ./ *bresek* (Jap. XXI, 5).

Как уже отмечалось выше, особые формы Зв. ед. характеризуют в некоторых случаях лишь существительные мужского рода, обозначающие лицо. В Зв. ед. представлены следующие окончания: -*θ*, -*e*, -*u*, -*i*. Для некоторых имен существительных зафиксированы варианты форм Зв. ед. Ср., например, формы с окончанием -*θ*: (*ty*) *Satan* (L. IV; 8; M. VIII, 33); с окончанием -*e*: *Ty Blasne* (L. XII, 20; 1. Kor. XV, 36), *Theofile* (L. I, 3), *Saule* (Jap. IX, 17; XXII, 13), *ty Dyable* (Mat. XVI, 23), *Pawle/Paule* (Jap. XXVI, 24; XXIII, 11), *luby Bratre* (Jap. XXII, 13), *lube Bratcze* (F. 7), *Petre* (Jap. X, 13), *Petcze*

(Jap. XI, 7); с окончанием *-e*: *ty Symon* (Mat. XVI, 17; L. VII, 40; XXII, 31) – *Symone* (J. XXI, 16); с окончанием *-i*: *Woschcze Abrahamu* (L. XVI, 30); с окончаниями *-e* – *-i*: см. выше Зв. ед. *Syn* – *Synu*; *-e* – *-i*: *Mistr* (L.XXII, 11) – *Mistre / Mystre/mistre/ mystre* (J. I, 38; III, 2; L. XVII, 13; VII, 40; M. IV, 38; X, 17; 20, 35; XII, 14, 19, 32); *e* – *-u*: *ty neczysty Dusche* (M. V, 8) – *Ty nehmy a gluchy Duchu* (M. IX. 25).

Варианты окончаний характерны также и для форм II. мн. и Р. мн. Ср., например, II. мн. с окончаниями *-oje* и *-y*: *Haitmanowe haitmanowe* (Jap. XVI, 36; Z.J. VI, 15) – *te Haitmany* (Jap. XVI, 22, 35), *Brattrowe* (J. VII, 5; Gal; I, 2; 1. Petr. V, 9) – *Brattry / Bratry/ Brattri* (J. II, 12; VII, 3, 10; Jap. VII, 25–26...), *Japoschtolowe/Japo posstolowe/Japostolowe* (Jap. XV, 23; 2. Kor. VIII, 23; XI, 5, 13; 1. Kor. XII, 29) – (*te*) *Japoschtoły / Aposstoly/Japostoli/Japostoly* (Jap. IV, 33; V, 29; VIII, 14; XI, 1; L. IX, 10...); *Virtutowe* (Rom. VIII, 38) – *virtuti* (1. Petr. III, 22), *Potestatowe* (Rom. VIII, 38; Kol. I, 16) – *Potestati* (1. Petr. III, 22); – *oje* – *[i]*: *Snanki* (Jap. III, 15) – *Snankowe / znankowe* (J. III, 28; Jap. V, 32; I, 7 (8); VII, 57; X, 39), *Meschniczy/Meschnicy* (Jap. IV, 1; 1. Tim. V, 17; Heb. VII, 23) – *Meschnikowe* (Heb. VII, 20). Для существительных с основой на *-k* наиболее употребительным является окончание II. мн. *-oje*. Напротив, слова с основой на *[-s], [-z], [-c]* в большинстве случаев отмечены с окончанием *-y*, окончание *-oje* присуще только словам *knis, woschcz, sprawc*. Ср., например, *Winowaiczy* (Rom. XIII, 7), *Schenczy* (Mat. XIII, 39), *mudrczy* (Jap. XVII, 18), *Twarczy / twarczy* (1. Petr. II, 7; L. XX, 17; Mat. XXI, 42; M. XII, 10), *kirczy* (Z.J. XVIII, 3) – *knysouje* (L. XXII, 25), *Woschczowe / wosczozhe* (L. VI, 23; J. IV, 20; VI, 31, 48, 58; Rom. IX, 5), *sprawczowe* (L. XIX, 47).

У существительных с основой на *[-r], [-l], [-j]* обычным является окончание *-e*: ср., например, *Borgare* (L. XIX, 14), *Romare* (J. XI, 48), *Igare* (Tit. I, 12), *Woszegare* (Mat. XXVIII, 4), *Wyniczare* (M. XII, 7), *Mordare* (J. X, 8), *Marinare* (Jap. XXVII, 27), *Woinare* (L. III, 14), *Janschele* (Jap. XXIII, 8), *perczaczele* (L. XIX, 43), *Pczaczele* (L. I, 58), но *Kralowe* (Jap. IV, 26); *Sloscheye* (J.X, 8), В. мн. *pan cyre* (Z.J.IX, 9), *Sigle* (Z.J. V, 2), *voltare* (Rom. XI, 3).

В единичных случаях варианты окончаний *-oic* и *-ic* или *-oic* и *-i* отмечаются и в Р. мн. отдельных существительных. Ср., например, Р. мн. (*icot*) *drobesk* (М. VII, 28; VIII, 19, 20) – (*tich*) *drobeskow* (М. VIII, 8); (*s*) *kameny/kamenie* (Mat. III, 9; L. III, 8; Z.J. VI, 15) – (*s*) *kamenow* (Z.J. XVIII, 12).

Анализ словоизменения имен существительных мужского рода свидетельствует о том, что в нем находит выражение, хотя и не-последовательное, противопоставление имен существительных с твердым и мягким характером исхода основы. Так, в Р. ед. неодувленных существительных с мягким исходом основы возможно только окончание *-a*, в М. ед. – только *-i*; в И. мн. у существительных с мягким типом основы при наличии ряда окончаний предпочтительным оказывается окончание *-e*; в Р. мн. у существительных с основой на *-r* наряду с обычным для всех существительных окончанием *-ow* выступает окончание *-i*.

Выбор того или иного окончания влечет за собой определенное распределение вариантов основы в пределах данной парадигмы; графически иное оформление основы, чем в исходной словоформе I Ед., можно наблюдать в словоформах М. ед., Зв. ед., Д. ед., И. мн. в определенной грамматической позиции – перед окончаниями *-i*, *-e*, *-a*. Ср., например, Зв. ед. *Petcze* (Jap. XI, 7) (*Petr*); *Kriscze* (Mat. XXVI, 68) (*Kristus*); (*o*) *zlowecze/zlowece* / *zlowece* (*Boschy*) (L. XII, 14; XXII, 58; 1. Tim. VI, 11) (*zloweg*); *Paroucze* (L. XIX, 17) (*parouk*); *Bosche* (L. XVIII, 11, 13) (*Bogh*); *Dusche* (M.V, 8) (*Duch*); *Knesche/knesche* (M. IX, 24; L. V, 12; XIX, 8; Jap. VII, 59) (*knis*); М. ед. – (*w, na, po*), *zlowecze/zlowece* (L. XXIII, 4; Jap. XXV, 5; Rom. VII, 22; Ef. III, 16); (*po*) *Bose* (Ef. IV, 24); (*na*) *Swetcze/Swesche* (Ef. II, 12; J. XII, 25...) (*swet*); (*w*) *schywocze/schiewocze* (L. I, 15, 41; 2. Kor. XII, 2, 3...) (*schywot*); (*w*) *stalcze* (L. III, 22; Fil. II, 6) (*Stalt*); (*w*) *lufcze* (Ef. II, 2) (*lust*); (*w*) *luscke* (1. Tess. IV, 17) (*lust*); (*w*) *narosche* (M. VIII, 38) (*narod*); (*w*) *rooce* (Heb. IX, 7) (*rook*); (*pczy*) *breese* (J. XXI, 4) (*breg*); (*po, w*) *naloze/naloze* (Jap. XV, 1; XXI, 21; 1. Kor. IX, 8; XIV, 10; Gal. III, 15; L. I, 9; II, 27, 42; IV, 16; XXII, 39; XXIII, 17) (*nalog*); (*w*) *brussche* (Z.J. 9–10) (*bruch*); И. мн. – *Bratza* (L. VIII, 19–21) (*bratr*); *schyschy/Schyschy/Schieschy* (Jap. XIII, 42; XVIII, 12; XIX, 10, 33; XXI, 11, 27; XXIII, 24, 27, 30; XXIV, 9; XXV, 7; XXVI, 2,

21; XXVIII, 19, 29; J.V, 10, 16, 18) (*Schied*); *Paroucy / paroucy / Paruicy* (J. XVIII, 18); Rom. VI, 16; Jap. XVI, 17, 38; XXIII, 31; XXVII, 32; I. Kor. XII, 13; L. XII, 37) (*parouk*); *dobrounicy / dobrounicy / dobrnicy* (Tit. III, 7; Rom. IV, 14; VIII, 17; Gal. IV, 7; Ef. III, 6) (*dobrounik*); *Nasledounicy / nasledounicy* (I. Kor. X, 33; Fil. III, 17; Ef. V, 1) (*nasledounik*); *duschnicy* (Rom. VIII, 12) (*dluschnik*); *wob-skarschounicy* (Jap. XXV, 18) (*wobskarschounik*); *greschnicy / greschnyczy / greschniczy* (Rom. III, 23; L. VII, 29; XV, 1) (*greschnik*); *Sluschebnicy / Sluschebnicy / sluschebnicy* (2. Kor. VI, 4; Jap. V, 22...) (*sluschebnik*); *Rybacy* (L. V, 2) (*rybak*); *pczeradniczy* (Jap. VII, 52) (*przeradnik*); *wucebnicy* (Jap. XIII, 1) (*wucebnik*); *Rubeschnicy* (I. Kor. VI, 10) (*rubeschnik*)... Однако в нескольких случаях в позиции перед окончанием [i] не наблюдается изменения последнего согласного основы типа [k] : [c], ср. *Sudniki* (Mat. XII, 27), *lgarnomoluniki* (I. Tim. IV, 2); *Modlenky* (J. IV, 23), *zloweky* (J. III, 19; Jap. XVI, 17; I. Kor. I, 25), *znanki* (Mat. XXVI, 60); лишь в одном случае употреблен И. мн. слова *prorok* без изменений в исходе основы – *Prorokuy* (Mat. XXVI, 68), в остальных находим форму *Protoszy / Protoscy* (L. XVI, 16; XXIV, 25; Jap. III, 24; X, 43; XIII, 1; XXVI, 22; I. Kor. XII, 29).

Для Д. ед. изменения в исходе основы отмечено у существительного (*ten*) *Scholta*, парадигма которого образуется по типу существительных женского рода, ср. Д. ед. (*k*) *Scholcze* (Mat. V, 25; L. XII, 14; Jap. VII, 27, 35).

Текст перевода памятника не дает полного представления о словоизменении имен существительных среднего рода; особенно много пробелов в частной парадигме двойственного числа, а также в частных парадигмах единственного и множественного числа у существительных с определенным типом основы. Однако можно отметить следующее: для некоторых словоформ парадигмы существительных среднего рода характерна вариативность окончаний. Словоформы-варианты отмечаются в Д. ед., М. ед., Р: мн. В некоторых случаях словоформы-варианты употребляются для одного и того же существительного. Так, например, для Д. ед. возможны окончания *-i*, *-oki* и *-oji*. Некоторые существительные имеют в Д. ед. одно из названных окончаний, обычно это окончание *-i*, в единичных случаях

-*oјi*. Для других существительных зафиксированы варианты окончаний -*i* и -*oшi*, -*oјi* и -*oшi*, существительные *swetlo*, *żyjenje* отмечены с окончаниями -*i*, -*oшi*, -*oјi*. Ср. с окончанием -*i* – (*ku*) *Gemeinstwu* (1. Кор. I, 9), (*k*) *Schiwoustwu* (Яп. XIII, 43), (*k*, *ku*) *kratostwu* (Мат. XIII, 52; Л. IX, 62; 1. Тесс. II, 12), *mnohostu* (*mnohostuu*) (Яп. VI, 5; Иев. XII, 22), *blasn<š>turu* (2. Кор. XI, 1), (*k*) *Sche-czitztuu* (Еф. I, 5), *kurwarstwu* / *Kurwarstuu* (1. Кор. VI, 13; Еф. V. 3), (*k*) *parowstwu* (Гал. IV, 24), *pokritstwu* (Гал. II, 13), (*k*) *bogatstwu* (Кол. II, 2), *prczipodobenstwu* / *prczypodobenstuu* (Кол. III, 10; Иев. VIII, 5), (*k*) *Meschnistwu* (1. Петр. II, 5), (*k*) *Zastolianstwu* (Гал. II, 8), (*k*) *Japostolstwu* (Ром. I, 1), (*k*) *manschelstwu* (1. Кор. VII, 39), (*ku*) *dobru* (1. Петр. I, 4), *pismu* (Д. II, 22; В. 47, VII, 15), (*k*) *Newedru* (Иев. XII, 18), с окончанием -*oјi*: (*k*) *czalohy* (Яп. IX, 40); с окончаниями -*oјi* и -*oшi*: (*k*) *przykrywadlowy* (1. Кор. XI, 15) – (*k*) *przykrywadlogy* (1. Петр. II, 16), (*k*) *wynowu* (Д. IV, 46) – *winogy* (З.Д. VI, 6); с окончаниями -*i*, -*owi*, -*oјi*: (*ku*) *swetlu* (Д. III, 21) – (*k*) *swetliwy* / *Swetlowy* (2. Кор. IV, 6; Яп. XIII, 47; XXVI, 18) – (*k*) *Swetlogy* (1. Петр. II, 9), (*k*) *schywenowy* / *schywieńowy* / *schielenowy* (Мат. XVIII, 8; М. IX, 43, 45; Л. XCII, 33; Д. XII, 25; Яп. XI, 18; XIII, 48; Ром. VII, 10) – (*k*) *schienohy* / *schielenogy* (Ром. V, 21; 1. Тим. I, 16; 1. Кор. XV, 45; 2. Кор. II, 16), (*k*) *Schiewanę* / *schywienę* (Мат. VII, 14; XCII, 9).

Для существительных с мягким исходом основы в Д. ед. наиболее распространенным является окончание -*i*: ср., например, (*k*) *łowenu* (Л. V, 4), (*ku*) *skaseniu* (Л. IV, 34), (*parczeczywo*) *polubewu* (Гал. III, 21), (*k*) *woiowaniu* (Л. XIV, 31), (*k*) *daanu* (Яп. VII, 38), (*k*) *zabiczu* (Яп. VIII, 32), (*k*) *wobietczu* (2. Тим. II, 16), (*ku*) *rozna-czu* (Еф. I, 17; Фил. III, 8), (*ku*) *schneschu* (Д. IV, 38), (*parczeczywo*) *Schetczu* (Яп. IV, 27).

Окончание -*i* в Д. ед. существительных среднего рода можно считать наиболее употребительным и для других существительных (см. выше), окончания-варианты или другие из названных возможных окончаний характеризуют или единичные слова или ограниченный круг слов.

Словоформы М. ед. представлены с двумя окончаниями – -*i* и -*ē*. Обычно для одних имен существительных среднего рода в М. ед. зафиксировано окончание -*e*, для других -*i*; словоформы-варианты встречаются лишь у отдельных слов. Ср., например, М. ед. с окон-

чанием -e: (*w*) *wookne* (Jap. XX, 9), (*w*) *Syne/Synee* (Mat. XXVI, 69; L. XXII, 55), (*w, we, po*) *pisme / pysme* (Mat. XXI, 42; Jap. XVII, 11; XVIII, 24; Rom. I, 2; 1. Kor. XV, 3; 1. Petr. II, 6; Jak. II, 8), (*w*) *Swetle* (L. XII, 3; Kol. I, 12), (*na*) *cole* (Z.J.XVII, 5), (*w, we*) *pekle / Pekle* (L. XVI, 23; Jap. II, 27), (*na*) *drewē* (L. XXIII, 31; Gal. III, 13), (*w, we*) *Slowē* (1. Tim. V, 17; IV, 6, 12); (*w, we*) *mescze / Mescze / Mesce/mesze/Mestcze* (Mat. XXIV, 15; L. II, 11; XIV, 9...), (*w*) *leecze* (L. III, 1), (*we*) *bloocze* (2. Petr. II, 22); с окончанием -u: (*pczy, po*) *Jezoru/gezoru* (L. V, 2; Z.J. XVIII, 17), (*na*) *czału/czaalu* (1. Kor. VII, 34), (*w*) *gludadlu* (Jak. I, 23), (*po*) *bogatstu* (Ef. I, 7; Fil. IV, 19), (*w*) *Manschelstu* (1. Kor. VII, 10), (*w*) *potaiomstu* (Ef. III, 4), (*nad*) *Gemeynstu* (Fil. I, 5), (*w*) *nazboschenstu* (Kol. II, 18), (*w*) *pokritstu* (1. Tim. IV, 2), *pczibogstu* (1. Petr IV, 3); (*w*) *Wooku* (Mat. VII, 3), (*w*) *Serczu* (Jap. V, 4), (*na*) *Slonczu* (1. XXI, 25), (*Weim*) *woblicu* (2. Kor. IV, 6), (*w-*) *mussu* (Rom. VII, 5), (*na, pczy*) *Moru / mooru* (J. VI, 19; XXI, 1; Jap. X, 16), (*pczy, w, na*) *nebu / Nebu* (Heb. IX, 24; Z.J. IV, 11...), (*na*) *Schgrebu / schgrebu* (Mat. XXI, 5; J. XII, 15); окончание -i имеют все имена существительные с исходом на мягкий согласный основы [-s], [-z], [-c]; сп., например, (*we*) *poznaczu* (1. Kor. I, 5; 2. Kor. VI, 6; VIII, 7; XI, 6), (*po, w*) *wopitzu* (1. Kor. III, 3; Rom. VII, 6), (*po, w*) *wobieczu* (Ef. II, 2; Fil. I, 18), (*na*) *krytczu* (Mat. XXIV, 17; L. XVII, 31), (*na*) *losyschczu* (L. V, 18; XVIII, 34; Jap. IX, 33), (*pczy*) *lowenū* (L. V, 9), (*w*) *modlenu* (L. VI, 12), (*na*) *polu* (L. XII, 27) и лишь в одном случае для этого существительного отмечено окончание -i: (*na*) *poly* (L. II, 8; VI, 17; XVII, 31). Варианты окончаний в М. ед. наблюдаются в следующих случаях: (*nad, w, we, na*) *Slowē / slowē* (Jap. XX, 38; Rom. XIII, 9; 1. Tim. IV, 6, 12; V, 17; 2. Kor. VIII, 7; 1. Kor. XIII, 12; Gal. V, 14; 1. Petr. II, 8) – (*w*) *slowu* (2. Kor. VI, 7; Ef. V, 26); (*w*) *wopilstwu* (Rom. XIII, 13; 1. Petr. IV, 3) – *wopilstwe* (1. Tim. III, 8).

В словоформах Р. мн. существительных среднего рода, отмеченных в тексте памятника, наиболее распространенным является нулевое окончание. Ср., например, Р. мн. (*dla*) *Slow / slow* (2. Tim. I, 13; 1. Kor. XIV, 19; L. IX, 26; Jud. 17; 1. Petr. III, 1; Heb. V, 12; XII, 19; 2. Tim. II, 14), *kschidl* (Z.J.IX, 9), (*sedm tusint*) *Meen* (Z.J. XI, 13), (*uch*) *Dobr* (Heb. VIII, 2), (*uch*) *dopr* (Heb. X, 1), (*se, do, z*) *mest / Mest* (L. V, 17; VIII, 4; Jap. XXVI, 11; V, 16), *laath/laat* (L. II, 36; XII, 19;

XIII, 11; Heb. III, 9; Mat. XXIV, 32; 2. Petr. III, 8), (*do*) *Sercz/sercz* (Jap. XV, 8; L. XXIV, 38; Gal. IV, 6) – (*wele*) *Serczow* (L. II, 35), *wystawen (dla)* (Mat. XV, 6), (*do, z*) *nebes* (L. X, 15, 21; XVII, 24; J. III, 13), (*s*) *zwerutt* (Z.J. XV, 7) – *pytcz rebrow* (L. XIV, 19), (*do, wot, pełne*) *woczow / wooczow / wocow* (Jap. I, 9; M. VIII, 23; Z.J. IV, 6).

В словоизменении имен существительных среднего рода находит выражение противопоставление различных типов основ в М. ед. (хотя материал памятника не дает возможность привлечь полные данные относительно отдельных типов основ, например, основ на [-k], [-g], [-ch]): в М. ед. основы на мягкий согласный, а также на [-s], [-z], [-c] всегда выступают с окончанием -u (см. выше).

В некоторых случаях (у существительных с основой на -t) графические особенности словоформы М. ед. свидетельствуют о том, что перед окончанием -e возникает вариант основы, отличный от представленного в словоформе II. ед. (примеры см. выше).

Парадигмы некоторых существительных среднего рода характеризуются наращением основы в частной парадигме ед.ч. (кроме II./В.) и мн. ч. (формы дв.ч. не зафиксированы) с помощью элемента -en: ед.ч. И. (*to*) *zname* (Jap. IV, 16), Р. (*tego*) *znamen&* (Z.J. IX, 4), Д. (*k*) *znamenouy* (L. II, 12, 34), В. /И. *zname* (Mat. XVI, 1, 4) – (*za*) *znamene* (2. Tim. II, 19); мн. ч. И. *znamen&* (L. XXI, 11) / *zname-nah* (L. XXI, 25) – *znameny* (Mat. XXIV, 30), Р. *znamena/znamena* (Mat. XXVI, 3, 4) – (*za*) *znameny* (Jap. XXVIII, 11). Т. (*ze*) *zname-namy* (2. Tessa. II, 9); отдельные словоформы, где представлена основа с наращением данного типа, отмечаются для слов *strume, seme, breme*. Ср., например, ед.ч. В. *strume* (Z.J. XXII, 1), Р. (*tego*) *strumen&* (Z.J. XXII, 2), Т. (*pczy tim*) *strumen&* (Z.J. IX, 14); И. *seme* (Rom. IV, 18), Р. (*s*) *semena* (J. VII, 42), Д. (*k*) *semenowy* (L. I, 55) – *semenohy* (Rom. IV, 16), В. (*to*) *seme* (2. Кор. IX, 10), Т. (*mese*) *semenhem* (Mat. XIII, 32), мн. ч. В. (*psches*) *semena* (Gal. III, 16); ед. ч. В. *breme* (2. Кор. VI, 14), Р. *bremen&/brehemen&* (Z.J. II, 24; Jap. XV, 28); мн.ч. Р. (*stoo*) *breemen* (L. XVI, 7), Т. (*s*) *bremenamy* (L. XI, 46).

Нарашение основы с помощью элемента -ut характеризует парадигму ед.ч. (кроме И./В.) и мн.ч. существительного *swere*. Ср., например, ед.ч. И. *Swere* (Z.J. IV, 7), Р. *Sweruta* (Z.J. VI, 7), В. *Swere* (Z.J. VI, 5); мн. ч. И. (*te*) *Swerutta* (Jap. X, 12), Р. (*s*) *Swerutt*

(Z.J. IV, 8), Д. *swenutam* (Rom. I, 23), В. *sweruta* (Jap. XI, 6), Т. (*mesy*) *Swerutamy* (Z.J. VI, 6).

В парадигме существительного *jagne* наращение основы осуществляется с помощью элементов *-ut* (используется для образования словоформ мн.ч.) и *-ic'* (в словоформах ед.ч.). Непоследовательность в применении этих элементов наблюдается в Д. ед., где отмечены формы-варианты с одним и другим элементом. Ср., например, ед.ч. И. (*To*) *jagne* (Z.J.V, 6), Р. *Jagnischa* (Z.J. VI, 16), Д. (*k*) *Jagnutogy* (Z.J. V, 13) / *Jagnischogy* (Z.J. XIV, 4) / *Jagnischowy* (Z.J. VII, 10), В. *iagne* (1. Кор. V, 7), Т. (*pred, s*) *Jagniczem* / *Jagnischem* (Z.J. VII, 9; XIV, 10; XVII, 14); мн. ч. В. *Jagnueta* (L. X, 3). Ср. также В. ед. (*to*) *Skocze* (2. Petr. II, 16), В. мн. (*te*) *zko-schuta* (Jap. XXIII, 24); В. ед. *czechle* / *Czechle* (L. XV, 23, 27, 30; Jap. VII, 41), Д. ед. *Czeliczogy* (Z.J. IV, 7), но ср. без наращения парадигма *schrebe*: В. ед. *Schgrebe* / *Schgreby* (L. XIX, 30, 33, 35; Mat. XXI, 2, 7), М. ед. (*na*) *Schgrebu/schgrebu* (Mat. XXI, 5; J. XII, 15).

Нарашение основы с помощью элемента *-es* характеризует частную парадигму мн.ч. (формы дв.ч. не отмечены) существительного *Nebe*. Ср., например, ед.ч. И. (*to*) *Nebe* (L. III, 21), Р. (*z*) *neba* (Mat. XVI, 1), Д. (*k*) *nebu* (L. XVIII, 13), Т. (*pod*) *nebem* (Kol. I, 23), М. (*w*) *nebu* (Heb. IX, 24); мн.ч. И. (*te*) *nebesa* (L. IV, 25), Р. (*do*) *ne-bes* (L. X, 15), Д. (*k*) *nebesam* (Z.J. X, 5), Т. (*pod*) *nebesamy* (L. IX, 58), М. (*w, we*) *nebesach* (J. III, 13: Rom. IV, 18), В. *nebesa* (Jap. III, 21; J.I. 51).

Особыми окончаниями, отличными от окончаний мн. ч. в парадигмах существительных среднего рода, характеризуется существительное *schecke* (кроме обычного окончания *-ach* в М. мн.)⁷. Некоторые отличия от обычных окончаний ед.ч. наблюдаются и в парадигме слова (*to*) *Euangelium*⁸.

В словоизменении имен существительных женского рода такое явление как вариантность окончаний у словоформ с одним и тем же падежным значением не находит такого яркого выражения, как в парадигмах существительных мужского и среднего родов. Варианты окончаний *-u* и *-e* наблюдаются в Р. ед. некоторых существительных женского рода с основой на *-c*: ср., например, Р. ед. (*do*) *wyniczy* (Mat. XX, 4, 8) – (*teye*) *winicze* (L. XX, 10, 15), (*do*) *Wynicze* / *wy-*

nicze (Mat. XX, 1, 2, 7; M. XII, 8) / *winnicze* (M. XII, 9); (*podla*) *Pokladniczy* (J. VIII, 20) – (*do*) *pokladnicze* / *Pokladnicze* (Mat. XXVII, 6; M. XII, 41, 43; L. XXI, 1, 3); *proczy* (2. Kor. X, 15) – (*wele*) *procze* (L. XVIII, 5), (*schadneye*) *procze* (L. XI, 7).

Характерной особенностью словоизменения имен существительных женского рода является омонимия форм Д. ед. и М. ед., В. ед. и Т. ед. (кроме имен существительных с нулевым окончанием в исходной словоформе). Ср., например, Д. ед. (*k*) *Schöne* / *Schone* (1. Kor. VII, 27, 33; Mat. XIX, 5; M. X, 7; XII, 23) – М. ед. (*na*) *scho-one* (1. Kor. XIV, 35); Д. ед. (*k*) *Göre/gore* (Mat. XVII, 20; XXI, 1, 21; M. XI, 1, 23) – М. ед. (*na*) *Gore/gore* (M. XIII, 3; L. VIII, 32; J. IV, 20); Д. ед. (*k*) *glowe* / *Glowe* (Ef. I, 22; Mat. VIII, 9; L. II, 8) – М. ед. (*na*) *glowe* (L. XII, 7; Mat. X, 30); Д. ед. (*k*) *were* (1. Tess. III, 2) – М. ед. (*w*) *weere*, (*po*) *were* (Jap. XIV, 22; Mat. IX, 29); В. ед. (*pres*) *Mueru* (Jap. IX, 25) – Т. ед. (*s*) *meru* (Mat. VII, 2; L. VI, 38), В. ед. (*pod*) *mrokawi* (1. Kor. X, 1) – Т. ед. (*s*) *mrokauu* (1. Kor. X, 2), В. ед. *schkodu* (L. IV, 35) – Т. ед. (*s*) *schkodu* (Jap. XVII, 10); В. ед. (*tu*) *Schowku* (Gal. IV, 30), Т. ед. (*s*) *tuku* (Heb. IX, 11).

Именам существительным женского рода с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в исходной словоформе свойственна омонимия словоформ Р., Д. и М. ед., где представлено окончание *-i*: ср., например, Р. ед. (*do*, *s*) *Loeschy* (L. V, 3; M. IV, 1, 37; V, 18; VI, 45) – Д. ед. (*k*) *loschy* (J. VI, 19) – М. ед. (*w*, *na*) *loeschij* / *loschy* (M. I, 19; IV, 36, 38; L. V, 7; J. XXI, 8).

В графике форм Д. ед., М. ед. и И. дв. с окончанием *-e* отражено изменение основы, выступающей в исходной и всех других словоформах, зафиксированных в текстах перевода (исключение представлено в сочетании со словоформой И. дв. *dwe byde* (Z.J.IX, 12)). Ср., например, И., Р., В., Т. ед. с основой на [-d, -t] – Д.М. ед. с основой на [-ɛ, -c] (граф. *-sch*, *-cz/-sch*): (*ta*) *Raada* (Mat. XXVI, 59), (*do*) *Raady* (L. XXIII, 51), (*iednu*) *raadu* (M. XV, 1) – (*tey*) *Radsche* (Jap. XXIII, 15; XXII, 30), (*w*) *raasche* (Jap. VI, 15); *Sobota* (M. XVI, 1), (*dla*) *Soboti/Soboty* (M. II, 27, 28; Mat. XXVIII, 1), (*na*, *pred*) *Sobotu* (Mat. XXIV, 20; M. XV, 42; L. VI, 6) – (*w*, *po*) *Sobocze* (M. III, 2, 4; XVI, 2; L. IV, 31; VI, 7; XXIV, 1; J.V, 16). Ср. также изменения в графике в словоформах Д., М. ед. и И., В. дв., свидетельствующие о наличии в парадигме существительных женского

рода чередований типа [-k] : [-c] (граф. *k* : *c z*, *k* : *c*) и чередования типа [-g] : [-z] (граф. *g* : *s*, *ss*) : (*do*) *Mysky* (Mat. XXVI, 23), (*w*, *na*) *Myscze* (Mat. XXIII, 26; L. XI, 39); (*steie*) *drogy* (L. XI, 6) – (*po*) *drose* / *drosse* (Jap. VIII, 36; Jak. II, 25), (*z*) *nogowi* (Jap. XIII, 51) – (*dwe*) *nōse* (Mat. XVIII, 8) / (*dwe*) *Noose* (M. IX, 45).

Обращает на себя внимание форма М. ед. (*wetey*) *wachy* (Mat. XIV, 25) с основой на [-ch] вместо ожидаемой основы с конечным согласным [-s] (-sch).

Отметим, что как и у имен существительных среднего рода, в парадигмах существительных женского рода в Р. мн. наиболее распространенным окончанием является -θ: ср., например, *zab* (Z.J. XVI, 13), (*pelna*) *Jalomoschn* (Jap. IX, 36), *prosb* / *Prosb* (Mat. XXI, 13; XIX, 46; M. XI, 17), (*wele*) *Wudou* / *wudow* / *wudou* (Mat. XXIII, 14; M. XII, 40; L. IV, 25), (*pelna*) *rieb* (J. XXI, 11), (*do*) *Schkol* (Jap. IX, 2), *liczb* (Jap. II, 30), (*wele*) *kron* (Z.J. XIX, 12), (*ztiech*) *wien* (Jap. XXV, 16); (*tich*) *wood* (L. VI, 48), *Syrott* (J. XIV, 18), (*tich*) *gnad* (*Boschich*) (I. Petr. IV, 10), (*tich*) *Gwesd* (Z.J. VIII, 12; XII, 4); (*do*) *ruek/Ruk* (Mat. XVII, 22; L. IX, 44; XXIII, 46; XXIV, 7; Jap. XV, 23) – (*wot*) *Rukow* (Heb. VI, 2), (*stich*) *Schouk* (L. I, 5), *Riebk* (M. VIII, 7), (*do*) *taffliczk* (2. Kor. III, 3), (*podla tich*) *Nōg* (*Jesusowich*) / (*wot*) *nōg* / *Nōg* / *Noog* / *noog* / (*zpod*) *Noog* (Z.J. XII, 1); (*z*) *Woucz* (J.X., 2, 13, 26; Heb. XIII, 20), (*tich*) *weetcz* (L. XXI, 26); (*do*) *vsow* (M. VI, 36, 56; L. IX, 12); (*do tich*) *Studn* (Z.J. XVI, 4), (*schescz*) *Dusch* (Jap. XXVII, 37), *Swienn* (Mat. VIII, 30).

У существительных женского рода с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в исходной словоформе в Р. мн. отмечено окончание -i: ср., например, Р. мн. *loschy* / *loesch* (J. VI, 24; M. IV, 36), (*woonich*) *masczy* (L. XXIII, 56).

Текст памятника дает материал для наблюдений над употреблением в В. мн. существительных женского рода, обозначающих живые и неживые существа. В тех случаях, когда речь идет о неживых предметах, в В. мн. всегда употребляется форма, тождественная форме II. мн. Если же существительное женского рода обозначает живое существо, то в некоторых примерах отмечены формы В. мн., тождественные Р. мн. Ср., например: *Rekl Jesus knim, pczynescze haw tich* / *rieb*, *kotore wie ninto scze polapily* (J. XXI, 10); *Wudowy mey w poczūwosczy*, *kotore su prawe wudowy* (I. Tim. V, 3); *Jednego starego neswār, krome paromunay iogo / yakosch Woschcz...Tich Starich*

*Schoon yakosch Maczer, Tich / mlodich yako Sostry wew schey cys-
tocze* (l. Tim. V, I, 2); ... *abi tich mlodich / Schoon naucily strid-
noscz...* (Tit. II, 4); ... *a dluge modlitwy / naprotk dawac ze* (Mat.
XXIII, 14); *Wie buschecze slyschacz woouny, a rozprawku wot woouyn,*
... (Mat. XXIV, 6); ... *kotore hich lampy wesmuly ...* (Mat. XXV, 1); ...
a meiachu / na hich glowach zlotte krony (Z.J. IV, 4).

Форма В. ед., тождественная форме Р. ед., иногда наблюдается в словоизменении слова *mas'*, для которого характерно расширение в косвенных падежах основы с помощью сегмента *-er-*:ср. Р. ед. *maczere* (L. II, 23), Д. ед. (*k*) *Maczery / (nafcze czysto) maczery* (M. VI, 23, 28; VII, 11, 12; L. II, 34; VII, 15; VIII, 51; XII, 53; J. XIX, 26), В. ед. *Maczer* (Mat. XIX, 5, 19; M.X, 7, 29) / *maczer* (J. XIX, 26). Наряду с последней формой, обычной формой В. ед., употребляется также форма В./Р. ед.: ср., например, ... *We czty Mey twoiego Woschcza/ a Maczere* (M. X, 19); *Chtosch woschcza a maczere wiczey lubwie ne-
schly mne / ten ney mne doszony* (Mat. X, 37); *Pschetu Moysesie ie
prawyl / Ty derisch swoiego Woschcza a Maczere w creszcy metcz /
A chtosch Woschcza albo Maczer zaklina, ten samy de- / ry teye Smer-
czy wumretec* (M. VII, 10).

В склонении существительных женского рода четкое противопоставление твердых и мягких основ находит выражение в форме И./В. мн.: окончания *-y; -i* в И./В. мн. свойственно существительным с основами на [-n, -m...; -t, -d; -k, -g, -ch]; окончания *-i/-e; -e* – существительным с основами на [-sc', -c', -z'; -n', -m'...].

В парадигмах ед.ч. существительных женского рода с различными типами основ можно выделить следующие типы склонения:

1. И. <i>-a</i>	2. И. <i>-e/-ə</i>	3. И. <i>-a</i>	4. И. <i>-ə</i>
Р. <i>-y (*-e), -i</i>	Р. <i>-y/-e; -y</i>	Р. <i>-e (*i)</i>	Р. <i>i (*-e, *-e)</i>
Д.М. <i>-e</i>	Д.М. <i>-y; -y</i>	Д.М. <i>-i</i>	Д.М. <i>-i</i>
В.Т. <i>-u</i>	В. <i>-u; -ə</i>	В.Т. <i>-u</i>	В. <i>-ə</i>
	Т. <i>-u; -u</i>		Т. <i>-u</i>

1. – основы на *-n, -m...; -t, -d; -k, -g, -ch;*
2. – основы на *-s, -z, -c;*
3. – основы на *-n', -m'...;*
4. основы на *-sc', -c', -z', -j.*

Значение перевода М. Якубицы определяется тем, что он в большей мере, чем другие ранние памятники нижнелужицкой письменности, дает возможность представить систему именного (субстантивного) словоизменения. Остальные памятники по своему объему значительно уступают переводу "Нового завета" М. Якубицы, многие формы парадигмы существительного (особенно формы двойственno-числа) в них не зафиксированы. В связи с этим выводы относительно особенностей субстантивного словоизменения того диалекта, на котором написан памятник, могут быть недостаточно полными и достоверными.

Это обстоятельство подтверждается анализом языка другого нижнелужицкого памятника, относящегося уже к первой половине XVII в. – "Энхиридиона Вандаликума" А. Тары 1610 г.⁹. Он возник в другой – северной – части нижнелужицкой языковой территории (граница польско-полабской языковой области) в тогда еще серболужицких окрестностях Шторкова (южная область современного Бранденбурга).

При различных оценках языка памятника все исследователи – М. Горник, А. Мука, А. Лескин, З. Штибер, Г. Шустер-Шевц, М. Радловский – указывают на то, что данный памятник не является чисто шторковским, а имеет смешанный характер. По мнению одних ученых, он обнаруживает близкое родство с жаровским диалектом, на котором написан перевод М. Якубицы (М. Горник); по мнению других – он включает элементы (формы и слова) родного диалекта автора памятника – мужаковского (А. Мука, А. Лескин, З. Штибер, М. Радловский). При этом Г. Шустер-Шевц обнаруживает в языке памятника черты, с одной стороны, польского диалекта, с другой – верхнелужицкого.

Диалектная основа памятника также определяется по-разному: или как шторковская (М. Горник, А. Мука), то есть ныне исчезнувший северный нижнелужицкий диалект; или как западнонижнелужицкая¹⁰, окрестностей Коттбуса (З. Штибер)¹¹, точнее коттбусская (М. Радловский)¹² или центральный западнонижнелужицкий диалект с сильными элементами восточнонижнелужицкого мужаковского диалекта и определенной ролью шторковских элементов, которые трудно отделить от чисто восточнонижнелужицких (Г. Шустер-Шевц)¹³. Как отмечает Г. Шустер-Шевц¹⁴ А. Тара хорошо знал собственно нижнелужицкий диа-

лект окрестностей Коттбуса и хорошо представлял себе языковую ситуацию в восточной части нижнелужицкой территории, то есть в переходной зоне к востоку от Ниссы, и, может быть, какое-то время жил в Верхней Лужице, посещал школу в Бауцене. Однако, характеристика этого вымершего диалекта, представленного в данном памятнике, должна быть уточнена, в том числе и с точки зрения морфологической.

Обобщенные субстантивные парадигмы (парадигмы-эталоны) в данном памятнике представлены следующим образом:

для существительных мужского рода –

Ед.ч.: И.-*θ*, -*a*, Р. -*a*, [-*u*], Д. -*u*, -*oia*, -*oja*, -*oj*, В. = Р. (И.), Т. -*om*, М. -*u*, -*e*, Зв. = И. или [-*o*, -*e*];

Дв.ч. И. -*a*, Р. - , Д. -*ota*, В. -*oши* (для одушевленных), Т. -*ota*, М. -*ota*, Зв. = И.;

Мн. ч. М.-*u* : -*e*: -*i*: Р. -*ow*: Д. -*am*: -*om*: В.=Р. (И.), Т. -*ami*, М. -*ach* ;

для существительных среднего рода –

Ед. ч.: И/В. -*o*, -*e*, -*im**; Р. -*a*, Д. -*u*, Т. -*om*, -*im*, М. -*u*, -*e*, Зв. = Т.;

Дв.ч.: И./В. -*y***, Р. - , Д. - , Т. -*uma*, М. - , Зв. = И.;

Мн. ч.: И./В. -*a*, [-*i*], Р. -*θ*, -*ow*, Д. -*am*, Т. -*ami*, М. -*ach*, Зв. = И.;

для существительных женского рода –

Ед. ч.: И. -*a*, -*θ*, Р. -*y*, -*e*, -*i*, Д. -*e*, -*i*, -*y*, В. -*u*, -*θ*, Т. -*u*, М. -*e*, -*y*, -*i* ;

Дв. ч.: И.В. -*e*, Р. -*owi*, Д. - , Т.М. -*ota*;

Мн. ч.: И.В. -*y*, -*i* , -*e*, Р. -*θ*, -*i*, Д. -*am*, Т. -*ami*, -*em*, М. -*ach*.

При сопоставлении систем субстантивного словоизменения, представленных в переводе "Нового завета" М. Якубицы и в произведении А. Тары, учитывалось состояние и особенности выражения таких грамматических категорий, как категория одушевленности, категория личности, а также наборы окончаний в таких словоформах, которые являются диагностическими для определения различий, существующих между словоизменениями имен существительных в двух названных нижнелужицких памятниках, а именно, в словоформах Д. ед., М. ед., Р. ед.

*(-im): to *Evangelium* (244); ** *wosy*, *wusy*; ****wosuma*.

Категория одушевленности/неодушевленности в обоих памятниках последовательно выражается в частной парадигме единственного числа у существительных мужского рода: для одушевленных существительных зафиксированы формы В.Р. ед., для неодушевленных – формы В./И. ед. Колебания в употреблении В./Р. ед. и В./И. ед. наблюдаются лишь в некоторых случаях у слова *duch* (в переводе М. Якубицы употребление В./И. вместо ожидаемого В./Р. ед. отмечено для слов *duch* и *bog*, см. выше): ср., например, *pschess Ducha* (80, 102, 224, 274) – *w Duch* (96). Ср. также *Pschess Jesum Christ* (154) --(*psches*)*Esum CHristussa*(148). Форма В. ед. *wohlu* (190) у А. Тары является, вероятно, первоначальной формой В. ед. -и- основ.

Встречающиеся в памятнике формы множественного числа не дают возможности сделать выводы относительно выражения категории одушевленности–неодушевленности. При существенном недостатке материала можно отметить, что форма В. мн. у неодушевленных существительных всегда тождественна форме И. мн., у одушевленных (точнее – личных) – В. мн. = Р. мн. Исключение представлено в случае: *Naczerschicze spschoschbu sausche Czloweeky* (174), где форма В. мн. *Czloweeky* тождественна форме И. мн. Отмечена также форма В./И. мн. для одушевленного существительного *uż*: *uwscha* (214) (ср. непоследовательное употребление В./Р. мн. и В./И. мн. в переводе М. Якубицы).

Характерной особенностью языка произведения А. Тары является меньшая, по сравнению с языком перевода М. Якубицы, степень вариативности во флексии (Р. ед., Д. ед., М. ед.), хотя это может быть связано и с недостаточностью материала, который представлен в этом сравнительно небольшом по объему памятнике. Так, в Р. ед. существительных мужского рода с окончанием -и выступают только следующие существительные: *dharu* (240), *Skotu* (91), *sdomu* (190), *Narodu* (9), *narodu* (112), *staiku* (238), в остальных случаях у всех существительных наблюдается окончание -а, ср., например, *Chleba* (116, 158, 204, 210), *gnewa* (238), *Gnewa* (256), *sweta/Sweeta*/ *Sweta* (102, 110, 126), *Boka* (142), *wodancka* (164), *zassa/Czassa* (250, 246), *Meetza* (168), *Koncza* (102), *Wolthara* (78, 114, 128), *Deischtza* (164), *Kerlischa* (178).

В Д. ед. м. р. преобладает окончание -и особенно у неодушевленных существительных мужского рода. Окончания -oi, -oji, -owi

употребляются в единичных случаях у одушевленных существительных мужского рода со значением лица. Ср., например, Д. ед. *Muschoi* (200) / *Muschu* / *Muschogi* (220), *Abrahamouy* (170), *Christusstoi* (228) / *Christussogi* (236), но *Christussuu* (170, 264), *Czartu* (246), *Duchu* (238), *Bogu* (80, 128, 180, 188), *ssredniku* (260), *Czloweeku* (264), *Kneesu* (158, 170, 172, 202, 226), *Woschzu* (80), *Gospodaru* / *Gospodaru* (210, 233, 148), *Towarischu* (210); *gneeshu* (170), *Chlebu* (200), *Ssiuglu* (128), *skotu* (158), *Listu* (128), *wodanku* (120), *wuschitku* (144).

Те формы М. ед. м.р., которые зафиксированы в памятнике (для отдельных групп одушевленных существительных м.р. они вообще не употребляются в данном тексте) также позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенным является окончание *-i* и лишь у некоторых неодушевленных существительных м.р. с основой на *-t*, *-d*, *-h* наблюдаются варианты окончаний *-i/-e*: ср., например, (*w*) *Duchu* (112, 242), (*w*) *Kneesu* (170, 176, 202), (*w*) *Sacramentu* (118, 136), (*w*) *Ledu* (144), (*na*) *Pschebiiwku* (206), (*w*) *Brozu* (144), *Czassu* / *cassü* (156, 204), (*w*) *Deischtzü* (144), (*w*) *Kerlischu* (184, 202), но (*na*) *Schüwocze* (86), (*na*) *Swesche* (272), (*w*) *Stansche* (166), (*w*) *Snesah* (144). При этом данному существительному присуще то или другое окончание.

Формы Зв. ед. у существительных м.р., обозначающих лицо, обычно тождественны формам И. ед. Исключение: *Knees Jesu Christe* (156), *Knees Jesum Christe* (160) наряду с *Kneess Jesus Christus* (236). В связи с указанными особенностями в словоизменении имен существительных м.р. в произведении А. Тары можно говорить о грамматической омонимии как характерной черте этого словоизменения, по крайней мере в частной парадигме ед. ч.

В отличие от перевода М. Якубицы в данном памятнике не отмечено окончание *-owje* в И. мн. существительных м.р. со значением лица. Окончания *-y*, (граф. *-ii*), *-i*, *-e* в И. мн. связаны с определенным типом основы: *-y* с основой на *[-n]*, *[-m]*, *[-r]*; *[-t]*, *[-p]*, *[-b]*, *[-w]*; *[-t]*, *[-d]*; *[-i]* (без изменения в исходе основы) — с основой на *[k]*, *[g]*, *[ch]*; *-e* / *-y* основой на *[-s]*, *[-z]*, *[-c]* и мягкий согласный (но у существительных с основой на *[-ʃć]* — окончание *-i*): ср., например, И. мн. *Personü* (134), *Posslü* (244), *Eangelistü* (116), *dobrauniky* (168), *Sluschabniky* (172); *Slepczce a Chudlaze* (194), *Knescha*

172); *Rom<are>*, *Tatane* (166), *Hurare* (194);, *Gosczy* (178);, *Peenesah/Peenesē* (152, 104), *zschy razü* (220), *czassü* (198).

В словоизменении имен существительных среднего рода также можно отметить меньшую степень вариативности окончаний в словоформах Д. ед., М. ед. (по сравнению с переводом М. Якубицы). Так, например, в словоформе Д. ед. выступает только окончание *-u* : ср., например, *sslowu* (102, 112), *Meenu* (182), *czehlū* (92), *kublu* (104), *Manczelstwu* (233), *Krolestwu* (102), *Czischetku* (236), (*k*) *Wobliczū* (230), (*k*) *pischu* (116), (*k*) *woddawanū* (116).

В М. ед. ср.р. у основ на мягкий согласный, а также *-k*, (формы М. ед. основ на *-s*, *-z*, *-c* не отмечены) выступает всегда окончание *-u*, у остальных основ — употребляется или окончание *-e*, или окончание *-u* : ср., например, М. ед. (*w*) *sslowee* (102), / *sslowe* (110), *Sslowē* (182), (*na*) *Czeleh* / *Czeele* (254, 132), (*w*) *Kublee* (182), (*w*) *Wogknee* (188), (*na*) *Podrustwe* (206);, (*na*) *mescze* (122) / *meescke* (192) / (*na*) *Meestze* (218) – (*w*) *Krolewstwu* (96), (*w*) *Ksescyanstwu* (98), (*w*) *neewedru* (144), (*w*) *Werowanstwu* abo *Manczelstwu* (180), (*w*) *sslowku* (210);, (*na*) *polū* (228), (*w*) *schüweeni* (114), (*w*) *Monū* (230).

Таким образом, в словоизменении имен существительных среднего рода в языке произведения А. Тары, как и в языке перевода М. Якубицы, также находит выражение, хотя и непоследовательное, противопоставление различных типов основ (см. замечания об окончаниях в М. ед.). При этом можно отметить графические варианты основы, возникающие перед окончанием *-e* в словоформе М. ед.

Формы Т. ед. существительных среднего рода характеризуются окончанием *-om* и *-im* (для существительных с основой на [-ń] : ср., например, Т. ед. (*s*) *sslowom* (110), *kublom* (88), *oschawom* (88), *Sesslobrom* (96), (*psched*) *Slozeistwom* (146), (*psched*) *Blidom* (154), *humreschom* (96), (*sa*) *cziczeetzom* (196), (*s*) *Neebōm* (230) – (*psched*) *toreenim* (146), (*s*) *spodobanüm* (156), *Drschanim* (170), (*Psched*) *kschadnenim* (191), (*psched*) *Sanitzenim* (254).

Анализ словоизменения имен существительных женского рода дает основание для выделения следующих типов склонения в зависимости от различного исхода основы:

1. И. -a	2. И. -a- Ø	3. И. -a	4. И. Ø
Р. -y, -i Д.М. -e В.Т. -u	Р. -e; -y Д.М. -y; -y В. -u; -Ø	Р. -e Д.М. -i В.Т. -u	Р. -i (*-e) Д.М. -i В. Ø Т. -u
	Т. -u; -u		

- основы на -n, -m...; -t, -d; -k, -g, -ch;
- основы на -s, -z, -c;
- основы на -ń, -tm...;
- основы на -sc', -c', -z', -j'.

В И.В. мн. наблюдается следующее противопоставление:

1. -y, -i
2. -e, -e / -i.

1. — основы на -n, -m...; -t, -d;
2. — основы на -sc', -c', -z'...; -ń, -tm'

Если сопоставить обобщенные парадигмы-эталоны для существительных женского рода, характеризующих субстантивное словоизменение в переводе М. Якубицы и в произведении А. Тары, то можно говорить о некоторых отличиях в окончаниях отдельных форм частной парадигмы :мн. ч., например, в Р. мн. : у А. Тары здесь наиболее употребительным является окончание Ø, для определенной группы существительных -i ; у М. Якубицы наряду с нулевым окончанием в единичных случаях употребляется и окончание -ow ; в Т. мн. у А. Тары наряду с окончанием -am ; зафиксировано окончание -em ; в единичных случаях у существительных с мягким исходом основы. Типы склонения существительных женского рода, выделяемые в зависимости от исхода основы у словоформ частной парадигмы ед. ч., в системах субстантивного склонения перевода М. Якубицы и А. Тары совпадают. Таким образом, различия в словоизменительных системах, представленных в языке перевода М. Якубицы и произведения А. Тары, наблюдаются главным образом при сопоставлении частных парадигм ед.ч. существительных мужского и среднего родов. Совпадая или сближаясь в некоторых своих фрагментах, типы словоизменения в обоих памятниках представляют оригинальные варианты словоизменительной системы нижнелужицкого языка.

Сокращения

Mat. – Euangelium S. Matheussa. M. – Euangelium S. Marka.
L. – Euangelium S. Lukassa. J. – Euangelium S. Jana. Jap. – Ja-
poschtolske. Rom. – Epistola Swittego Paula ktm Romarom. 1. Kor. –
prwna Epistola ku Korintskym. 2. Kor. – druga Epistola s. Pawla ku
Korintskim. Gal. – Epistula S. paula k Galatuom. Ef. – Epistola
S. Pawla k Effeskym. Fil. – epistola S. Pawla k Filipenskim. Kol. –
Epistola S. Pawla ku Kolocenskim. 1. Tess. – Epistola S. Pawla
prwna k Tessalonicenskim. 2. Tess. – Epistola druga S. Pawla k Tes-
salonicenskim. 1. Tim. – prwna Epistola k Timoteowy S. Pawla.
2. Tim. – druga Epistola S. Pawla k Timoteowy. Tit. – Epistola
S. Pawla Titowy. F. – Epistola S. Pawla k Filemonowy. Heb. –
Epistola S. Pawla k Filemonowy. Heb. – Epistola k Hebreyskim.
1. Petr. – prwna epistola Swittego Petra. 2. Petr. – druga epistola
Swattego Petra. 1. Jan. – Epistola prwna swattego Jana. 2. Jan. –
druga Epistola S. Jana. 3. Jan. – trzecza epistola S. Jana. Jak. –
epistola S. Jakuba. Jud. – epistola S. Judassa. Z.J. – zgewene
S. Jana.

Примечания

¹ См. Ермакова М.Н. Из истории серболужицкого именного сло-
воизменения (парадигматика имени существительного по данным
перевода М. Якубицы) // Lëtopis Instituta za serbski Ludospyt. Baut-
zen, 1984. Rjad A, č. 31/2, S. 139–165; Ермакова М.Н. Из истории
серболужицкого именного словоизменения... II. // Lëtopis..., 1989.
Rjad A, č. 36, S. 53–62; Ермакова М.Н. Из истории серболужицкого
именного словоизменения... III. // Lëtopis..., 1990. Rjad A, č. 37,
S. 35–45.

² См. об этом подробнее в статье: Ермакова М.Н. Из истории
серболужицкого именного словоизменения... // Lëtopis..., 1984.
Rjad A, č. 31/2, S. 141; Гухман М.М. От языка немецкой народности
к немецкому национальному языку. Ч. I. Развитие языка немецкой
народности. М., 1955, с. 35.

³ В первой статье, посвященной истории серболужицкого имен-
ного словоизменения на материале перевода М. Якубицы (см. выше),

дан обзор работ, где имеются данные об историческом развитии словоизменительной системы имени существительного в серболужицком языке. В современной серболужицкой лингвистической литературе этой проблеме посвящены статьи Г. Фасске, Р. Летча, Г. Шустера-Шевца. В них речь идет о судьбе отдельных форм субстантивной парадигмы и грамматических категорий имени существительного. Серболужицкое склонение в тех или иных аспектах было предметом исследования и в работах нелужицких авторов (например, Ф. Мареша, К.К. Трофимовича). Подробнее об этом см. Lětopis..., 1984. Rjad A, č. 31/2, S. 139–141. Однако специальных работ по истории развития словоизменения серболужицкого имени существительного с анализом и сопоставлением субстантивных словоизменительных систем, относящихся к различным синхронным срезам, еще не было.

4 См. текст издания памятника, подготовленного Г. Шустером-Шевцом, по которому проводилось исследование: *Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548, herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von Heinz Schuster-Sewc*, Akademie-Verlag. Berlin, 1967.

5 *Das niedersorbische Testamen...*, S. XXV.

6 to Euwangelium.

7 См. парадигму существительного *schecze* с особыми окончаниями, отличными от обычных окончаний мн. ч. в Lětopis..., 1989. R.A, č. 36, S. 61.

8 См. парадигму слова *Euangelium* в Lětopis..., 1989. R.A, č. 36, S. 61.

9 *Andreas Tharaeus. Enchiridion Vandalicum. Ein niedersorbisches Sprachdenkmal aus dem Jahre 1610. Herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen Kommentaren versehen von Heinz Schuster-Sewc*. Domowina-Verlag. Bautzen, 1990.

10 *Hórnik Michał. W kotrej podryči pisaše Tharaeus w lěće 1610? // CMS XXII. 1869. S. 108–119; Mucke K. E. 'Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzischwendischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Ober sorbischen*. Leipzig, 1981. S. 10.

11 *Stieber Zdzisław. Stosunki pokrewienstwa języków Łużyckich*. Kraków, 1934. S. 89.

12 Radłowski Marian. *Enchiridion Vandalicum Andreae Tharaei*. Zabytek dolnołużycki z 1610 r. (Rozbiór językowy). Wrocław–Warszawa–Kraków, 1967. S. 119.

13 Andreas Tharaeus. *Enchiridion Vandalicum...* S. 43–44.

14 Andreas Tharaeus. *Enchiridion Vandalicum...* S. 20.

С. С. Скорек (Москва)

СЕРБОЛУЖИЦКИЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА ВѢРНЫ ZВѢРАНJE, НА BERNACH ZBERANJU В ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ

В ряду своеобразных явлений серболужицкого синтаксиса учёные уделяли внимание конструкциям девербативного, образованного от переходного глагола существительного с существительным, выражающим его определение, но присоединяемым как приглагольное дополнение (в.-луж. тип *bětu zběranje, wodu namakanje*), в которых первый, зависимый компонент при изменении последующего главного в непрямых падежах в народном языке нередко утрачивает винительный падеж глагольного управления и подвергается согласованию (в.-луж. тип *na běrnach zběranju, při wodže namakanju*). Специфичным на фоне инославянских фактов является, собственно, лишь первый из двух типов, в серболужицкой грамматике традиционно и в целом обоснованно считающийся одним из средств на границе синтаксиса и словообразования, калькирующим немецкие сложения типа *Kart-offellesen*¹. Конструкции же второго типа, с субстантивно-субстантивным согласованием, наступающим вследствие так называемой аттракции, в сочетаниях с подобным либо иным составом, как в.-луж. *z walčkom drješom*², бытуют во многих славянских языках, в первую очередь также в народных говорах или вообще вне литературной сферы.

Аттракция в конструкциях обеих структурных разновидностей с отличным составом и расположением компонентов, образующихся в серболужицком языковом массиве, имеет общезападнославянский охват, причем граница данного явления доходит по меньшей мере до западноукраинской области. Ср. характерные примеры исследователей XIX в.:

а) из моравских говоров по записям Ф. Бартоша³ – *tú káfkú vodu, o kárce su chém chlebě, na tomto kúsku polí, před koncem masopustem, k rybám chytání, při trnkách vaření;*

б) из западноукраинского фольклора по извлечениям А.А. Потебни⁴ – (*споможи мене...)* копою житом, (за ним дівчина...) лужком бережком та грядков стежков, (подякуйте Богу...) за сіль поставленне.

Вне конструкций с девербативными производными, продолжающими исконные на **nъje/-tъje*, однако, подобная сочетаемость отмечена и дальше по языкам.

В цитируемом А.А. Потебней материале фольклора она выступает как фигура особого стиля, функционируя в соизмеримом диапазоне в народной сербской и восточнославянской поэзии; ср., напр.: серб. (*Заспала мома при мору*) под једном граном маслином; рус. (*Уж ты свой-ко гнездо*) на кусте раките и т.п.⁵.

В русском языке на одном уровне с сочетаемостью, наблюдающейся в фольклоре, правомерно рассматривать также разговорные обороты, встречаемые и в современных печатных текстах; напр.: *Размер этой суммы установлен Указом Президента СССР... Михаилом Горбачевым* ("Мегаполис-Экспресс", 14.02.1991, с. 3).

Географически столь обширный охват аттракции в разном для разных языковых ареалов спектре сочетаний – при их несомненной взаимосвязи – не позволяет обособленно описывать серболужицкий тип *na bětach z běganji* как модификацию действительно специфичного типа *bětuy z běganje*, как это постулировал в интересной авторским материалом статье З. Михалк⁶. Конструкции обоих типов он обнаружил помимо верхне- и нижнелужицкой зоны в кашубских и других польских диалектах, полагая, что так повсюду в условиях длительного немецкого языкового воздействия по-разному, двояко, проявилась адаптация средствами славянского синтаксиса немецких сложений типа *Kartoffellesen*, секундарная в структурно наиболее отличных конструкциях с взаимно согласованными членами.

С критикой старой традиции истолкования аттракции как вторичного явления по сравнению с "правильной" связью выступил еще А.А. Потебня⁷. Конструкции с субстантивно-субстантивным согласованием он, напротив, трактовал как архичные и видел в морфологической одноименности свидетельство паратактического сочетания однородных в смысловом отношении компонентов. Эта интерпре-

тация представляется адекватной применительно к оборотам речи данного рода, поныне отмечаемым в славянских языках и диалектах, в том числе для конструкций типа в.-луж. *na bětach z bětanju* (т.е., собственно, *na bětach, na (jich) z bětanju*). Ее подтверждает и возможность прямого повторения предлога, как, напр., в польск. диал. *na kuoścūl, na pārgrave* (Спиш)⁸, а порой даже уточняющего указательного местоимения, как, напр., в чешск.-силезск. диал. *do teho užēpa, do tych mrtfot*⁹. Конкретное, "от предметное" по направлению восприятие смысловых отношений в конструкциях типа в.-луж. *na bětach z bětanju*, очевидно, отражает также порядок слов, который здесь, таким образом, не обязательно заимствован.

Тем более эта интерпретация позволяет мотивировать частое употребление так устроенных словосочетаний в давних памятниках славянских языков.

В труде А.А. Потебни собраны во множестве, с разбивкой по различным образцам, отражения данного синтаксического явления в древнерусском языке преимущественно XVI и XVII вв. Проследить с древнейшей эпохи он при этом мог лишь некоторые из образцов, такие, где однородное восприятие двух существительных естественно обусловливалось отношениями идентификации, аналогичными аппозитивным, и квантификации, с оттенком обстоятельственного значения ("кто/что" – "сколько"). Это конструкции типа: *заложена бысть церкви камена Святая Богородица рекомая Пирогоща* – Ипат. лет. или ... *спрятивше тело его вся братья во Оловичехъ племени* – Ипат. лет.; ... *видбывше бесчисльное множество злато и серебро и паволокы* – Лавр. лет. или *Ярославу ... урокомъ даююю Кыеву дѣлъ мысячѣ триенѣ* – Лавр. лет. и т.д. Другой же случай, такой, когда, на против, однородное восприятие не вытекает из сути взаимоотношений двух имен, но проявляется в предложении лишь при зависимом положении сочетания, для древнейшей эпохи представлен в исследовании с надежностью единственным извлечением: *удари громъ велими сильно в маковицу свялага Феодора церковь и зажже* – Лавр. лет.¹⁰.

Материал А.А. Потебни позволяет дополнить почерпнутые при выборочном обследовании Несторовой летописи примеры подобного разложения в сочетаниях с различными отношениями: *и собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе* – Лавр. лет.; *тако бо-*

и у возлюбивши новых людьи, рекъ имъ ... явивши члобкомъ плотью — Лавр. лет.; *людии много множство ... позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла —* Лавр. лет. (однородное восприятие двух актантов выраженного страдательным причастием действия в трехчленном сочетании) (ПЛДР I, с. 24, 114, 184).

В конструкции с повторением предлога здесь также явлен древний облик синтагматической связи deverbatивного имени и названия объекта действия, ср. заглавие: *O Руси о положении множаши — Радз.* лет. (ПЛДР I, с. 50). Модификации сочетаний подобного типа в XVI–XVII вв. чрезвычайно полно представлены А.А. Потебней, ср., напр.: *вѣдомы въ томъ приказѣ ... города строеніемъ и крѣпостми починкою — Котош.;* *а какъ владѣнью тѣмъ пустошамъ урочные годы отойдутъ... — Акт. юр. (1679 г.)* (при старом типе о *тѣхъ пустошахъ обѣ отъемѣ учнемъ ... бити члобомъ* — там же) и др.¹¹.

По материалам Я. Гебауэра и собственным нашим извлечениям аттракция в сочетаниях с аналогичными отношениями компонентов прослеживается в древнечешских памятниках XIV–XVI вв. Характерны конструкции следующих типов:

квантифицирующие (с аттракцией при зависимом положении сочетания), ср. *s množstvím lidem* — BiblOl 3. Regum 10, 2¹²; *hrstí se- net nebo otaií* — Tkadl 131;

поссессивные, ср. *k svaté Kateřině hrobu* — CestMandA 2 (и с повторением предлога в древнейших источниках: *k světiej Agněžce k loži* — LegAnež, Vyb 383);

со значением носителя состояния (качества), ср. *díní se pý- lepě skrovností a zpíosobě ústom* — Troj 80;

с агентивной и объектной семантикой, ср. *O světiej Zdislavě skončení* — Dal (V) II, 365; *O Praze založení* — Dal (Z) I, 158 и т.д.

Структура представленных типов древнечешских конструкций определенно стремилась к компактности и стабильности, которые, впрочем, достигались лишь в ходе постепенной ее эволюции. Так, для конструкций с объектной семантикой, типа *O Praze založení*, которые перестали допускать древнее повторение предлога по мере усвоения ими устойчиво контактного объединения компонентов, Я. Гебаузер фиксировал в материале старших памятников XIV–XV вв. конкуренцию двух моделей с актантом в позиции переди и после от-

глагольного имени, а с XVI в. практически только препозицию актанта. Ср.: *duch k divom činěni* – Pulk 163а и *moře měděné k myšvaní rukám* – Pulk 155b, *kotly k vaření masu* – Comest 155b; но *kotlíky k hlavě mytí* – RádLáz 9, *kloboučky k vodě zhnívání* – List 1595 и др.¹³.

Историческая тенденция генерализации такой же точно схемы у конструкций с объектной семантикой контрастно обозначилась и при выборочно произведенном обследовании древнепольских памятников. Эти эксперции интересны тем, что стабилизировавшимся к XVI в. конструкциям типа *O olejkoch przyprawianiu* – ZielF alim (1534), Wyb 274 в материале XIV–XV вв. противостоит реликтовый случай реализации древнейшего сочетаемостного типа: дискретная конструкция *O winach kto nagani skazaniu* – KodDział, Wyb 130 ("об оспаривающих разбор обвинений", дословно "об обвинениях, кто (это) оспоривает, разбore").

Характерное отражение первичной для анализируемых конструкций "разобщенности" также более тесно расположенных компонентов представляет отмеченный в древнепольском памятнике XIV в. специфический случай добавочного местоименного обозначения смысловых отношений, ср.: *aleb(y) Zbawiciela jego -p.(rzyj)ścia pożądac* – KazŚwiętokerz, Wyb 12 (другой такой случай – в сочетании с посессивной семантикой: *dawność o przyrodzonego jego pieniądze* – KodDzik, Wyb 140). Эти конструкции с местоимением прослеживаются также и в древнечешском языке, ср.: *ústom jich črenosti ... smutek nemohl ničím potenšíti* – Troj 193 (или то же без аттракции: *když těch býkuov jich zuby budú zmoženy* – Troj 34). Древнерусские соответствия подобной сочетаемости преимущественно с повторением предлога приводит А.А. Потебня, напр.: *какъ ... царствующий градъ Москва отъ Полскаго и отъ Литовскаго короля и отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей отъ ихъ злого пленения очистиласъ...* – Пам. дипл. снош. (1613 г.) и др.¹⁴.

Секундарная стандартизация строения и порядка компонентов у сочетаний с объектной семантикой в рамках западнославянского региона, возможно, совершалась под влиянием немецких сложений; ср. особенно др.-чеш. *v ose mženī* – Orl 11b¹⁵, др.-пол. *w oczemgnieniu-* ŽywKryst (1522), Wyb 244 и нем. *im Augenblick*. Самы же по себе конструкции, достигшие здесь обобщения, выступали в славянских язы-

ках изначально. Это подтверждает единичное сочетание подобного типа, встречающееся в старославянском сборнике XI в.: О МЛАДЫХЪ ЧАДВХЪ НСЧЕМНН – Супр. 397.14 (ср. и другой случай аттракции: ВЪ МАТЕРЕХЪ ПРЬСЕХЪ – Супр. 397.21)¹⁶.

С древних же времен в славянских письменных памятниках в ограниченной мере отражаются и обороты, где имя, образованное от переходного глагола, не утрачивает управление такого, но присоединяет как бы еще прилагательное дополнение.

Для старославянского языка такое сопровождение существительного бывшим дополнением в винительном падеже обусловливал ряд особых и всякий раз неоднозначных обстоятельств. В конструкции БѢДН ВЪ ДОБРО БРАШЬНО ЪДЕННѣ МѢСТО СОУХОѢДЕЦЬ – Син. тр. 70a24, видимо, на форму объекта мог прямо повлиять предлог ВЪ из дискретного двучленного служебного сочетания ВЪ ... МѢСТО . Структурно специфичен тип О ОУСЛЫШАНЬИ ГЛО ГЛАСЬ МОЛНТВЫ НАШЕИ – Син. тр. 60a20 (еще два примера – из Супрасльской рукописи): здесь одновременная дативная сигнализация агента предполагает воздействие причастных оборотов с "дательным абсолютным" либо иных с неличным же глаголом и косвенно обозначенным деятелем. Нейтральный к оппозиции объекта и агента компонент, напротив, содержит возникшее тавтологически сочетание О СЪБРАННН СЪБОРЬ НА ГА – Супр. 384.10¹⁷.

Конструкции анализируемого типа прослеживаются также и в древнечешском языке XIV–XVI вв. Этот материал требует, однако, всегда взвешенной оценки, так как следует отсеять случаи, где причиной для прямого падежа объектного компонента могло стать однородное его восприятие с определяемым отглагольным образованием в винительном и иногда именительном падеже; ср., напр.: *andělské poslání, to slovo boží e zvěstování...* – LegProk 60, *že ten kus ... to svaté přirození jest znamenie* – CestMandA 55. Совершенно однозначное прямое дополнение придано существительному в нескольких сочетаниях: *k zvěstování milosrdíe tvé* – ŽaltKlem 91, 3; *o druhém vymietání z chrámu koupce* – Comest 242b; *o chuti v ústech neb o voni v nose neb čítá rozličnú věc dotčením těla* – ŠtíťBes 40; *k běžení cestu* – Výkšal 45a¹⁸.

Обнаружение описанных аномальных сочетаний на раннем этапе развития славянских языков независимо в двух языковых областях,

своеобразное, не слитное строение таких единств и обычный здесь порядок слов, т.е. постпозиция объектного компонента, — все это совершенно исключает образование их якобы по германской модели. Параллельные паратактическим — в понятии А.А. Потебни — конструкциям с однородным восприятием названий действия и объекта, они исторически скорее воплотили альтернативный, окказиональный способ гипотактизации (с характерным для той стадии языковой эволюции присвоением производной лексеме сочетаемости базовой).

Интерференция этих конструкций в соотнесении с секундарно нормализованными преемниками древнейшего паратактического типа и немецких сложений с аналогичной семантикой у западных славян могла только повлиять на их сохранение с закреплением строгого порядка элементов, следующего немецкой модели, в серболужицком и в лехитском языковых массивах.

Примечания

1 См., напр.: *Sewc-Schuster H. Gramatika hornjoserbskeje rěče.*

2. *zwjazk – Syntaksa.* Budyšin, 1976, s. 71.

2 *Ibidem*, s. 27.

3 *Bartoš Fr. Dialektologie moravská*. Dil 1. Praha, 1886, s. 183–184. Цит. по соч.: *Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. IV – Skladba.* Praha, 1929, s. 79–81.

4 *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III—IV из изменении: значения и заменах существительного. М., 1968, с. 191, 182, 176.

5 Там же, с. 180, 190.

6 *Михаил З.* Еще раз о ьѣгпу zвѣranje. // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 132–137.

7 См.: *Потебня А.А.* Указ. соч., с. 160 сл.

8 *Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych.* Lwów, 1929, s. 54.

9 *České nářeční texty.* Praha, 1976, s. 291.

10 *Потебня А.А.* Указ. соч., с. 163, 189, 191, 202, 178.

11 Там же, с. 175, 174.

12 *Gebauer J.* Op. cit., s. 79.

13 Ibidem, s. 80.

14 Пометбя А.А. Указ. соч., с. 172.

15 Gebauer J. Op. cit., s. 81.

16 Večerka R. Ke konkurenci adnominálního genitivu a adjektiva v staroslovenštině. // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské univerzity, 1957, roč. VI, řada A, č. 5, s. 37.

17 Ibidem, s. 36.

18 Gebauer J. Op. cit., s. 633.

Сокращения источников

1) Старославянские источники:

Син. тр. – Синайский требник (эвхологий)

Супр. – Супрасльская рукопись

2) Древнерусские источники:

Акт. юр. – Акты юридические, или Собрание форм стариинного дело-
производства. Спб., 1838.

Ипат. лет. – Ипатьевская летопись

Котош. – Котошихин Гр. О России в царствование Алексея Михай-
ловича. Современное сочинение Григория Котошихина.
Спб., 1840.

Лавр. лет. – Лаврентьевская летопись

Пам. дипл. снош. – Памятники дипломатических сношений древней
России с державами иностранными. Ч. I, тт. 1–10. Спб.,
1851–1871.

Радз. лет. – Радзивилловская летопись

ПДР I – Памятники литературы древней Руси. XI – начало XII ве-
ка. М., 1978.

3) Древнечешеские источники:

BibOl – Bible Olomoucká (1417)

CestMand – Cestopis tzv. Mandevilla. Vyd. F. Šimek. Praha, 1911
(rukopis A ok. 1445)

Comest – Petr Comestor. Historia scholastica (rukopis C 1404)

Dal – Staročeská kronika tak řečeného Dalimila. Sv. I–II. Praha, 1988
(rukopisy V – Vídeňský 14. stol.; Z – Zebererův 1459)

LegAnež – Legenda o blahoslavené Anežce (2. pol. 14. stol.)

LegProk – Legenda o svatém Prokopu. Dvě legendy z doby Karlovy.
Praha, 1959.

- List 1595 – list z roku 1595
Orl – Orloj věčné moudrosti (1469)
Pulk – Přibík Pulkava z Radenína, Kronika králů českých (rukopis
R ok. 1400)
ŘadLáz – Řad lázeňský (16. stol.)
ŠtítBes – Tomáš ze Štítného, Řeči besední (rukopis 15. stol.)
Tkadl – Tkadleček. Hádka milence s Neštěstím. Praha, 1974.
Troj – Kronika Trojánská. Vyd. J. Daňhelka, Praha, 1951.
Výb – Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu. Praha,
1957.
VýklSal – Výklad Piesniček Šalomounových (1. pol. 15. stol.)
ŽaltKlem – Žaltář Klementinský (1. pol. 14. stol.)
- 4) Древнепольские источники:
- KazŚwiętokerz – Kazania Świętokrzyskie
KodDziaŁ – Kodeks Działyńskich
KodDzik – Kodeks Dzikowski
ZielFalim – Zielnik St. Falimirza (1534)
ŻywKryst – Żywot Pana Jezu Krysta (1522)
Wyb – Vrtel-Wierczyński Sł. Wybór tekstów staropoljskich. Czasy naj-
dawniejsze do roku 1543. Warszawa, 1950.

Л.Э. Калининъ (Москва)

НИЖНЕЛУЖИЦКАЯ РЕФЛЕКСАЦИЯ *o КАК КОМПОНЕНТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СЛОВА

Одной из характерных особенностей нижнелужицкого диалектного вокализма является рефлексия *o после твердых губных и задненебных согласных не перед губными и задненебными согласными. Это явление достаточно подробно описано в литературе (1: с. 101–104; 2: с. 56–58; 3: с. 83, Карты 2–4; 4: с. 39, 61) и как компонент диалектного различия интерпретирован в *Sorbischer Sprachatlas* (далее SS) (5: с. 80–99).

В нижнелужицких диалектах на месте *o в указанной позиции могут произноситься гласные:

o – непередний ряд, средне-верхний подъем, лабиализованный, более напряженный, чем o, акустически схожий с u; в транскрипции SS этот гласный определен как "очень широкий и дифтонгического характера" (6: с. 17), и далее – "задний ряд повышенное положение языка; в сравнении с u губы менее округлены, а раствор губ больше" (5: с. 83);

у – верхний подъем, ряд между средним и задним, нелабиализованный; в транскрипции SS – "широкий централизованный i" (6: с. 17); одним знаком обозначаются варианты, в зависимости от колебаний в подъеме производящие впечатление звука среднего между у и ε (у ε, ε у);

ε – передний ряд, нижняя зона среднего подъема, нелабиализованный; в транскрипции SS "широкий e" (6: с. 17).

Названные гласные по своему качеству отличаются от гипотетически реконструируемого *o. В то же время имеются и такие рефлексы *o, которые предположительно близки по своей артикуляции к *o. Это:

ɔ – непередний ряд, нижняя зона среднего подъема, лабиализованный; в транскрипции SS "широкий o" (6: с. 17); по определению

Муке, этот гласный произносится в тех позициях, где не выступает ни *o'*, ни *o* (1: с. 97);
o – непередний ряд, средний подъем в зоне близкой к верхнему, лабиализованный; в транскрипции SS – "узкий *o*" (6:с. 17); по определению Муке, употребляется в позиции перед твердыми губными согласными (1: с. 103).

Несколько по-иному характеризуется распределение *ɔ* и *o* в нижнелужицких пунктах, входящих в сетку ОЛА (7). Далее в статье гласные *ɔ* и *o* обозначаются одним знаком *o*.

Отношение между *o'*, *y*, *ɛ* как между континуантами **o* определяется по-разному. Согласно одной точки зрения, эти гласные рассматриваются как последовательные компоненты рефлексации **o*. В соответствии с этим выстраивается линия **o* → *o'* → *y*, *ɛ* (1: с. 103). Согласно другому мнению, имеет место независимое друг от друга изменение **o* в *o'* и в *y*, *ɛ* (3:с. 84–86; 5:с. 80–99).

Нижнелужицкое изменение **o* → *o'* и **o* → *y*, *ɛ* представляет принципиально разные по своему содержанию и по своей мотивации явления. Общее между ними состоит в том, что изменения происходят в однотипных сегментных контекстах. Контраст между предшествующим гласному лабиовеляризованным согласным (губным, задненебным) и следующим после гласного нелабиовеляризованным согласным (негубным, незадненебным) создавал некое напряжение, вызвавшее изменение гласного **o*. При отсутствии такого контрас-та артикуляция гласного была стабильна – так в позиции после паузы перед согласным любого образования, перед паузой после согласного; в позициях *p-p*, *p-k*, *k-p*, *k-k* (*p*, *k* = любой губной, задненебный, т.е. лабиовеляризованный согласный).

Артикуляция лабиовеляризованности определяется тем, что со-средоточение массы языка в задней части устной ямы обыкновенно параллельно с энергией округления губ и, наоборот, губное сближение сопровождается активностью задней части спинки языка; акустически это выражается в понижении собственного тона согласного (8:с. 163). Существует мнение, что именно лабиовеляризованность была присуща прасл. губным и задненебным согласным, что и обусловило ряд прасл. вокальных изменений (9:с. 61).

Изменение $*o \rightarrow o'$ в последовательностях типа *pot*, *kot* (*t* = любой нелабиовеляризованный согласный) означает усиление напряженности лабиальной артикуляции в образовании гласного и, как следствие этого, повышение подъема гласного. Этим эксплицируется усиление артикуляционной связи гласного с предшествующим лабиовеляризованным согласным, лежащее в основе прогрессивного уподобления гласного согласному. На то, что доминирующим стимулом этого уподобления является велярная артикуляция (активность задней части спинки языка при образовании согласного) указывает тот факт, что позиция после задненебных может быть предпочтительней для появления o' , чем позиция после губных. Есть говоры, в которых o' выступает только после задненебных, но нет говоров, где бы o' был отмечен только после губных (3: Карта 4). О том, что велярность задненебных стабилизирует лабиализованность гласного, препятствуя его делабиализации, свидетельствует цитированная карта, где выделяются ареалы, для которых характерно соотношение $K\text{Э}/B\text{ε}$, $K\text{Э}/By$. Такой же тип соотношения лабиализованного и нелабиализованного гласного после задненебных и губных согласных во втором от начала слова слоге показан в SS (5:с. 100). Связь нижнелужицкого изменений $*o \rightarrow o'$ с лабиовеляризованностью предшествующего согласного устанавливала Шахматов (9: с. 61).

Изменение $*o$ в *y*, *ε* в позициях типа *p-t*, *k-t* означает делабиализацию гласного с одновременным сдвигом его ряда и подъема несколько вперед и вверх или только вперед. В основе этого изменения лежит ориентация вокальной артикуляции на последующий согласный, т.е. имеет место регressive уподобление гласного, что означает одновременно ослабление связи гласного с предшествующим согласным.

Изменения $*o \rightarrow o'$ и $*o \rightarrow y$, ϵ в контексте славянской фонетики имеют разный уровень своеобразия. Сужение гласного $*o$ и усиление его лабиализованности распространены достаточно широко. Это изменение связано с характером ударения, закрытостью слога, влиянием соседнего, особенного последующего, губного согласного; сужение $*o \rightarrow o'$ перед *w* известно и в нижнелужицких диалектах (4: с. 64). Делабиализация же $*o$ вне редукции в безударных слогах проявляется значительно реже и обычно связана с процессом диф-

тонгизации. Так, в украинских диалектах развитие в новом закрытом слоге **o* → *i*, *u* прошло через серию дифтонгов. В кашубских диалектах известна дифтонгизация **o* → *ue*, при которой гласный делабиализуется (10:с. 129; 11:с. 325). Что касается нижнелужицкой делабиализации **o*, то нет указаний на ее связь с дифтонгизацией.

Таким образом, существование в нижнелужицком диалектном языке таких разных явлений, как изменение в одинаковой позиции **o* → *ö* и **o* → *u*, *e*, является само по себе фактом примечательным и порождает вопрос о том, как это могло произойти. Представляется, что ответ на этот вопрос можно получить, если интерпретировать два вида изменений **o* в качестве компонентов фонетической программы слова.

Натуральной и основной единицей членения звукового потока является фонетическое слово. Именно оно как фонетическое целое присутствует в сознании говорящих при порождении и восприятии речи. Организация слова как целостной единицы регулируется специальным набором правил, которые могут быть представлены в виде задаваемой в сознании говорящих произносительной программы.

Фонетическая программа слова задается как процесс, протяженный во времени. Связь между артикуляциями планируется до произнесения слова, а реализация плана начинается с инициальной артикуляции. Согласно этому, первый звук приспосабливается к следующему еще до произнесения последнего – импульс к изменению заложен в фонетической программе слова до ее конкретной реализации. Именно это отражается в замечании О. Брука, писавшего, что регressive направление изменения означает, что оно основано на принципе антиципации (8:с. 168).

Включение в программу слова принципа антиципации означает повышение роли дистактных связей в фонетике слова. Дистактность связи между рядом стоящими звуками наглядно подтверждается сохранением результатов регressive позиционного изменения вопреки исчезновению позиции, вызвавшей его. Такой пример дает прерванное произношение, когда качество первого звука ориентировано на следующий ожидаемый, но не произнесенный звук. Ср. в рус. *s'- [p̪isat̪]*, оп- [*t̪anit̪*], диал. *kos'- t̪i* и *kos'*, *żyz'n'i* и *żys'*; этот же тип явления демонстрирует мягкость согласных после утраты

следовавшего после согласного редуцированного **b* (12); на этом же основан известный факт синтагматической прозрачности *u* при уподоблении шумных по участию голоса в рус. — *g uðou'ē* при *k vam, k vrug*.

Собственно контактны лишь прогрессивные уподобления в звуковой цепи — артикуляция второго звука меняется после того, как первый звук произнесен. Так, контактна аккомодация гласного предшествующим согласным (*ta* и *t²a*) и дистактна — последующим (*tat* и *ta*t²*).

Подойдя с этих позиций к последовательностям типа *rot, kot* в нижнелужицких диалектах, можно заметить, что изменение гласного **o* здесь определяется конкуренцией контактной и дистактной связей в звуковой цепи. В указанных сочетаниях гласный **o* оказался между согласными, контрастирующими по наличию ~ отсутствию лабиовеляризованности. Этот контраст создавал альтернативу — 1) актуализировать в фонетической программе слова дистактную связь с *t* и, как следствие этого, утратить (ослабить) лабиализованность гласного, или 2) не включать в программу слова антиципацию *t*, усилив с этой целью контактную связь гласного с предшествующим согласным, что вело к изменению **o→o'* после задненебных и губных или только после задненебных, а также могло проявляться в сохранении *o* после задненебных при его делабиализации после губных.

Разные виды нижнелужицкого изменения **o* могут быть соотнесены с хронологически разными состояниями звукового строя. Изменение **o→o'* эксплицирует более тесную связь гласного с предшествующим согласным, а делабиализация **o* — ослабление этой связи и появление ориентации артикуляции гласного на последующий согласный.

Состояние преимущественной связи гласного с предшествующим согласным можно считать более архаичным, поскольку оно относится с реализацией в звуковой цепи тенденции к открытому слогу, когда слово строится как последовательность однотипных слогов, которые к тому же могут выступать как функционально нечлененные единицы (силабемы) (13:с. 247). В фонетическом слове, построенном по такому принципу, маловероятно влияние согласного на артикуляцию предшествующего гласного.

Антиципация согласного при образовании гласного включается в фонетическую программу слова как следствие наступившей после падения редуцированных допустимости наряду с открытыми и закрытых слогов. При неунифицированном слогоделении ослабляется функциональная связь гласного с предшествующим согласным и формируется ориентация гласного на следующий согласный. Первично благоприятные условия для этого создавались в закрытом слоге – в односложном слове, оканчивающемся на согласный, а также при образовании сочетания согласных вследствие падения редуцированных. Хотя в последнем случае закрытость слога не была неизбежной, поскольку слогораздел не исключался и перед сочетанием согласных.

В славянской фонетике известны факты, когда закрытый слог становился пространством специфического изменения гласного, явившегося реакцией на утрату редуцированного в следующем слоге. Таково удлинение **o*, **e* в новом закрытом слоге и дальнейшее изменение этих гласных в украинских диалектах. Нижнелужицкое изменение **o*, будучи связано с возникновением неунифицированного слогоделения после падения редуцированных, тем не менее не стало фактом фонетики закрытого слога (хотя Муке не исключал, что первоначально и нижнелужицкое изменение **o*→**o'* было связано с закрытым слогом (1:c. 99)). Как показывают материалы Sorbischer Sprachatlas 1–10, изменение **o* имело место независимо от того, следовал в слоге после **o* слабый редуцированный или нет. Так, после губной протезы **o* изменяется в *osada (SS 8/Karte 57) *osē̄nъ (9/7), *orē̄xъ (5/19), *otava (2/80), *osa (3/58) и в префикссе *otɔ̄- (1/77, 5/62, 5/107 и др.), *osɔ̄la (1/70), *ostɔ̄ (6/26), *osp̄ (4/81) и др.; *polunɔ̄ (5/44), *postawa (4/28), *posadɔ̄ (1/56), *postolɔ̄ (10/37) и префикс *podɔ̄- (2/12, 4/42, 5/94 и др., *polɔ̄ska (8/21); *motača (1/54) и *mozgɔ̄ (6/14); *koleso (4/13, 15), *kolo (4/13, 15), *kolē̄n- (6/46), *košul- (6/66) и *konjɔ̄ (2/68), *kostɔ̄ (3/28), *kos-tɔ̄r- (1/48) и т.д.

Нижнелужицкое изменение **o* обусловлено не конкретным типом слога, а тем, что благодаря появлению закрытых слогов создались предпосылки для ослабления артикуляционной (возможно, и функциональной) связи гласного с предшествующим согласным. Потеряла актуальность фонетическая программа слова как последователь-

ность однотипных слогов. Слово стало программироваться в виде последовательности гласных и согласных как дискретных единиц. Это создало основу для включения в программу слова антиципации согласного при выборе гласного.

Как было сказано, в последовательности *rot*, *kot* контраст между предшествующим согласным, с которым **o* был связан традиционно, и последующим, на который **o* ориентировался новой программой слова, касался лабиовеляризованности. Образуясь в заднем ряду и имея лабиализованность, гласный **o* артикуляционно был подобен согласным *r*, *k*. Ориентация на второй согласный означала потерю (ослабление) лабиализованности **o*. Как охранительная реакция на это происходило усиление лабиализованности и напряженности гласного **o*. Утверждение же приоритета антиципации нелабиовеляризованного согласного в фонетической программе слова привело к делабиализации **o*.

О приоритете антиципации нелабиовеляризованного согласного в фонетической программе слова свидетельствует и разное отношение **o* к предшествующему и последующему *w* из *. В говорах, знающих делабиализацию **o*, она не происходит после *w* из *, но перед *w* того же происхождения варьируется *o* // *e*, *y* на месте **o*. При этом делабиализация **o* после задненебных фиксируется чаще, чем после губных (б:с. 98). Надо полагать, что процесс делабиализации **o* стал актуальным до изменения **X* → *w*. Поэтому делабиализация отсутствовала в последовательности типа *tot*, но имела место в *kot*, *rot*. Поскольку изменение связано с включением антиципации нелабиовеляризованного согласного в программу слова, то изменение **X* → *w* должно влиять на выбор гласного перед этим *w* сильнее, чем после него. После *w* из * действовала инерция предшествующего состояния и гласный *o* не подвергался тем изменениям, которые можно было бы ожидать после губного согласного не перед губным и задненебным. Появление же *w* из * после *o* создавало конфликт между ожидаемым звуком (зубным) и реально произносимым (губным). В этих условиях в соответствующих позициях вновь появляется *o* вместо *e*, *y*. После задненебного согласного, имеющего высокую степень веляризованности, память о делабиализации была сильнее, чем после губного – поэтому здесь чаще, чем после губных согласных, перед *w* из * представлены результаты делабиализации **o*.

Аргументом в пользу того, что логика нижнелужицкого изменения ***o** определяется фонетическим пространством более длинным, чем сочетания типа *rot*, *kot*, является не только парадоксальность усиления лабиализованности перед *t* ($*o \rightarrow o'$) при отсутствии такого изменения перед *r*, *k*. Весьма существенным для предлагаемой трактовки нижнелужицкого изменения ***o** является то, что оно особенно последовательно происходит в первом слоге слова. При фиксированном ударении этот слог имеет ударение. На ударность слога как условие изменения ***o → o'**, у *у* указывал Муке (1:с. 99).

В SS 13 карты 23, 27 и комментарии к ним дают сведения о рефлексации ***o** в последовательностях типа *rot*, *kot* в безударных слогах. При этом автор карт исходит из того, что всем нижнелужицким диалектам свойственно фиксированное инициальное ударение. В соответствии с этим, безударными считаются все неначальные слоги. Фиксируемое на востоке нижнелужицкого континуума ударение на предпоследнем слоге, а также возможность сосуществования ударения на первом и предпоследнем слоге (1:с. 149; 2:с. 71; 4:с. 79; 14:с. 36) автором SS 13 не принимается во внимание. Поэтому не всегда слог, который автор считает безударным, таковым является. Например, диалект *Нотго* имеет ударение на предпоследнем слоге, и это сопровождается передвижением ударения, когда в связи с формо- и словоизменением увеличивается количество слогов в слове ('*u'xas* и '*u'xa̯ica*, '*sko'se* и *sko'setou* и под.). На цитированных же картах (5:с. 100, 112) в этом диалекте гласные неначального слога подаются как всегда безударные.

Для суждения о рефлексии ***o** в безударном слоге при фиксированном инициальном ударении наиболее удобны бесприставочные слова, имеющие в корневой морфеме во втором слоге гласный ***o** в позиции *r-t*, *k-t*. Именно в таких словах велика вероятность того, что развитие ***o** не подвержено влиянию нефонетических факторов (5:с. 99–100).

Как показано в SS 13 рефлексия ***o** в ударном и безударном слоге не совпадает. В бесприставочных корневых морфемах нет параллелизма в замене ***o** в безударном слоге после задненебных и губных согласных. После задненебных произносится только *o*; после губных – возможна делабиализация ***o**, но не изменение в *o'*.

В том случае, если **o* попадает в неначальный слог слова вследствие того, что корню предшествует префикс, то **o* может вести себя так же, как в слоге под ударением, т.е. фиксируется как ́*o*, так и делабиализация **o*, и не только после губных, но и после задненебных (5:с. 99, 100, 112).

Относительно делабиализации после губного согласного во втором слоге корневой морфемы в бесприставочном слове в комментарии к карте 23 SS 13 сделано важное наблюдение. Установлено, что в некоторых говорах поведение **o* в позиции *p-t* во втором слоге слова зависит от качества гласного в первом слоге. Если в первом слоге выступает гласный "не *o*", то *o* во втором слоге сохраняется; если же в первом слоге произносится *o*, то в следующем слоге происходит делабиализация, т.е. *p^hapora*, *guspoza* и *sobeta*, дублеты *gespodar^h* и *gospedar^h* (5:с. 99–100). Такое распределение *o* и "не *o*" во втором слоге указывает на то, что присутствие *o* перед губным согласным усиливает лабиовеляризованность согласного, вследствие чего увеличивается контраст между согласными в последовательности *p-t*, что в свою очередь усиливает антиципацию *t*, вызывающую делабиализацию гласного. Присутствие перед губным гласного "не *o*", напротив, как бы делает лабиовеляризованность согласного менее яркой и тем, если не ослабляет, то и не увеличивает контраст между согласными в сегменте *rot*, что и способствует стабильности *o*. Следует подчеркнуть, что, хотя явление выглядит как диссимилляция гласных соседних слогов, в основе изменения лежит дистанцирование артикуляции гласного от предшествующего губного согласного – последовательности типа [*o+p*] и ["не *o*" + *p*] действуют как единый комплекс. Поскольку в этом случае гласный оказывает прогрессивное воздействие на следующих гласный не непосредственно, а через согласный, можно считать, что этот факт пополняет состав аргументов в пользу того, что в славянских диалектах прослеживается влияние гласного на следующий согласный (15:с. 103).

Фонетическая программа слова как план-намерение возникает до произнесения слова и подразумевает пересчет серии сегментных и суперсегментных возможностей и выбор их. При этом разные части слова оказываются в зонах неодинакового внимания со стороны

говорящих. Это проявляется в том, что одни сегменты фиксируются в сознании говорящих более отчетливо, чем другие, реализуемые с большой степенью произносительной инерции.

Для сегментов, находящихся в зоне повышенного внимания говорящих, характерно особое отношение к фонетическим изменениям. С одной стороны, эти сегменты достаточно консервативны при изменении инвентаря системных единиц, а с другой, активно реагируют на имеющие общий характер сдвиги в фонетическом строе. Ср. иллюстрацию этого положения на фактах русских диалектов, где в зоне повышенного внимания находится ударный слог. Здесь фонема **ě* удерживается именно в ударном слоге. Но зато изменение *e* → *o*, вызванное становлением корреляции палатализованности, шире всего распространено под ударением. Другой пример можно привести из белорусского полесского говора, в котором происходит смена оканья аканьем. Так как в зоне повышенного внимания здесь находится предударная часть слова, именно в ней реализуется принцип аканья, а заударная часть слова сохраняет оканье (16:с. 118).

В акте коммуникации в сфере повышенного внимания находится начало слова, поскольку оно открывает реализацию фонетической программы. В нижнелужицких диалектах именно первый прикрытый слог должен был в первую очередь отреагировать на ослабление преимущественной связи гласного с предшествующим согласным, которая существовала до падения редуцированных и утратила основания в связи с их падением. Для гласного **ø* в последовательности типа *pot*, *kot* создавалась альтернативная ситуация, сущность которой состояла в выборе согласного в качестве ориентира при образовании гласного. Сопротивление новой тенденции выражалось в изменении **ø* → *ó* и сохранении *o* после задненебных. Последовательности типа *pót*, *kót*, *kot* отражают более архаическое состояние не потому, что в них сохранена или усиlena лабиализованность гласного, а потому, что артикуляция гласного связана с предшествующим согласным в большей степени, чем с последующим. В то же время изменение **ø* → *ó* равно как и делабиализация **ø* является реакцией на общее изменение связи гласного и согласного в звуковой цепи.

Начальный слог слова возможен в двух типах морфем – в приставке и в корне. В соответствии с этим, изменение **ø* становится приметой этих морфем и отсутствует в послекорневой части слова (5:с. 100). Отступления от этого правила единичны – такова делабиализация *o* во втором слоге в *srom-ota*, *sam-o-sedk*.

Консонантное окружение **o* во многих морфемах постоянно. В приставках **podъ*, **у)otъ*, всегда находящихся в начале слова, в синхронном плане вообще нельзя установить связь *o* или *u*, *e* с **o* более раннего периода. Находящиеся в начале корневой морфемы последовательности типа *rot*, *kot* (**(u)oréхъ*, **(u)osътъ*, **koz-*, **kot-*, **gor-* и др.) попадают в неначальный слог, если корню предшествует приставка. В этих случаях гласный "не *o*", будучи признаком корневой морфемы, чей первый слог одновременно начинает слово, сохраняется, хотя и находится во втором от начала слова слоге (5: с. 102, 103). Здесь имеет место приоритет позиции в морфеме над позицией в слове.

Если последовательность *rot*, *kot* находится во втором слоге корня, то она не может выступать в начале слова. Как было сказано, после задненебных согласных в этой ситуации представлен только гласный *o* – *rogos'*, *kokot*, *jagody* и др. (5: с. 99), т.е. эффект, актуальный в начале слова, здесь отсутствует. После губных согласных во втором слоге корня произносится или *o*, или результат его делабиализации – *kotot*, *topol*, *sobota* или *komet*, *obeda*, *sobeta*, *komut*, *obyda*, *sobyta* (5: с. 102, 103). Эти факты указывают на то, что наступившее после падения редуцированных изменения в характере связи между гласным и согласным ощущалось во втором слоге корневой морфемы не так резко, как в первом. В последовательности *kot* во втором слоге антиципация нелабиовеляризованного согласного вообще не включалась. В последовательности *rot* такая антиципация имела место, вызывая делабиализацию гласного. Но при этом артикуляционное расстояние между **o* и нелабиализованным гласным может быть меньше, чем в первом слоге корня в той же позиции. Так, имеются говоры (5: с. 100–103), где в первом слоге **o* делабиализуется в *u*, что означает и повышение подъема гласного, а во втором – в *e*, который находится на той же ступени подъема, что и **o*.

Хотя во втором слоге корня тенденция к изменению **o* между лабиовеляризованным и нелабиовеляризованным согласным действует более вяло, чем в первом слоге, тем не менее это указывает на то, что корень как компонент слова, имея приоритетную коммуникативную значимость, находится в зоне повышенного внимания гово-

рядких. Послекорневые морфемы такой нагрузки не несут. Здесь преобладает произносительная инерция, способствующая тому, что фонетические инновации сюда могут не проникать (другая сторона такого статуса послекорневых морфем — их подверженность фонетически не мотивированным изменениям). Именно благодаря фонетической консервативности послекорневых морфем гласный **o* в них, за малым исключением, не подвергается изменениям (*xgaroso*, *lubosc'* и под.).

Как было сказано, в серболужицкой лингвистической традиции принято считать, что условием нижнелужицкого изменения **o* в последовательностях *rot*, *kot* является ударность слога. Альтернатива ударности ~ безударности континуанта **o* в современных диалектах возникает в слове, состоящем более чем из одного слога. В условиях любой разновидности фиксированного ударения двусложное слово всегда имеет ударение на первом слоге. Представление об отношении континуанта **o* к ударению во втором от начала слова слоге в трехсложных словах неоднозначно. Оно зависит от того, какой вид фиксированного ударения констатируется в нижнелужицких диалектах. Если принимается идея тотального распространения инициального ударения, как это сделано в SS 13, то позиция в неначальном слоге слова всегда означает безударность. Если же учесть мнение, согласно которому ударение в нижнелужицких диалектах может быть фиксировано не только на начальном, но и предпоследнем слоге (Муке, Штибер, Шерба), то континуант **o* оказывается под ударением не в начальном слоге и без ударения — в начальном. Вторая точка зрения кажется более соответствующей реальности. Ср. примеры из диалекта *Mosz* — '*wys'epal'i*, '*byt'kowax*, '*ky'korot*, '*p'japora*, '*wyt'mol'owaś*', '*gys'podař*' и *sy'korka*, *gys'poza*, *ku'moda*, *ky'l'asko*, *wyt'kanę* и под. При допустимости ударения на предпоследнем слоге связь изменения **o* с ударением в синхронном плане не просматривается.

Думается, что синхронные акцентные характеристики вряд ли вообще правомерно привлекать для объяснения правил изменения **o*. Изменение **o* относится к достаточно раннему времени уже потому, что в этом изменении сыграла роль лабивеляризованность губных и задненебных. Это качество согласных было свойством праславянской

фонетики – в дальнейшем лабиовеляризованность ослабевала или исчезала (9:с. 62). О том, что в нижнелужицких диалектах губные и задненебные согласные в более позднее время перестали оказывать на *o* влияние, присущее лабиовеляризованным, свидетельствует отсутствие изменения *o* в позициях *p-t*, *k-t* в словах, заимствованных из немецкого языка. Если же в таких словах произносятся *o'*, *e*, *u* на месте *o*, то это является аргументом в пользу того, что заимствование является старым. Ср. *špóda*, *špéda*, *špyda* (17: с. 54), *kelacyja*, *kolacyja* (18: с. 168). Изменение **o* в позициях *p-t* *k-t* происходило после падения редуцированных и до ослабления лабиовеляризованности губных и задненебных согласных. Тем более акцентная ситуация, в которой происходило изменение **o*, не была тождественна современной. Смена свободного ударения фиксированным – явление значительно более позднее, чем изменение **o* в последовательностях *rot*, *kot*. Ср. в этой связи анализ становления фиксированного ударения в польском, аналогия с которым не исключена для нижнелужицкого (первая фаза стабилизированного ударения – инициальное, которое через усиление побочного ударения преобразуется в ударение на предпоследнем слоге (19:с. 64–67)).

Нижнелужицкое изменение **o* происходило в условиях свободного ударения и не было ограничено ударным слогом. Определяющей была позиция в первом прикрытом слоге слова. В корневой морфеме изменение было допустимо и во втором слоге, но последовательностью оно здесь не отличалось.

Выше было сказано, что изменение **o* → *o'* отражает хронологически более ранние отношения между гласным и согласным в слове, чем делабиализация **o*. Возникает вопрос – являются ли изменение **o* → *o'* и его делабиализация этапами одного фонетического процесса или возникли независимо друг от друга.

В SS 13 показано, что наряду с говорами, в которых в позиции *p-t* безысключительно происходит делабиализация **o*, имеются и такие говоры, где при делабиализации **o* в большей части слов в то же время в немногих примерах на месте **o* фиксируется *o* и совсем редко – *o'* (5:с. 87–88). Нарушение принципа делабиализации в позиции *k-t* происходит в виде произношения в нескольких словах гласного *o*, но никогда *o'* (5:с. 94–95). В то же время в диалектах,

для которых характерно изменение $*o \rightarrow o'$, варианты с делабиализованным $*o$ отсутствуют.

С точки зрения возможной преемственности изменения $*o \rightarrow o'$ и делабиализации $*o$ диагностическое значение могли бы иметь факты употребления o' в говорах с делабиализацией $*o$. Однако считать эти факты остатком предшествующего состояния мешает то, что 1) o' фиксируется только в последовательности типа *rot*, но никогда в *kot* и 2) нельзя исключить при малочисленности примеров, что o' в них является фактом фонетики конкретного слова. Отсутствие фактов делабиализации $*o$ в тех говорах, где господствует $*o \rightarrow o'$, также не дает оснований считать эти виды изменения этапами одного процесса.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

1) Нижнелужицкое изменение $*o$ в последовательностях типа *rot*, *kot* является реакцией на ту перестройку отношений между гласным и согласным в слове, когда слово перестало быть последовательностью открытых слогов. При допустимости закрытости слога, наступившей после падения редуцированных, утрачивается однозначная связь согласного с предшествующим согласным и включается антиципация последующего согласного при образовании гласного.

2) В последовательностях типа *rot*, *kot* согласные контрастировали по наличию/отсутствию лабиовеляризованности. Лабиализованный гласный $*o$ по своей артикуляции гармонирует с лабиовеляризованным согласным, находясь с ним в контактной связи (артикуляция гласного наступает вслед за реализацией согласного). В условиях этой связи укрепляется устойчивость артикуляции как гласного, так и согласного. Ориентация на нелабиовеляризованный согласный означает включение дистактной связи между гласным и согласным (артикуляция гласного планируется и реализуется до произнесения следующего согласного). Включение дистактной связи создает основу для делабиализации гласного. В зависимости от наличия/отсутствия сопротивления новой тенденции находятся изменение $*o \rightarrow o'$ и сохранение $*o$ после задненебных, с одной стороны, и изменение $*o \rightarrow y, e$, с другой.

3) Условия нижнелужицкого изменения гласного **o* не могут быть ограничены фонетическим контекстом. Изменение **o* выступает как компонент фонетической программы слова в целом, реализуясь в том ее участке, который находится в зоне повышенного внимания со стороны говорящих и поэтому активно реагирует на инновации в фонетическом строе языка. Это – первый прикрытый слог слова, а также второй слог в корневой морфеме.

4) Отношение к ударению на изменение **o* не оказывало воздействие. Изменение происходило в ситуации свободного ударения, и фрагмент фонетической программы слова, находящийся в зоне повышенного внимания, мог как иметь, так и не иметь ударение.

5) Изменения **o → o'* и **o → y, e* не находятся в отношениях хронологической последовательности и представляют собою независимые друг от друга явления.

Примечания

¹ Mucke K.E. Historische und vergleichende Laut und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891.

² Stieber Z. Stosunki pokrewieństwa języków Łużyckich, Kraków, 1934.

³ Fasske H. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

⁴ Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.

⁵ Sorbischer Sprachatlas 13. Synchronische Phonologie bearbeitet von H. Fasske. Bautzen, 1990.

⁶ Sorbischer Sprachatlas 1 bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk. Bautzen, 1965.

⁷ Michalk F., Sperber W. Wopisanje fonologiskich systemow naręčow serbskich informackich dypkow w Slowjanskim ręčnym atlasu. Lětopis za serbski ludošpyt. Rjad A. č. 30/1, 1983.

⁸ Брок О. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

⁹ Шатмаков А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

- 10 *Topolińska Z.* Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego". Zeszyt 1. Wrocław, 1982.
- 11 *Селищев А.М.* Славянское языкознание. М., 1941.
- 12 *Калнынь Л.Э.* Фонетическое слово как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. "Славяноведение" 1992, № 1.
- 13 *Аванесов Р.Н.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- 14 *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
- 15 *Пауфошима Р.Ф.* О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых русских окающих говорах. // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- 16 *Калнынь Л.Э.* Об организации фонологических систем смешанного типа. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.
- 17 Sorbischer Sprachatlas 5 bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk. Bautzen, 1976.
- 18 Sorbischer Sprachatlas 9 bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk. Bautzen, 1984.
- 19 *Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbanič zyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.

Ф. Гинце (Берлин)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ
ВЕРХНЕЛУЖИЦКОГО NJERK, JERK, НИЖНЕЛУЖИЦКОГО NÉRK,
NERK, JERK, ПОМОРСКОГО NÉŘX, NÉRK 'ИКРА'
И РОДСТВЕННЫХ ИМ СЛОВ

Слова, вынесенные в заглавие настоящей статьи, Ф. Михалк выводит из праславянского диалектного *ikrъ 'рыбья икра (необработанная)' (см. Серболужицкий лингвистический атлас¹), следуя примеру Э. Муке, выдающегося исследователя нижнелужицкого языка. Таким образом, в нижнелужицком "jerk... nérk (искаженное *ikrъ..., ц.-слав. *ikr a*..., в.-луж. *jerk*, *njerk*..., польск. *ikra*, чеш. *jíkra*) означает 'рыбья икра свежая', икра"². Прежде чем предложить свою этимологию, идея которой подсказана Ф. Михалком, я приведу здесь еще несколько примеров поморских параллелей к серболужицким синонимам и производным от них: 1) nérx, редко nérk м.р. 'рыбья икра; время нереста', варианты nírx, nérx, сюда же относятся 2) глагол nérknuqc sa, 'метать икру' наряду с вариантами nérknuqc (sa), nérk-nuqc (sa) (засвидетельствовано также отглагольное существительное nérknase с.р.), nérknuqc (sa) и nírxnuqc sa 'метать икру'³.

Для дальнейших этимологических изысканий важно установить конечный корневой детерминант. В нижнелужицких корневых окончаниях -k преобладает над -ch, так у Хойнана: nárkusse, nárknusse 'метать икру', nákerne (*nerkernje*), отглагольное существительное 'рыбья икра'; у Гауптмана: nerk, nerch 'нерест, икра', nerknusch (*nerknus'*), у Тары: neerch, у Анонима: ten nérk (*njerk*)⁴, nerkane 'метать икру', nerkas (имперфективный глагол), nerknuš 'метать икру', nerklica 1. 'икра', 2. 'рыба, мечущая икру'; 3. 'связки из камыша, пучок из тростника', nerknéne 'икринка'⁵. Мука не был первым, кто выводил *jerk* и *nérk* из *ikrъ, но следовало бы также обратиться к идеям его выдающихся предшественников, таких, как

Ф. Миклошич (в его этимологическом словаре по крайней мере одна статья, а именно *ikra*²⁶ заслуживает здесь особого внимания) и К. Бругман, придерживавшийся теории метатезы (звуковой перестановки) *-kr* на *-rk*⁷. В словарной статье на прасл. *ners-* ‘соиг’, где тщательно подобран весь соответствующий материал, Ф. Миклошич делает куда более осторожное замечание: “Неправильные в.-луж. *ńerk* ‘икра’, *nerkać*, н.-луж. *nerk*, *nerch*, *jerk*”, причем весь этот комплекс в рамках гнезда прасл. *ners-* он заключает, как нечто особое, в круглые скобки⁸. Вслед за Зубатым Ф. Славски (см. AfSIPh 16, 403; *ikra* 1. *jajk a ryb*) сделал предположение, что в.-луж. *jerk*, *njerk*, н.-луж. *jerk*, *ńerk*, *nerk* с тем же значением надо рассматривать как контаминацию прасл. **jerka* и близкого по значению прасл. **nerstə*⁹, но эта идея оказалась малоубедительной. Не говоря уже о том, что почти все этимологи прошли мимо значительного корпуса родственных поморских слов, разве не удивителен в высшей степени тот факт, что ни одна из этих мнимых контаминаций не оканчивается – пусть даже в виде исключения – на *-o* или *-a* по образцу прасл. **jerko*, **jerka*, и, стало быть, невозможна появление **nerka* или **nerko*? Осторожное предложение Ф. Миклошича, уже содержавшее в себе гениальную разгадку этого по всей видимости запутанного этимологического вопроса, не было принято во внимание. У него это звучит так: “Слав. *s*, лит. *š* указывает на палатальное *k̄*, чем, возможно, и объясняется в.-луж. *ńerk* и т.д.”¹⁰. Развивая это споредливое рассуждение, получаем классический индогерманский ряд аblaута в рамках балто-славянского (индогерм. **nork-*/**nerk*/**nirk*), согласно которому лит. *narš-* (в литовском *nārš-as* ‘икра рыб и лягушек’) с полной *o*-ступенью противостоит прасл. **nors-* ə (ощущенному в русск. *норос* ‘икра рыб, лягушек’; а также с суффиксальным расширением – *на́рос-ть* ‘течка’ и др.). Прославянскому диалектному **ners-* (уловимому в укр. *нерез*, *нерес-ть* ‘икра’, помор. *ńeřos-c*, *ńeřos-t*, ‘нерест’ – LH 1589, производное укр. *нерес-ница* ‘электрическая рыба’; русск. *нерес-ть*) соответствует лит. *nerš-*/лат. *ners-* (заметному в глаголах лит. *nerš-ti* ‘метать икру’, лат. *ner̄s-t* ‘метать икру, спариваться’ и др.).

В качестве прославянской диалектной ступени выпадения звука следовало бы восстановить прославянско-диалектное **n̄rk-* ə (индогерм. **nirk-*), из которого могли бы развиться н.-луж. *ńerk*, *nerk*, по-

мор. *neřk*, *neřx* ‘икра’, и варианты. В балтийских языках я нашел производное соответствие для индогерм. **nirk-*, в лит. *niršeti* ‘кишеть’¹¹. Это могло бы стать не слишком-то часто встречающимся примером того, что в рамках одной индогерманской языковой ветви отсутствует передвижка индогерманского *k*, как это можно в известной степени заметить в др.-прусск. *reški* или *reškan* (оба Akk.) ‘скот’, лит. *rēkus* ‘мелкий скот’, *pekas* ‘скот’: лит. *rēšti* ‘дергать, шипать, надрывать, сдирать, срывать, рвать (волосы)’¹². Если мы объясняем конечное *-k* в основе нижнелужицких слов петрификацией индогерманского *k*, то нам не остается ничего иного, как дать соответствующим формам на -*x* в серболужицком и поморском языках (которые здесь далеко не преобладают) фонетическую мотивировку. В поморском языке *-k* и *x* довольно часто сменяют друг друга, особенно в словах, соответствующих прасл. **vjčh-* ‘острие, вершина’, здесь измененная форма помор. *véřk* встречается едва ли не чаще, чем этимологически правильное *véřx*. Подобным же образом можно было бы рассматривать *j-* в начинающихся с него словах (помор. *jéřxnoč sə* ‘метать икру’, в.-луж., н.-луж. *jerk* ‘рыбья икра’) как чисто фонетический результат обратного разложения палатального *ń*. По другому пути пошел Г. Шустер-Шевц, который, применительно к серболужицкому, исходит из основной формы *nerch* (*njerch*) и выводит *r* из праславянского диалектного **nerbch-* ‘(индогерм. **neris-*os)’¹³.

Примечания

¹ Sorbischer Sprachatlas 3. Floristische und faunistische Terminologie, bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk, Bautzen o.J. 1970, Karte 47, Kommentar S. 132–133.

² Mücke E. Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. St. Petersburg, 1911–1915, Prag, 1926, S. 544.

³ Lorentz F. Pomoranisches Wörterbuch, Bd. I: A – P. Berlin, 1958, S. 595; Sychta B. Słownik gwar kaszubskich..., t. III. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969, S. 245–246; Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Opracowany przez Zakład Słownianoznawstwa PAN pod kierunkiem Z. Stiebera, z. VI. Część II. Wykazy i komentarze do map 251–300, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969, S. 61. В этой ра-

боте на с. 58–59 уже выражено справедливое убеждение в том, что севернопольские *ńět̪knqc̄*, *ńečknqc̄*, *ječknqc̄* (*ječknqc̄*), *mečknqc̄* (*mečknqc̄*) успешно выводятся из первоначального **nerk-* и что речь здесь идет об одной севернопольской – (а потом поморско-) серболужицкой изолексе.

⁴ Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache, Bd. 2, Bautzen o.J. [1981–1984], S. 996–997.

⁵ Mücke E. Op. cit., S. 1006.

⁶ Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 95.

⁷ Brugmann K. Vergleichende Laut-, Stammbildungs- und Flexionslehre der indogermanischen Sprachen. 2. Bearbeitung. Erster Band. Einleitung und Lautlehre. Erste Hälfte, Strassburg, 1897, S. 866, 1089.

⁸ Miklosich F. Op. cit., S. 213.

⁹ Stawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952–1956, S. 447.

¹⁰ Miklosich F. Op. cit., S. 213.

¹¹ Kurschat A. Litauisch-deutsches Wörterbuch. Thesaurus Linguae Lituanicae, hg. von W. Wissman und E. Hofmann. Unter Mitwirkung von Armin Kuschat und H. Krick (Bd. 1–4, Göttingen, 1968–1973), Bd. 2, S. 1531.

¹² Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch, Bd. 1, Heidelberg. Göttingen, 1962, S. 564–565, 580–581.

¹³ См. примечание 4.

Список сокращений

в.-луж.	— верхнелужицкий
др.-прусск.	— древнепрусский
индогерм.	— индогерманский
лат.	— латышский
лит.	— литовский
нижнелуж.	— нижнелужицкий
польск.	— польский

prasл.	— праславянский
помор.	— поморский
русск.	— русский
слав.	— славянский
укр.	— украинский
ц.-слав.	— церковнославянский
чеш.	— чешский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	3
<i>Г. Шустер-Шевц</i> (Германия). Серболужицкий язык и его изучение. Перевод М.И. Ермаковой	4
<i>Ф. Михаик</i> (Германия). К вопросу о значении переписки Тицина для понимания истории верхнелужицкого литературного языка. Перевод М.И. Ермаковой	37
<i>О.Б. Ткаченко</i> (Украина). Лексические германизмы современного нижнелужицкого литературного языка.	50
<i>И. Шеракова</i> (Германия). Развитие общественно-политической лексики в верхнелужицком литературном языке. Перевод М.И. Ермаковой	90
<i>С. Вёльке</i> (Германия). К проблеме границ фраземы: проблемы определения верхнелужицкой фраземы, содержащей компонент <i>tēč</i> . Перевод М.И. Ермаковой	105
<i>А.А. Павченко</i> (Украина). Идеографическое описание фразеологии верхнелужицкого языка	120
<i>М.И. Ермакова</i> . Из истории серболужицкого именного словоизменения IV (парадигматика имени существительного по данным нижнелужицких памятников письменности XVI в.)	138
<i>С.С. Скорвид</i> . Серболужицкие конструкции типа <i>bětu zberanje, na bětach zberanji</i> в исторических взаимосвязях.	165
<i>Л.Э. Калнынь</i> . Нижнелужицкая рефлексация *o как компонент фонетической программы слова	174
<i>Ф. Гинце</i> (Германия). К вопросу об этимологии верхнелужицкого <i>pjerk, jerk</i> , нижнелужицкого <i>ńerk, neřk, jerk</i> , поморского <i>nerx, ńerk</i> 'икра' и родственных им слов. Перевод М.И. Ермаковой	190

ПРОБЛЕМЫ
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СЕРБОЛУЖИЦКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И
ДИАЛЕКТОВ

Сборник статей

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
М.И. ЕРМАКОВА

Сборник подготовлен в редакционно-издательском
отделе Института славяноведения и балканистики РАН

Л.Р. № 090063 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 06.12.94. Объем 11,0 усл.-печ.л.
Тираж 200 экз. Цена договорная. Заказ №

Отпечатано на ротапринте НИПИстатинформа
Госкомстата РФ

